

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

На правах рукописи

МОРОЗОВА Татьяна Ивановна

**ГЕНДЕРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЫ МИРА
ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
10.02.01 – русский язык

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор **Брысина**
Евгения Валентиновна

Волгоград

2015

Содержание:

Введение.....	4
Глава 1. Диалектная картина мира: признаки и свойства	13
1.1. Исследовательские парадигмы в области диалектологии.....	13
1.2. Донское казачество: историко-этнографический тип.....	21
1.3. Донские казачьи говоры как объект научного исследования	34
1.4. Общеязыковая и диалектная картины мира	44
1.5. Основные признаки диалектной картины мира	57
1.5.1. Антропоцентричность	60
1.5.2. Аксиологичность.....	64
1.5.3. Универсальное и уникальное в диалектной картине мира донского казачества	71
1.6. Гендерные признаки диалектной картины мира.....	75
Выводы	85
Глава 2. Гендерные особенности языковой картины мира донского казачества	89
2.1. Маскулинные характеристики ДКМ донского казачества	93
2.1.1. Образ казака и языковые средства его репрезентации в диалекте.....	99
2.1.2 Казачья воля.....	112
2.1.3 Социальная организация донского казачества как сфера реализации гендерных стереотипов.....	116

2.1.4. Военная миссия казачества и ее отраженность в языке	121
2.1.4.1 Ценность «Конь» как гендерно маркированный признак ДКМ казачества	124
2.1.4.2 Гендерно маркированная ценность «Служба» в языковом сознании донского казачества.....	130
2.2 Фемининные признаки диалектной картины мира казачества.....	134
2.2.1 Образ казачки и языковые средства его репрезентации в диалекте.....	136
2.2.2 Семейные функции. Роль женщины в казачьей семье и ее отражение в языке	144
2.3. Речевое поведение казака и казачки как показатель их гендерной принадлежности	156
Выводы	172
Заключение.....	176
Литература	179
Лексикографические источники	195
Приложение	198

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование направлено на осмысление, выявление и систематизацию факторов, влияющих на формирование этнокультурного своеобразия диалектной картины мира донского казачества. Современная лингвокультурология, в рамках которой проводилось данное исследование, предполагает имплицитное взаимодействие лингвистики, истории, культурологии, этнографии, философии, психологии. На разные положения данных отраслей знаний мы опирались при анализе с материала.

Устойчивый интерес современной лингвистики к человеческому фактору в языке проявляется в том числе и в пристальном внимании исследователей к языковым картинам мира, в полной мере отражающим своеобразие мировосприятия народов, особенности их мироощущения. Своеобразной «междисциплинарной интригой», в основе которой сплетается множество наук о человеке, является гендер, особым образом реализующийся в разных картинах мира. Мы рассматриваем гендер как когнитивную категорию, являющуюся стабильным компонентом речевой деятельности и реализующуюся в иерархической системе вербальных стереотипов.

Внимание к гендерным характеристикам языковой картины мира донского казачества во многом обусловлено экстралингвистическими обстоятельствами, связанными с условиями формирования казачества как особого субэтноса русского народа, в ходе которого происходило становление ментальности казачества с четким делением на «мужское» и «женское» начала. Это способствовало развитию гендерной асимметрии не только в бытовой, социальной, военно-политической, сакральной сферах жизнедеятельности казачества, но и в его языке, в донских казачьих говорах, в полной мере отразивших особенности мировосприятия казаков.

В настоящем исследовании гендерный аспект интегрирован с лингвокультурологическим, историко-философским, этнолингвистическим аспектами, что позволило углублённо проанализировать языковую картину мира (ЯКМ) донского казачества, обогатить исследование за счет привлечения данных смежных наук.

Самобытные черты любой национальной картины мира, как известно, ярче всего обнаруживаются на лексико-фразеологическом уровне языка (диалекта). Лексический и фразеологический уровни языка являются наиболее коммуникативно ёмкими. Именно поэтому при рассмотрении гендерных стереотипов в языковом сознании донского казачества основное внимание мы обращали на лексико-фразеологический состав донских говоров, хотя в отдельных частях исследования использовались семантический, лингвокогнитивный, дискурсивный анализ материала.

Актуальность проведенного диссертационного исследования обусловлена рядом причин.

В последние годы в науке заметно возрос интерес к языку и культуре народа. Народная речь как феномен культуры может фиксировать и отражать опосредованным образом систему значимых понятий, этнически обусловленные типы поведения и настроения, не только существующие в конкретном социокультурном сообществе на данный момент, но и сложившиеся исторически, на протяжении многих столетий, обусловленные культурными традициями многих поколений.

Кроме того, развитие антропоцентрической парадигмы в лингвистике обусловило пристальное внимание к языковой личности. К проблеме характерных особенностей национального характера русского человека в целом и менталитета казачества, в частности, обращаются представители различных научных направлений: философы, этнографы, психологи,

лингвисты, историки. Особенности этнокультурного сознания языковой личности и ее ценностных ориентиров являются объектом научных интересов таких исследователей, как Л.К. Алахвердиева (2000), Н. Бердяев (1990), Е.В. Брыкина (2000, 2003), Д.Ю. Ильин (2012), Р.И. Кудряшова (1998), М.Н. Луночкин (1998), Л.М. Орлов (1984), Б.Н. Проценко (2003), В.И. Супрун (2000), Н.Ф. Уфимцева (1996, 1998), М.В. Флягина (2012, 2014) и др. Немало сделано в отечественной лингвистике и зарубежном языкознании в области гендерных исследований (см. работы А. В. Кириллиной, Д.В. Минец и др.) Ученые обращают внимание на разные аспекты гендерного поведения и ментальные черты личности русского человека, в т.ч. и казака, однако комплексные исследования в этой области представлены недостаточно полно. Более того, гендерные признаки диалектной картины мира донского казачества до настоящего времени не были предметом отдельного рассмотрения. Исследование гендерных характеристик диалектной картины мира казачества в контексте смежных наук обогащает представление ученых о многогранности познаваемого мира и взаимообусловленности и тесной взаимосвязи языка, сознания и культуры.

Исследовательское внимание к диалектной картине мира казаков, выявление и описание ее базовых характеристик и этнокультурных особенностей позволит увидеть не только своеобразие языка казачества, но и глубже проникнуть в ментальный мир казаков, выявить факторы, повлиявшие на формирование гендерных стереотипов их поведения, в том числе и речевого.

Объектом научного исследования является диалектная картина мира донского казачества.

Предмет исследования – средства и способы вербализации гендерных стереотипов в языковой картине мира донского казачества.

Гипотезой исследования является предположение о том, что диалектная картина мира донского казачества имеет гендерные характеристики, этнокультурное своеобразие которых объективируется лексико-фразеологическими средствами донских казачьих говоров.

Цель исследования – выявить и описать гендерные особенности диалектной картины мира донского казачества.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Выявить гендерные универсалии и уникалии в диалектной картине мира донских казаков;
2. Определить систему базовых гендерных характеристик в диалектной картине мира донских казаков;
3. Определить и описать средства и способы вербализации гендерных стереотипов в донских казачьих говорах;
4. Выявить этнокультурное своеобразие диалектных единиц, репрезентирующих гендерные стереотипы в донских казачьих говорах.

Теоретико-методологической базой исследования послужили фундаментальные работы в области лингвокультурологии (Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, В.А. Масловой, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия и др.), этнолингвистики (А.С. Герда, М.М. Копыленко, Н.И. Толстого, С.М. Толстой и др.), аксиологической лингвистики (Е.В. Бабаевой, В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина и др.); исследования в области языковой картины мира (А.А. Зализняк, С.М. Беляковой, А. Вежбицкой, Л.Н. Михеевой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Н.И. Толстого, А.Д. Шмелёва, Е.С. Яковлевой и др.), учение о диалекте как территориальной разновидности языка и хранилище его истории, разработанное в трудах Р.И. Аванесова, Л.И. Баранниковой, О.И. Блиновой, Е.В. Брысиной, Т.И. Вендиной, Р.И. Кудряшовой, Л.М. Орлова,

В.И. Супруна и др., исследования гендерных проблем в языке (А.В. Кириллина, Земская Е.А., Китайгородская М.В., В.А. Ефремов, А.А. Григорян, Е.В. Милосердова и др.)

В качестве *методологической базы* исследования также выступают идея «народного духа» и ее отражение в языке (В. фон Гумбольдт); теория «лингвистической относительности» (Э. Сепир, Б. Уорф); концепция языковой личности (Ю.Н. Караулов); идея познания культуры посредством ключевых слов (А. Вежбицкая); принцип лингвистической дополнителности (Г.А. Брутян); разработка идей лингвоконцептологии (Ю.С. Степанов); лингвокультурные постулаты о взаимообусловленности ценностной и языковой картин мира (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин и др.).

Реализация поставленных задач осуществлялась с помощью следующих *методов и приемов*: а) *описательного метода* с приёмами наблюдения, интерпретации и классификации исследуемого материала; б) *метода этнолингвокультурологического анализа*, предполагающего научную интерпретацию языкового материала на основе экспликации сведений по истории, культуре, данных социальной организации соответствующего субэтноса; в) *приема количественных подсчетов*, позволяющего уточнить соотношение разных форм и способов вербализации эмоций в донских казачьих говорах.

Материал исследования – авторская картотека, состоящая из 2865 единиц, извлечённых методом сплошной выборки из словарей донских казачьих говоров.

Источники исследования – данные «Словаря русских донских говоров» (Ростов н/Д., 1975 – 1976), «Большого толкового словаря донского казачества» (М., 2003), «Словаря донских говоров Волгоградской области»

(Волгоград, 2006-2009), а также материалы экспедиций в районы Волгоградской области.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые представлена и интерпретирована в категориях культуры гендерная составляющая диалектной картины мира донских казаков; установлены формы и средства репрезентации гендера в диалектной картине мира донского казачества; выявлены, выделены и описаны идиоэтнические особенности восприятия гендера носителями донской казачьей культуры.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в методiku анализа диалектных картин мира, способствует становлению нового – этнолингвокультурологического подхода к изучению и описанию диалектного материала.

Практическое значение данной работы определяется возможностью использования её результатов в преподавании учебных курсов лингвокультурологии, этнолингвистики и русской диалектологии, в спецкурсах по лингвокраеведению, а также в лингвокраеведческой деятельности в школах прежде всего Волгоградской и Ростовской областей.

Положения, выносимые на защиту

1. Концептосфера донского казачества включает в себя как универсальные ценности (жизнь, здоровье, дружба, любовь, вода, дом и др.), так и идеоэтнические, наиболее рельефно проявляющиеся в данном этнокультурном сообществе, отражающие особенности культурно-исторического развития именно донского казачества (Дон-батюшка, воля, казак, казачка, служба и нек.др.). И те, и другие ценности достаточно ярко представлены в диалектной картине мира и репрезентированы средствами лексико-фразеологического уровня.

2. В языковой картине мира донского казачества присутствуют как гендерно нейтральные, так и гендерно маркированные элементы. Абсолютное большинство лексем и фразем донских говоров (ок.80%) применимы для номинаций и характеристик как мужчин, так и женщин. Около 20% имеют более или менее четко выраженную гендерную семантику, которая в каждом отдельном случае реализуется по-своему.

3. Гендерные характеристики диалектной картины мира донского казачества складываются на основе наличия в говорах лексических и фразеологических единиц, называющих только мужчин или женщин, относящихся исключительно к мужчинам или женщинам, характеризующих преимущественно мужчин или женщин в зависимости от физиологических данных, рода занятий, увлечений, отдельных форм поведения и под.

4. Основными средствами и способами вербализации гендерных признаков в донских говорах можно считать 1) лексемы и фраземы, содержащие гендерные характеристики имплицитно; 2) диалектные единицы, гендерный признак которых выражен формально (суффиксы и родовые окончания); 3) слова и выражения, гендерная отнесенность которых определяется соответствующим окружением (контекстом).

5. Система базовых гендерных характеристик в диалектной картине мира донских казаков опирается на имена собственные, относящихся к мужчинам и женщинам; разного рода вокативы, наименования мужчин и женщин по традиционно сложившимся видам деятельности, по физиологическим особенностям, традиционно закрепленным навыкам и привычкам; на некоторые речевые

характеристики мужчин и женщин; на их поведенческие стереотипы, отраженные в слове.

6. Этнокультурное своеобразие диалектных единиц, репрезентирующих гендерные стереотипы в донских казачьих говорах, определяется прежде всего экстралингвистическими факторами (социально закрепленной военной миссией казаков, раннеэтапной социализацией и ритуализацией пола, динамикой гендерных отношений в социуме, сохранение семейных традиций с четким разделением прав и обязанностей между мужчинами и женщинами).

Оценка достоверности результатов исследования выявила: применены адекватные приемы и методы исследования, объем исследуемого материала репрезентативен, поскольку включает широкий круг диалектных лексем и устойчивых сочетаний разной степени структурно-семантической слитности, полученные теоретические и практические выводы опираются на значительную теоретико-методологическую базу, основные выводы отражены в публикациях в журналах и сборниках научных статей Волгограда, Санкт-Петербурга, Тамбова, Томска.

Апробация и внедрение результатов исследования осуществлены в публикациях, докладах и выступлениях на следующих конференциях:

– региональных научных конференциях молодых ученых Волгоградской области (Волгоград, 2006, 2007, 2008, 2010, 2011, 2013);

– Областных Краеведческих чтениях (Волгоград, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014);

–Всероссийской конференции «Лексический атлас русских народных говоров» (Санкт-Петербург, 2014);

– VII Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых (Томск, 2007);

–Международной научно-практической конференции «Язык и культура Юга России как синтез полиэтнических практик: аспекты толерантного взаимодействия» (Волгоград, 2015).

По теме исследования опубликовано 15 работ, в том числе 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Цель и задачи исследования предопределили его **структуру**. Работа состоит из Введения, где определены актуальность, объект и предмет исследования, цели и задачи, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы; двух глав, в которых представлены теоретико-методологические основы исследования, дан этнолингвокультурологический анализ диалектного материала, описаны признаки и свойства, в том числе и гендерные, диалектной картины мира донского казачества, представлены основные результаты анализа и наблюдений над фактическим материалом. Завершает работу список использованной литературы, состоящий из 186 наименований, и приложения в виде рисунков и фотографий.

Глава 1. Диалектная картина мира: признаки и свойства

1.1. Исследовательские парадигмы в области диалектологии

Как самостоятельная научная дисциплина диалектология оформилась в начале XX в. До этого (с середины XVIII и на протяжении XIX в.) диалектологические исследования носили прикладной характер и осуществлялись в рамках этнографии и истории языка. Тесная связь диалектологии с этими научными дисциплинами сохраняется и сегодня.

Современная отечественная диалектология представляет собой полипарадигмальную научную область, в которой ученые выделяют структурное, функциональное, коммуникативное, когнитивное, лингвокультурологическое направления (см.: Гольдин, Крючкова, 2010).

Структурная парадигма имеет в русской и славянской диалектологии наиболее давнюю традицию. Развитие структурной диалектологической парадигмы неразрывно связано с развитием лингвогеографии. В задачи структурного изучения народных говоров входит описание территориального распространения языковых явлений различных уровней (фонетических, морфологических, синтаксических, лексико-семантических), исследование существующих между говорами языковых различий. Результаты таких исследований представляются на картах (картографируются), отображающих территориальное варьирование языковых единиц в границах языковой общности. Лингвистическая география дает ценные сведения для изучения истории языка, для установления характера диалектного членения национального языка.

Развернувшаяся во 2-ой половине XX в. масштабная работа над составлением диалектологических атласов (Диалектологический атлас русского языка, Общеславянский лингвистический атлас, региональные атласы, например Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья, и

др.) стимулировала значительные достижения в области структурной диалектологии, развитие диалектной лексикографии, создании типологии русских народных говоров.

Структурное описание русских народных говоров, представленное в работах таких известных ученых-диалектологов, как Р.И. Аванесов, С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова, О.Г. Герцова, К.Ф. Захарова, Л.Л. Касаткин, И.Б. Кузьмина, О.Н. Мораховская, Е.А. Нефёдова, В.Г. Орлова, Р.Ф. Пауфошима (Касаткина), Н.Н. Пшеничнова, продолжает успешно развиваться. Активно продолжаются исследования в области типологии русских народных говоров; осуществляются серьезные исследования лексико-семантических, словообразовательных, грамматических диалектных особенностей; издаются новые диалектные словари отдельных территорий, в рамках федеральной программы РАН «Лексический атлас русских народных говоров» № 01.89.0008431 трудятся такие известные диалектологи, как И.А. Попов, Т.И. Вендина, А.С. Герд, С.А. Мызников, Л.Я. Костючук, А.А. Бурыкин, Н.С. Ганцовская, О.И. Бурко, К.И. Демидова и др.).

Различные аспекты функционирования русских народных говоров исследуются в рамках *функциональной парадигмы*, активно развивающейся в отечественной диалектологии с середины XX в. В исследованиях функционального направления изучается динамика диалектных систем, характер их стилистической дифференциации, взаимодействие диалектов с литературным языком, место русских народных говоров в языковой ситуации (см., например, монографию Л.И. Баранниковой «Русские народные говоры в советский период (К проблеме соотношения языка и диалекта)», Саратов, 1967; раздел «Русские диалекты и языковая политика в кн.: Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. – М., 1999.), доклад Р.И. Кудряшовой «Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских

казачьих говоров Волгоградской области)» (Дис. в виде науч. докл. ... докт. филол. наук. – Волгоград, 1998. – 91с.), монографию Е.В. Брысиной «Экспрессивно-выразительные средства диалекта» (Волгоград, 2001); работы М.В. Флягиной (Региональное картографирование ландшафтной лексики донских говоров // Лексический атлас русских народных говоров: Матер. и исслед. 1998. – СПб, 2001. С. 58 – 63; Лингвогеографическое исследование ландшафтной лексики донских говоров: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01: Ростов н/Д, 2004. 389 с.); Д.Ю. Ильина (Использование топонимической лексики в речи диалектоносителей / Д.Ю. Ильин // Стрежень: Научный ежегодник. – Вып. 9. – Волгоград: Издатель, 2011. – С. 251–254; Функционально-семантические изменения в региональном топонимиконе: синхронно-диахронический аспект // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства. – Т. 1. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2012. – С. 50 – 56; Функционально-семантическая характеристика топонимической лексики в коммуникативном пространстве региона // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики.- Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. – С. 390 – 396) и др.

В докладе О.Ю. Крючковой и В.Е. Гольдина «Русские народные говоры как национальное богатство и необходимость новой культурно-языковой политики в России», говорится, что одним из условий успешного решения таких важных государственных задач России, как подъем сельского хозяйства и укрепления единства страны, является необходимость изменить отношение общества к речи сельских жителей, то есть к современным русским народным говорам – национальному богатству, накопленному народом и хранимому сельскими жителями в форме живого употребления.

Русские народные говоры служат средством общения примерно для трети населения России. Они разнообразны по своей языковой структуре, отличаясь друг от друга и от литературного языка особенностями

произношения, способами наименования явлений окружающего мира, спецификой грамматических форм и конструкций. Русский язык, отмечают ученые, – язык с ярко выраженным диалектным расслоением.

В докладе говорится, что русские народные говоры – это не только территориальные варианты русского национального языка, составляющие его собственно лингвистическое богатство и многообразие, но и ценнейшее культурное достояние. Народная речь хранит особые, не всегда выражаемые литературным языком знания: о традиционном ведении хозяйства, о традиционном русском семейном укладе жизни, о национальных обрядах, обычаях, народном календаре, о том, как в русской народной традиции понимается мир и человек в нем.

Диалектная речь создается и используется наряду с другими вариантами языка не в результате каких-либо «ошибок» или «порчи» языка, а по необходимости, в ответ на определенные коммуникативные потребности людей. Это потребности устного непосредственного общения в небольших относительно замкнутых коллективах со специфическим фокусом традиционной сельской культуры. Диалектная речь так же приспособлена обслуживать эту культуру, как литературный язык приспособлен обслуживать свою, другую (в основном городскую) культуру с характерными для нее сферами общения, где необходима стандартизированная, точная и преимущественно письменная речь.

Каждый из вариантов языка наиболее эффективен в тех коммуникативных сферах, в которых и для обслуживания которых он развивается.

В докладе отмечается, что пока сохраняются специфика сельской жизни и присущие ей особые коммуникативные условия, сохраняется и коммуникативная ценность диалектов. В диалектах, в последнее время, все

чаще видят одно из необходимых коммуникативных средств и ценнейший компонент национальной культуры [<http://sarteoringv.narod.ru/projects.htm>].

В последнее время функциональная парадигма получила свое развитие в исследовании особенностей идиолектного варьирования говоров, в изучении языковой личности диалектоносителя. Например, в работе Е.В. Иванцовой «Феномен диалектной языковой личности (Томск, 2002) рассматриваются особенности речи и языкового сознания носителя сибирского старожильского говора. В данной работе говорится о необходимости изучать живую разговорную речь и речь отдельного индивидуума, поскольку только в речи индивида язык достигает своей окончательной определенности. Диалектная языковая личность осмысливается автором, с одной стороны, как представитель говора, с другой – как индивидуальность, творчески преобразующая его [Иванцова 2002].

В начале 2000-х гг. появился ряд словарей диалектной личности (Лютикова В.Д. «Словарь диалектной личности», Тюмень, 2000; Иванцова Е.В. «Полный словарь языковой личности», Т.1-3. Томск, 2006-2009; В.П. Тимофеева «Диалектный словарь личности», Шадринск, 1971; «Экспрессивный словарь диалектной личности» Е.А. Нефёдовой, М., 2001; «Словарь языка Агафьи Лыковой» Г.А. Толстой (под общ. рук. Л.Г. Самогик, Красноярск, 2004)).

В недрах функциональной парадигмы укрепляется мысль о необходимости изучения диалектов как полноценных языковых идиомов, реализующих основную свою функцию – коммуникативную.

Коммуникативная парадигма, получившая теоретическое обоснование в 90-е гг. XX в. в работах В.Е. Гольдина (научный доклад «Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии», Саратов, 1997), ставит в центр внимания специфику диалекта как такового, как

особого типа речевой коммуникации. Основной задачей этого направления становится выявление общих принципов организации диалектной речи, отличающих ее от речи литературной. Для диалектологических исследований коммуникативного направления использование репрезентативного текстового материала является обязательным условием. Именно поэтому в развитии данной парадигмы особое значение имеет сбор диалектного материала и создание разного рода (в том числе и звучащих) хрестоматий, в полной мере отражающих особенности диалектной коммуникации.

Выполненные в русле коммуникативной парадигмы текстоориентированные диалектологические исследования, позволяют выявить коммуникативные закономерности, как объединяющие диалектную речь с другими типами речи, так и составляющие ее специфику.

Когнитивная парадигма формируется в диалектологии с конца 90-х гг. XX в. В задачи когнитивной диалектологии входит определение ряда ценностей, приоритетных в том или ином диалектном сообществе, характеристика диалектной картины мира и формирующейся на ее основе концептосферы диалектоносителей, выявление особенностей языкового сознания носителей диалекта, специфики отражения в нем знаний и представлений об окружающей действительности, специфика организации и передачи знаний в диалектной коммуникации. Когнитивное направление диалектологических исследований представлено работами Т.И. Вендиной («Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования». М., 1998), В.Е. Гольдина и О.Ю. Крючковой (статья «Текст и знание в диалектной коммуникации»), а также в целом ряде исследований, посвященных анализу отдельных концептов и концептуальных оппозиций (см., например: С.А. Юрченко «Базовая ценность «Речь» в языковом сознании донского казачества». Диссерт. ...канд.филол.наук, Волгоград, 2009).

Лингвокультурологическая парадигма развивает богатую этнолингвистическую традицию. Ее задачей является изучение представленной в языке материальной и духовной культуры народа, а при изучении диалектов — воплощенной в них народной культурной традиции. Главными представителями данного направления являются В.М. Мокиенко, Л.А. Ивашко, Е.Л. Березович, Е.В. Брысина, А.А. Камалова, Л.А. Савёлова, Т.В. Махрачёва, В.И. Супрун и др.

Лингвокультурологическая парадигма тесно связана с когнитивной и необходимо дополняет ее, поскольку при изучении диалектной концептосферы существенно ограничены возможности исследовательской интроспекции и значительную ценность имеют данные, раскрывающие особенности уклада жизни носителей диалекта, элементы сохраняемой в традиционном сельском сообществе культурной традиции (фольклор, обряды, обычаи, мифология, прецедентные тексты), специфику мировосприятия диалектоносителей. Для получения таких данных необходимы непосредственные записи речи носителей народно-речевой культуры, значительные по объему массивы текстов на диалекте [Гольдин, Крючкова, 2010, с. 9-11].

Гендерная парадигма. Гендерные исследования – новое направление российского гуманитарного знания, находящейся сейчас в процессе становления и институционализации. В центре его внимания находятся социальные и культурные факторы, определяющие отношение общества к мужчинам и женщинам, поведение индивидов в связи с их принадлежностью к тому или иному полу, стереотипные представления о мужских и женских качествах, формах поведения, в том числе и речевого, то есть все то, что переводит проблематику пола из области биологии в сферу социальной жизни, языка и культуры. Мужественность и женственность

рассматриваются, таким образом, не как имманентный природный фактор, а как концепт культуры и продукт развития общества.

Несмотря на интенсивное развитие гендерных исследований в России в последние годы, изучение гендерных аспектов языка и коммуникации остается самой малоразработанной областью в общей междисциплинарной сфере гендерных исследований, а уж тем более в области диалектологии. В отечественном языкознании эти проблемы поднимаются в трудах Кирилиной А.В., Каменской О.Л., Земской Е.А., Розановой Н.Н., Пушкаревой Н.Л. и др. Невелико количество научных трудов на материале русского языка, работ, исследований, посвященных культурно-символической составляющей гендера и ее отражению в языке, речи и языковом сознании. В науке почти не представлены работы, в которых рассматривались бы гендерные отношения в диалектной среде.

Именно из-за того, что гендер является компонентом как коллективного, так и индивидуального сознания, его необходимо изучать как когнитивный феномен, проявляющийся как в стереотипах, фиксируемых языком, так и в речевом поведении индивидов, осознающих себя, с одной стороны, лицами определенного пола, с другой, – испытывающих определенное давление аксиологически не нейтральных структур языка, отражающих коллективное видение гендера.

Принимая во внимание разную степень разработанности той или иной парадигмы в области диалектологии, следует отметить, что именно гендерные исследования диалектного материала представлены меньшим числом. Донской диалект, отражающий особенности мировосприятия казачества, представляет благодатную почву для исследования диалектного материала с учетом его гендерных характеристик.

История формирования донского казачества как особого субэтноса русского народа, этапы становления казачества как своеобразного этнокультурного сообщества позволит выявить корни гендерной специфики в жизни и языке казаков.

1.2. Донское казачество: историко-этнографический тип

О времени возникновения донских казаков до сих пор среди историков нет единой точки зрения. Так Н.С. Коршиков и В.Н. Королёв считают, что «кроме широко распространённой точки зрения о происхождении казаков от русских беглых людей и промышленников, существуют в качестве гипотез и иные точки зрения. По мнению Р.Г. Скрынникова, например, первоначальные казачьи общины, состояли из татар, к которым присоединялись затем русские. Л.Н. Гумилёв предлагал вести донских казаков от хазар, которые, смешавшись со славянами, составили бродников, являвшихся не только предшественниками казаков, но и прямыми их предками. Все больше специалистов склоняются к тому, что истоки донского казачества следует видеть в древнем славянском населении, которое, согласно археологическим открытиям последних десятилетий, существовало на Дону в VIII – XV в.в.» [Цит. по: Сухоруков, 2001, с. 44-45].

О происхождении и развитии общности донских казаков высказано немало научных и менее научных взглядов и суждений. Так, выдающийся русский историк Н.М. Карамзин называл донских казаков скоплением бродяг, искавших «дикой вольности и добычи». Другой представитель историографии В.Б. Броневский определял казачью вольницу не только «беззаконной», но и «разбойной», с особой ненавистью писал о вождях казацко-крестьянских восстаний. По оценкам Сухорукова, казачество — это составная часть в основном русского крестьянства, стремившегося освободиться от крепостничества [Кандауров, 2003, с.5].

Феномен происхождения казачества многие исследователи пытались разгадать, отыскивая национальные корни их предков среди самых разных народов (скифов, половцев, хазар, казахов, узбеков, татар, горских черкесов и других), или рассматривали казачью воинскую общность как результат генетических связей нескольких племен с пришедшими в Причерноморье славянами. Другие историки, напротив, доказывали «исконную русскость» казачества, делая упор на постоянстве нахождения славян в регионах, ставших колыбелью казачества [Безотосный, 2004, с.8].

Нет полного единодушия и в толковании самого термина «казак». Слово *казак* несомненно восточного происхождения, татарского или турецкого, и происходит от *гозак* или *гузак* (гусар), что значит легко вооруженный воин, без доспехов. Искаженное, это слово стало нарицательным для жителей Донских степей, и стали они называться и у себя, и за пределами Дикого Поля «казаками» [Краснов 1943, с. 9]. Сама идея казачества не принадлежит русскому народу, так как первыми, при нападении Римской империи, казаками являются скандинавы в их отважных морских набегах. В Азии казачество получило широкое развитие в удалых степных набегах на западе Азии и в восточной Европе. Монголы познакомили русских выходцев с удальством азиатских наездников и передали им название казаков.

В Донском словаре Миртова А.В. находим следующее определение: «казак — тур.: бобыль, батрак, одинокий вольный человек. М. Юдин указал: Мы же восточные казаки (уральцы), непосредственно соприкасающиеся с татарами и с их единоплеменниками азиатцами, выдержавшие многовековую борьбу с ними при ограждении русской границы от набегов их орд и, наконец, имеющие в своей среде казаков татар, и крещеных, и мусульман, смеем утверждать <...>. «Казак» и есть именно татарское или тюрко-монгольское слово. В татарском языке, как в тюрко-монгольском наречии,

оно есть и было. Все киргизы называют себя «казаками», а отнюдь не кайсаками, как это придумали русские исследователи. Киргизы же родственны татарам и по происхождению, и по языку [Миртов 1929, с. 6].

Конечно, с доскональной точностью невозможно определить происхождение донских казаков, как вообще и всякого народа, не оставившего письменных источников. Но принимая во внимание тип казака, его рязанский говор, по крайней мере, в верховых округах, его русскую речь, преданность православной церкви и неприязнь к мусульманам, как к врагам Христовой веры, можно смело сказать, что донские казаки есть плоть от плоти и кость от кости русского народа [Номикосов, 1884, с. 10].

В формировании казачества участвовали представители самых разных народностей, но все-таки, как считает большинство ученых, в данном процессе доминировали славяне. С этнографической точки зрения первые казаки разделялись по месту возникновения на украинских и русских. Среди тех и других можно выделить вольных и служилых казаков. В диалекте донского казачества выделяется группа гендерно маркированных номинаций, характеризующих казаков-мужчин по роду службы, ср.: *вахмистр* – *Истор.* Военное звание в казачьих войсках; помощник командира сотни из рядовых: *Пасловица была: зълажыл руки как вахмистр* [БТСДК, с. 68]; *енерал* – *Истор.* Звание высшего командного состава в армии, а также лицо, носящее это звание; генерал: *И йиняралы к нам заяжжали* [СДГВО, с. 161]; *есаул* – *Истор.* Помощник войскового атамана, исполнитель решений круга и приказаний атамана в походах [СДГВО, с. 162]; *есаулец* – *Истор.* Наёмный казак при станичном атамане, выполняющий его поручения: *Бапки Дашки йисаулиц пришол* [там же]; *жалмер* - *Устар.* Рядовой военнослужащий армии, солдат: *Апять жалмер уйдёт, а жалмерка ждать будить* [СДГВО, с. 165]; *сиденочный казак* - *Устар.* Дежурный казак при атамане в станичном правлении; то же, что сиделец: *Сиденочные казаки — полицейская*

повинность и для связи. Называлось «сидеть сиденку» [СДГВО, с. 229]; хомутовый казак - Устар. Казак, обязанный выделить подводу с лошадьми для перевозки казённых пассажиров [СДГВО, с. 229] и др.

Каждая крупная территориальная общность независимых казачьих поселений называлась войском. Основными хозяйственными занятиями вольных казаков были охота, рыболовство и животноводство. Огромное значение в жизни казачьих общин играла война (они находились в условиях постоянного военного противостояния с враждебными и воинственными кочевыми соседями), поэтому важнейшим источником существования для них являлась военная добыча, получаемая в результате походов «за зипунами и ясырем» в Крым, Турцию, Персию, на Кавказ. Именно в данной сфере деятельности четко проявляется маскулинный признак, т. к. именно для мужского казачьего населения военная деятельность была основным занятием с самого момента возникновения казачества как этнокультурного сообщества. Этот факт позволяет считать все диалектные единицы с внутренней военной семантикой гендерно маркированными по мужскому признаку.

В донском диалекте казака, отправлявшегося на военный промысел за добычей, называли *гулебицик*: *Гулебицики отрядами человек по сту рыскали по задонским степям, пробирались даже на Куму и Кубань. Там они иногда сталкивались с ногайскими и черкесскими наездниками и привозили вместе с убитыми зверями пленных ясырок, а также пригоняли их табуны лошадей и стада рогатого скота [БТСДК, с. 121]; сам же военный поход именовался *батальница*: *Идут то, идут донские казаки с батальницы [БТСДК, с. 36].* Казачество исключительно жило войною и для войны. Оно не знало мирных занятий и своё пропитание, одежду, украшения, оружие и военное снаряжение — все это добывало в битвах.*

Казачья разъезжая по «Дикому Полю» – так стало называться с XV века пустынное место, образовавшееся после разорения монголо-татарами южно-русских княжеств, не имели постоянного места жительства. Казаки-воины не имели постоянного дома и семьи. Убежищем им служили вырытые в земле ямы, покрытые хворостом или камышовые шалаши-шиши. Они, уходя от погони, забирались в звериные норы, тростниковые заросли и болотные плавни. Основным источником существования для казаков являлась непосредственно военная добыча.

Природа щедро одарила донских казаков, они говорили: *«Кормит нас молодец Бог: подобно птицам мы не сеем и не собираем хлеба в житницы, но всегда сыты. А ежели, кто станет пахать землю, того нещадно сечь розгами»*. Таким образом, первые казаки ревностно следили за тем, чтобы ничего не отвлекало от главного их занятия – военной службы [<http://www.razdory-museum.ru/>].

В военных походах казаки проявляли огромную силу духа, мужество, храбрость, испытывали тяжелые мучения. В тяжелых условиях выживали только самые крепкие, умные и ловкие. Именно в данной среде формировался и креп казачий характер. Поэтому в донском диалекте сила, отвага, находчивость семантически более всего гендерно привязаны к мужскому образу казака-воина, крепость и стойкость его характера находят положительный отклик в казачьей среде, что отражается в семантике следующих лексических и фразеологических единиц, которые явно являются маскулинноцентричными и используются для характеристики в первую очередь мужчин, ср.: *туда-сюда вывернет и оглобли выдернет* – об опытном, бывалом человеке [СДГВО, с. 94]; *не давать себе на ногу наступить* – вести себя гордо, независимо, не позволять себя обижать, унижать [СДГВО, с. 130]; *боец* – смелый, бойкий: *Баец первый в агонь палезить* [БТСДК, с. 48]; *казачина* – крупный, могучий казак: *Ох, и казачина*

же боевой! [СДГВО, с. 230]; *хоть под воз, хоть на воз* – о крепком, здоровом, сильном человеке [СДГВО, с. 83] и др.

Во все времена казачество являлось универсальным родом вооруженных сил. Про казаков говорили, что они родились в седле. Они считались великолепными наездниками, не знавшими равных в искусстве джигитовки. Военные специалисты оценивали казачью конницу как лучшую в мире легкую кавалерию. В донской диалектной среде существуют понятия, которые напрямую связаны с гендерными характеристиками. Важнейшим из таких понятий у казаков является «конь». Любые упоминания о коне в донском диалекте связаны с образом казака-воина — он его верный боевой друг, самый преданный боевой товарищ. В связи с этим особое значение для донских жителей представляет группа диалектных единиц, являющихся гендерно маркированными, служащих выражением ценностного отношения к своему верному боевому другу – коню. Когда хотят подчеркнуть важность коня в жизни казака, употребляют следующие пословицы: «*Казак без коня, что солдат без ружья*»; «*Пропал бы казак, да конь вынес*», «*Спаси коня один раз, а он тебя сорок раз*» [СДГВО, с. 229]; для подчеркивания тесной, неразрывной связи казака с конем говорят «*Казак без лошади, что рыбак без лодки*» и «*Конь без казака, что лодка без рыбака*» [СДГВО, с. 260]. Воинская слава казачества укрепилась на полях сражений Северной и Семилетней войны, во время Итальянского и Швейцарского походов А.В. Суворова. Особенно отличились казачьи полки в наполеоновскую эпоху [Безотосный, 2004, с. 11].

Казаки – народ, любящий свободу и не выносящий рабства. Они особенно храбры и мужественны, способны ко всяким трудам и лишениям. Они легко переносят и жар, и холод, и наготу тела, и всевозможные недостатки и неудобства. Они превосходные воины, потому военное дело становится у них наукой во всех мелочах. Высшее счастье в их глазах –

погибнуть в битве (*Лучше смерть в поле, чем в бабьем подоле* [Даль 1862, с. 787]). Умереть от старости или какого-нибудь случая – позор. Они красивы и рослы, взгляд скорее воинственный, чем свирепый.

«Ограниченность, раздельность, малость не свойственны были русскому царству, русской природе и русскому характеру» [Бердяев, 1990: с. 16]. Черты такой анархичной свободы, устремленности в будущее, широты и бесконечности находим и в личности казака. Ведущим мотивом переселения на Дон оказывается стремление к абсолютной свободе. По данным Русского ассоциативного словаря, понятие свободы в русской культуре, выражаемое словами *свобода* и *воля*, ассоциируются с простором, раздольем. *Свобода – берег моря во время восхода, раздолье, степь* [Русский ассоциативный словарь, с. 210]. *Воля – степная, простор, птица, степь* [Русский ассоциативный словарь, с. 272]. В полном соответствии с данными представлениями воспринимают волю и казаки. Здесь, в нескончаемом пространстве Дикого поля, люди освобождались от самых разных зависимостей и несвобод, включая и экономическую, и правовую, и бытовую, житейскую несвободу. Сюда шли выходцы прежде всего из южных губерний России, которых вел сильнейший стимул – быть абсолютно свободными. И люди обретали эту свободу на просторах бескрайних степей.

В донской диалектной лексике и фраземике выделяется большое число номинаций, так или иначе связанных с понятием воли и свободы. Следует отметить, что абсолютное большинство лексических и фразеологических единиц отражает поведение человека, жизненную ситуацию, направленное на подавление воли другого человека. Нами выделены следующие единицы с семантикой «лишение воли»: *брать в щипцы* – решительно воздействовать на кого-либо, ограничивать свободу действия [СДГВО, с. 52]; *брать за верх* – подчинять себе, приводить в покорность [СДГВО, там же]; *держат крепкие вожжи* – ограничивать волю [СДГВО, с. 138]; *надеть аркан* –

подчинить себе кого-либо [СДГВО, с. 334]. Следует отметить, что все единицы данной группы имеют отрицательную оценочность, отражают агрессивный тип поведения человека по отношению к другому. В то же время можно выделить вторую группу диалектных единиц, отражающих проявление силы своего характера, неподчинение воле другого, ср.: *вольгота* – вольный, свободный [СДГВО, с. 87]; *выйти из колеи* – перестать подчиняться; *казаковать* – жить вольно, свободно, никому не подчиняясь [БТСДК, с. 203]; *лежать вдоль лавки* – выйти из подчинения, стать самостоятельным [СДГВО, с. 296]. Стремление казаков к воле, свободе закрепилось в диалекте в словах и выражениях *вольный казак, казаковать; хоть жизнь собачья, зато воля казачья*.

Казаки в своей среде между собой были благодушны, щедры, гостеприимны даже с посторонними (ср.: *гость на гость – хозяину радость*, говорили о неожиданном приходе желанных гостей [СДГВО, с. 120]), отличались честностью, имели глубокое уважение и к старым воинам-казакам. Анархию и безначалие они не признавали, истинное уважение испытывали к настоящим заслугам. Дружба и верность имели у казаков особую ценность. Понятие коллектива как для русских людей в целом, так и для казаков – это, прежде всего, «дружба», «взаимовыручка», «взаимопомощь», «щедрость», «терпимость», «доверчивость». Коллектив понимается как та реальная социальная группа, в рамках которой протекает жизнь конкретного индивида. В диалекте донского казачества выделяется ряд лексических и фразеологических единиц с семантикой дружбы, которые изначально также связывались с мужским мировидением и только позднее, обрстая в процессе коммуникации иными смыслами и обретая более отвлеченное значение, стали применяться для более широкого круга ситуаций: 1) как форма общественного бытия: *гамузом* – вместе, сообща [БТСДК, с. 102]; *подпирать плечом* – оказывать коллективную поддержку

[СДГВО, с. 438]; *миром да собором* – помогать кому-либо, делать что-либо вместе, дружно [СДГВО, с. 318]; «*Крути Матрена, не задерживай Гаврила*» является возгласом при дружной коллективной работе [СДГВО, с. 275]; о дружной жизни, сообща, когда делят горе и радость говорят «*Курить с одного кисета*» [СДГВО, с. 286]; 2) как тип межличностных отношений: *друзёк, друзьяк* – друг, приятель: *Друзьяк — товарищ, друх* [СДГВО, с. 152]; *одна шайка-лейка* – сомнительная компания [СДГВО, с. 666]; *одного духу* – говорят об одинаковых по поведению, поступкам людям: *Аднаво духу ани — адинакывыи на мыслям, в адну дуду дудять* [СДГВО, с. 157]; *епанча одного сукна* - близки по духу, одинаковы по взглядам, образу жизни [СДГВО, с. 161]; *одного замесу* - схожие в чём-л., одинаковые [СДГВО, с. 191] и т.д. Диалектные фраземы и лексеммы, с семантикой дружбы, представляют разные стороны этого социального явления. Понятно, что на первый план здесь выступают межличностные отношения, и в первую очередь отношения, сложившиеся на полях военных сражений. Поэтому данные диалектные единицы не лишены гендерной оценки и являются собственно маскулинными, связанные со сферой деятельности мужчины. Длительная военная служба научила казака по-настоящему ценить дружбу, видеть в своих товарищах надежную опору и необходимую поддержку.

Сущность казачьего характера просматривалась и в его облике – облике свободного человека – просторная удобная одежда, открытый ясный взгляд, статные, смуглые от степной жары, с лихо заломленными на голове папахами или фуражками, с лихим чубом. От казаков веяло спокойствием, силой, уверенностью – «*Бог не выдаст – свинья не съест*» [Даль 2010, с. 9].

В казаках уживались, казалось бы, несовместимые черты – так многие из них отличались беспечностью и ленью, любили побалагурить и в рассказах могли прихвастнуть, расписывая подвиги свои и товарищей (*бить шерсть на собаках* – праздно проводить время, бездельничать [СДГВО, с.

44]). По свидетельству очевидцев, вернувшись из удачного похода, любили шикануть добытым нарядом, сорили деньгами. К тому же, если во время боевого похода у казаков свято выполнялся сухой закон, а его нарушение жестоко каралось, вплоть до смертной казни, то, вернувшись из похода, казаки, не отказывали себе в питии (склонность к пьянству, отраженная в диалектных фраземах и лексемах, в основном ассоциируется с мужским поведением, женщинам оно практически не свойственно, ср.: *горло не высыхает* — кто-либо постоянно пьян, пьянствует [СДГВО, с. 117]; *гужирь* — пьяница [СДГВО, с. 125]; *залить бельтюки* — стать пьяным, напиться, опьянеть [СДГВО, с. 190]; *набраться до шишбачки* — сильно напиться пьяным, не держаться на ногах [СДГВО, с. 330]; *пить как лошадь* — много пить спиртного, пьянствовать [СДГВО, с. 421]). Но в мирное время напиваться, да и то не часто, могли рядовые казаки, но никак не руководящий состав. Среди атаманов всех уровней пьяниц не держали, им тут же было бы отказано в доверии. В атаманы выбирали умных, смелых, хозяйственных. Загулявших атаманов немедленно смещали, а причиненные ими убытки они покрывали из своего кармана, за счет собственного хозяйства.

В XVIII в., когда стали появляться первые городки и заставы и жизнь казаков стала обретать оседлый характер, казакам-мужчинам было разрешено заводить семьи. Основное воспитание казаков – и мальчиков, и девочек, конечно, происходило в семье. Родители с детства приучали детей к труду и своим отношением ко всему показывали пример. Слово отца в семье было все равно, что слово атамана для войска, – ему следовали беспрекословно. Каждый казак с малолетства знал и всем сердцем хранил Божью заповедь: «Чти отца твоего и мать твою, да благо тебе будет и будешь долголетен на Земле» [Сухарев 2001, с. 15].

Развернутый ряд наименований родственников по крови (отца, матери, бабушки, деда, сестер и братьев), представленный в донских говорах, свидетельствует о тонкой семантической разработанности системы наименований родственников, о важности данного вида отношений в казачьей среде и особом месте данных понятий в языковом сознании казачества, ср. лексемы, именующие отца: *батя, батяка, батька, батёк* — отец; *батенька, батинька, батянька* — батюшка, отец; *батюня, батюнюшка, батаня* — форма ласкательного обращения к отцу [Миртов, с. 17; СДГВО, с. 36-37].

Нравственность казаков в стародавние времена представляла, как пишет историк В.Д. Сухоруков, «смесь добродетелей и пороков, свойственных людям, которые жили войною. Жадные к добыче, свирепые в набегах на неприятельские земли, казаки между собой были привязаны друг к другу как братья, гнушались воровством между собою, но грабеж на стороне и особенно у неприятеля были у них вещью обыкновенной. Свято чтили религию. Трусов не терпели и вообще поставляли первейшими добродетелями целомудрие и храбрость» [Сухоруков 1903, с. 70]. В донском диалекте существует немало слов и фразеологизмов, в силу своих семантических особенностей характеризующих поведение прежде всего мужчин, ср.: *брать на свой копыл; брать на свой хохряк* – настаивать на своем, упрямо добиваться своего [СДГВО, с. 52]; *взять на себя удаль* – проявлять удаль, решительность [СДГВО, с. 78]; о быстром, решительном, смелом действии говорят «*чтоб брызги полетели*» [СДГВО, с. 54]; *вить веревки из песка* – быть очень ловким, умелым, изворотливым [СДГВО, с. 80]; *голова не дрогнула у кого-либо* – говорят о человеке, который не испугался [СДГВО, с. 113]; *иметь вольный дух* – быть смелым, решительным [СДГВО, с. 221] и др.

Своеобразная боевая жизнь казаков выработала у них и особенный кодекс нравственности. Несмотря на всеобщую бедность, воровство и обман между своими считались гнуснейшими преступлениями; храбрость же и целомудрие признавались величайшими добродетелями. Обман и лож жителями казачьей станицы строго порицались и осуждались, что находит отражение в отдельной группе диалектных лексических и фразеологических единицах, ср.: *бить хвостом* – быть двуличным, лицемерным, обманывать: *Бить хвостом — и нашим, и вашим. Гаварил, абяццал, а пириварнулси — и другая гаварить* [СДГВО, с. 44]; *брехать собачьей губой* – лгать, обманывать [СДГВО, с. 52]; *делать ляхом, зорить голову* – обманывать, дурить [СДГВО, с. 136, 211]; *навертеть на кривое веретено* – наболтать, наврать [СДГВО, с. 331]. Жадные к добыче, как к единственному средству существования, казаки проявляли необычайную смелость в набегах и героическую храбрость в битвах; свирепые по отношению к неприятелю, они обнаруживали теплую, сердечную привязанность друг к другу, к великому войску Донскому и к родной земле. Гнушаясь воровством дома, они совершали разбои, грабили и воровали у соседей, часто вовсе не объявляя войны [Номикосов, 1884, с. 17].

Типичными для казаков были доброта и честность. Они никогда не притворялись, действовали открыто. История не оставила примеров жестокости казаков по отношению к пленникам и пленницам.

Уважение к старшим, особенно к пожилым казакам, закреплялось в традициях. Молодежь к этому приучали с детства. Молодые люди стыдились сделать при старике малейшую непристойность. Любой старец мог не только напомнить юноше о его обязанностях, но и наказать его, не опасаясь гнева родителей. В казачьих семьях главой всегда был отец – казак-воин, но все-таки окончательное слово было за дедом — как за старейшинами на Кругу и в этом семья в миниатюре повторяла казачью общину. Дед пользовался неизменным авторитетом и уважением в семье, с равным почтением к нему

относились и дети, и внуки. Для наименования деда в донском диалекте используются такие лексемы, как *дед, дедака, деданя, дедуня, дедушка* [СДГВО, с. 135].

С давних пор на Дону за серьезные преступления казаков следовало строгое наказание. За измену, трусость в бою, убийство, воровство, прелюбодеяние (незаконную или нечистую любовь), скверные слова, беспробудное пьянство наказание было одно: «в куль, да в воду». Система наказаний включала также сечение нагайками, отсидку в воде, посадку в колоду, штраф напоем, наконец, повешение за ноги или шею на большом яоре на майдане, и даже разрывание лошадыми. Плетьми секли за средние преступления. В досрочном искуплении вины помогал лишь боевой подвиг. Данная система наказаний была разработана и применялась главным образом к казакам-мужчинам. Женщины и дети находились в подчинении мужчин – мужа и отца. В качестве наказания за бытовые провинности подвергались избиению или ударам плетьюми. Сам процесс наказания, подразумевающий применение грубой силы, связан в первую очередь с образом мужчины: на Круге — это атаман, в быту - казак-воин, глава семейства, но никак ни женщина, что позволяет отнести группу диалектных номинаций с внутренней семьей строгого наказания к гендерно маркированным по мужскому признаку, ср.: *бить и не велеть жалиться* – строго наказывать, бить, приводить в покорность [СДГВО, с. 44]; *взять за жерелок, взять за химо, взять за чичер, взять на пробор, взять на притужальник* – строго наказать, привлечь к ответу [СДГВО, с. 77-78]; *драть ремни на шлеи* – строго наказывать [СДГВО, там же]; *дать вскрёсу* — строго наказать, побить [СДГВО, там же] и др. Для области «женского наказания», обычно применяемого к детям за провинности, используются единицы, номинирующие более мягкие, менее жестокие наказания, ср.: *Бог ухо наколет (отрежет)* говорят о ком-либо кто будет наказан [СДГВО, с. 46];

доказчику первый кнут - употребляют в знак назидания: ябеда, доносчик будет наказан в первую очередь [СДГВО, с. 249] *дать прочуханки* – отругать, отчитать [СДГВО, с. 132] и под.

Таким образом, для казаков был характерен особый образ жизни: участие в военных походах, самоуправление, относительная независимость. Все это нашло отражение и в языке казачества. Общение между казаками различных округов могло привести к каким-либо изменениям в частной донской диалектной системе, но соседние, не казачьи, говоры практически не оказывали влияния на замкнутый донской диалект, т.к. они просто отторгались носителями донских говоров. Следует отметить, что обособленность социальная, сословная и территориальная, чувство социальной исключительности повлекли за собой изоляцию языковую.

Язык казаков, вобравший в себя многочисленные элементы далекого прошлого, доносит до нас полную радостей, тревог, побед и поражений историю и современность казачьего субэтноса, имеющего свою неповторимую культуру, свой специфический взгляд на мир, свои уникальные культурные традиции. Достаточно ярко и наиболее выразительно особенности истории и культуры донского казачества представлены диалектными единицами лексического и фразеологического уровней, которые позволяют в определенной степени судить о национально-культурном своеобразии донского диалекта, о сложной и трагической судьбе донского казачества. Все эти единицы в совокупности своей представляют собой огромный и мощный пласт донских казачьих говоров, о некоторых особенностях которых речь пойдет далее.

1.3. Донские казачьи говоры как объект научного исследования

Становление и развитие донских говоров начинается в донациональный период, когда стабилизируется их общность, и протекает

одновременно с общественно-политическими, социально-культурными процессами образования централизованного Российского государства и формирования донского казачества как особого субэтноса. Донские говоры складывались на протяжении длительного периода времени – конца XVI – первой половины XIX в. В течение почти трех столетий на Дон стекались выходцы из различных, но главным образом, центральных и южных областей Руси.

Массовое заселение донской земли началось только с 70-х гг. XVII в. Архивные документы, историко-юридические акты, исследование историков показывают, что донскую землю заселяли выходцы ближайших районов русского государства: Тамбовской, Воронежской, Курской, Орловской и других губерний.

В XVIII веке началась массовая украинская колонизация, хотя первые поселения украинцев на Дону относятся еще к XVI в.

На протяжении трех столетий менялись характер и способы заселения Дона. До 60-х гг. XVII в. на Дон бежали одиночки или небольшие группы людей. С конца XVII в. возникли условия для массового заселения Донского края. Люди начали переселяться большими группами, часто даже семьями со своим имуществом и орудиями сельскохозяйственного труда.

Длительное время Донской край был объектом набегов кубанских, крымских и ногайских татар, турок и калмыков, что неизбежно приводило к межэтническим и межъязыковым контактам. Постепенно на Дону формируется особая местная разновидность русской народной речи — донские говоры, или донской диалект, в основу которого легла речь крестьян, пришедших из южнорусских губерний и составлявших основную массу переселенцев. Таким образом, донские говоры — это говоры вторичного образования, тесно связанные по структуре (фонетической, грамматической,

лексико-семантической) с исконными говорами, прежде всего с восточной группой южновеликорусских говоров — воронежскими, рязанскими, тамбовскими, а также с восточной частью курских, орловских, тульских. Основу их составила речь носителей южнорусских говоров разного типа. Смешение различных диалектов приводило к появлению своеобразных черт донских говоров в определенных ареалах [Кудряшова 1998, с. 9-10].

Следует заметить, что внимание ученых давно привлекала сравнительная однородность донских говоров, наличие в их системе разнообразных диалектных явлений, в частности многих видов яканья, не известных на основной южнорусской территории.

Для большинства русских говоров название «донские» - чисто территориальное, а не структурно-лингвистическое. Исследование ранних переселенческих говоров донского казачества позволило прийти к заключению, что они представляют собой особую социально замкнутую диалектную группу, сложившуюся исторически, являются социально изолированными. Донские говоры на исследованной территории характеризуются обособленным существованием и развитием, но не в силу специфики их географического положения, как это наблюдается у территориально изолированных диалектов, а в силу особого социального положения их носителей [Кудряшова 1998]. Формированию единого диалекта донских казаков способствовала их обособленность, «сословная замкнутость», их изолированность от окружающих русских территорий, патриархальность социально-бытового уклада [Орлов 1984, с. 5].

История формирования донских говоров связана с историей донского казачества, образования на Дону особого замкнутого военно-служилого сословия (субэтноса) защитников русской земли. В отличие от основной массы русского социума, для казаков был характерен особый образ жизни: участие в военных действиях, самоуправление, относительная

независимость, полное обеспечение со стороны правительства и государства – всё это ставило казачество в особое положение, способствовало образованию замкнутого привилегированного сословия. Донские казаки всегда считали себя (и считают до настоящего времени) особой общностью людей, отличающейся от других этнических групп. Для них всегда было характерно высокое этническое самосознание (в донском диалекте существуют номинации для характеристики людей, не принадлежащих казачьему сословию, ср: *москаль* — русский: *Всю ночь не спал он, с москалями проиграл* [Миртов, с. 188]; *мужик* — мужчина, не относящийся к казачьему сословию, казакам; не казак: *Не разберешь, казак ты или мужик, дегтярь?*; *кацап* - *Бран.* Человек, не принадлежащий к казачьему сословию, уроженец центральной части России: «*Хам*», «*мужик*», «*кацап*» — так с пренебрежением называли казаки иногородних [СДГВО, с. 325]; *мурзлан* — мужик, «русский», не казак [Миртов, с.190] и др.).

Донские казачьи говоры Волгоградской области, являясь переселенческими, должны были бы подвергнуться значительным изменениям, так как имеют большие возможности для междиалектного контактирования, которое могло бы расшатать исконную архаическую систему: на юге и западе они граничат с аналогичными, сходными по структуре донскими говорами Ростовской области; на протяжении всей восточной границы соседствуют с разносистемными переселенческими волжскими диалектами (среди них среднерусские говоры; южнорусские говоры разного типа – одни из них имеют сходство с фонетико-грамматической системой казачьих диалектов, другие значительно отличаются от них; говоры севернорусского типа – окающие; типично украинские говоры и смешанные русско-украинские говоры). Однако донские диалекты сохраняют наиболее важные особенности традиционной

системы – и не в силу территориальной изолированности от сходных с ними говоров, но в силу своей социальной изолированности.

Социально-историческая изоляция донского казачества ограничивала контакты с соседями-неказаками, а отсюда — исключала влияние на донские диалектные системы иных диалектных систем. Общение, языковые контакты наблюдались прежде всего с местными жителями в своем административно-территориальном округе, в соседних донских округах и — что значительно реже — на территории всей Области Войска Донского. Оказать воздействие на речь казаков одного округа могли только соседи-казаки [Кудряшова 2014, с. 24]

Для большинства донцов местный говор представляет ценность, они высоко ценят его:

•*Красивый казачий говор, кому ж он не нравится.*

•*Говор – наша родина, так говорили наши отцы и деды, это наша история.*

•*Говор – это наш край, наша земля, родина.*

Казачья речь, казачий язык считается родным, заслуживающим внимания. Сложившееся в давние времена особое чувство высокого самосознания, высокой самооценки, единение жителей Дона стимулирует их к изучению и утверждению именно своего говора, который продолжает жить и сохранять главные, основные черты лексической, фонетической и грамматической системы [Кудряшова 1997, с.33, 55-57].

Л.М. Орлов отмечает, что есть основание предполагать, что на территории Дона и его левых притоков, как и на более северной территории постоянно обитало коренное русское население и в период так называемого «Дикого поля» (XIV — XV вв.). Таким образом, наличие архаических черт в структуре современных донских говоров может объясняться их преемственной связью с диалектами старшей поры [Орлов 1984, с. 5].

Диалектизмы как остаточные элементы старых локальных систем позволяют с большей или меньшей степенью судить о диалектном субстрате: в каждом говоре выделяется древнейший лексический слой и позднейшие инновации и заимствования.

По своему характеру диалектные слова заметно разделяются на генетически северновеликорусские и южновеликорусские. Наличие в системах тех или иных говоров разнородных лексических элементов позволяет видеть органическую связь современных народных говоров с их прошлым, с историей их появления, дальнейшего развития и взаимодействия в новых социально-географических условиях.

И в этом отношении лексические явления вместе с морфологическими и фонетическими выделяют основные ареалы смешанных диалектов Поволжья и единых в своей основе южнорусских диалектов Подонья [Орлов, 1984, с.86].

Следует отметить, что современные говоры донского казачества, как ранние переселенческие и социально замкнутые, по-прежнему не взаимодействуют с другими диалектными системами, а подвергаются воздействию главным образом только литературного языка. Взаимодействие с другими системами происходит внутри самого обширного донского массива (т.е. может наблюдаться взаимодействие между отдельными частными системами донских же говоров, но влияние соседних не казачьих говоров практически исключается). Общение между казаками различных округов могло привести к каким-либо изменениям в частной донской диалектной системе, но соседние не донские говоры практически не оказывали влияния на замкнутый донской диалект, так как они просто отторгались носителями донских говоров. Таким образом, социально-историческая изоляция донского казачества, чувство социальной исключительности повлекли за собой изоляцию языковую. На это обращали

внимание многие ученые – И.Г. Долгачев, Л.М. Орлов, Р.И. Кудряшова, В.И. Супрун и др.

В донских говорах особенно заметна неравномерность утраты специфических диалектных черт: наиболее существенные, основные в диалектной системе, коммуникативно значимые, важные для общения лексические, фонетические, грамматические признаки устойчиво сохраняются в них, утрачиваются же особенности локально ограниченные и имеющие низкую степень коммуникативной значимости; при этом, как отмечают исследователи, значительную роль играет психологический фактор, оказывающий влияние на изменение или сохранение диалектных черт. Внутренняя целостность системы препятствует интенсивному разрушению донских казачьих говоров.

Новые элементы, проникающие в говор из литературного языка и других диалектных систем, сосуществуют со старыми, издавна присущими данной системе, по-разному проявляясь в различных культурно-возрастных группах местного населения и в различных функционально-речевых стилях.

Р.И. Кудряшова отмечает, что современные донские казачьи говоры как говоры социально изолированные сохраняют основные, существенные признаки, которые были свойственны в прошлом всем донским говорам на территории Волгоградской области, а также некоторые из тех черт, которые были ярко представлены регионально. К ним относятся следующие фонетические и грамматические черты:

– яканье, тип которого до настоящего времени четко прослеживается в речи старшего поколения: [с'а]стра, [н'а]су;

– проношение *z* фрикативного, известного на огромной территории южнорусского наречия: [ү]ород, дру[x];

- прогрессивное ассимилятивное смягчение *к* после мягких согласных и *й*: *Вань*[к'а], *Валь*[к'а];
- утрата категории среднего рода: *худая ведро, худой ведро, одна окно*;
- употребление южнорусских форм инфинитива (*нести, итить*) и форм глаголов 3-го лица с конечным мягким [т']: *иде́[т']*, *иду[т']*.

Среди региональных остаются устойчивыми:

- употребление флексии *-е* в родительном-винительном падежах единственного числа личных 1-го и 2-го лица и возвратного местоимения на территории распространения чирских и медведицких донских говоров и форм [м'а]ня, [т'а]бя, [с'а]бя (с характерным для ассимилятивно-диссимилятивного типа яканья произношения гласного в первом предударном слоге) в хоперских говорах (отметим, что на территории современной Волгоградской области находилось три округа Области Войска Донского: 1) Хоперский — с центром в станице Урюпинской (ныне г.Урюпинск); 2) Усть-Медведицкий — с центром в станице Усть-Медведицкой (ныне г.Серафимович); 3) Второй Донской — с центром в станице Нижне-Чирской (ныне рабочий поселок Нижний Чир). В соответствии с этим волгоградские донские говоры делятся на три группы: хоперские, медведицкие, чирские);
- деаффиксация звука [ч'] в чирских говорах: [ш']ай, до[ш']ка;
- произношение твердых долгих шипящих в чирских и части медведицких говоров: до[жж]и, [шиш]ука.

Эти и другие особенности важны для общения между местными жителями либо на всей территории бытования донских диалектов, либо в отдельных регионах.

Из системы говоров социально изолированного типа уходят те черты, которые осознаются носителями диалектов как явно противоречащие общенародным нормам, не имеют широкого распространения, не способствуют общению между жителями разных регионов. В исследованных донских говорах это переход [ф] в [x, xv] (*ко[x]та, [Xв]илипп*), произношение начального [u] на месте [o] во втором предударном слого ([u]гурцы, [u]тошли); инфинитив на *-чь* (*печь, стеречь, стричь*); формы глаголов 3-го лица на *-тью* (*видютю, едутю*); формы местоимений дательного-предложного падежей *табе, сабе*.

Лексикализованные формы, бытующие на всей территории говоров социально изолированного типа либо распространенные локально, продолжают существовать в современных диалектах, если они не препятствуют взаимопониманию.

Среди лексикализованных форм, устойчиво сохраняющихся в системе донского диалекта, находим распространенные на ограниченных территориях формы [*шт'и, ишто*] и встречающиеся повсеместно [*ид'е*], [*йист'*], *пл[о]тим, [вы]шня, [в'и]сокий* и др. Указанные формы отмечаются в речи всех слоев местного населения.

Столкновение в современных изолированных говорах элементов системы диалекта и системы литературного языка приводит к появлению промежуточных вариантов, представляющих собой контаминированные единицы, средние между диалектным и литературным вариантами. В донских социально замкнутых говорах это полувзрывной *z*, полумягкий *m* в окончаниях глаголов 3-го лица; средний, нечеткий, редуцированный звук в первом предударном слого после мягких согласных на месте гласных неверхнего подъема (с целью «отхода» от якающего произношения) и в позиции под ударением в форме местоимений типа *у ме[n'e]* [Кудряшова, 2014, с. 25]. Такие промежуточные варианты появляются в речи грамотных

носителей говоров, которые знакомы в той или иной степени с нормами литературного языка и пытаются отойти от традиционного местного произношения. Появление в говоре контаминированных звукотипов и форм объясняется усилением роли сознательной ориентации грамотных носителей диалектов на литературную норму.

Таким образом, донские говоры – это говоры социально изолированного типа, представленные на значительной территории, не смотря на окружение их сходными и различающимися по структуре диалектами, сохраняют все наиболее важные, существенные черты традиционного диалекта до настоящего времени и остаются главным средством бытового общения. Утрачиваются особенности локально ограниченные и имеющие низкую степень коммуникативной значимости.

Различные особенности местных говоров объясняются исторически. Определенными историческими причинами объясняется в одних случаях диалектная пестрота, наличие на сравнительно небольшой территории многочисленных, различных, порой сильно отличающихся друг от друга говоров, в других случаях, напротив, однородность говора на достаточно обширной территории. В силу этих обстоятельств изучение говоров любого языка позволяет лучше понять историю народа, говорящего на данном языке [Кузнецов 1951, с. 4].

Социально изолированные говоры, как и территориально изолированные имеют свою специфику развития в зависимости от соотношения диалектных явлений (севернорусских, южнорусских), составляющих систему говоров. Но главными факторами, влияющими на утрату или сохранение тех или иных традиционных диалектных признаков, будут степень распространения диалектных черт, их коммуникативная значимость, фактор социальной оценки того или иного явления носителями современного говора и степень воздействия на говор литературного языка.

В говорах донского казачества наиболее устойчиво сохраняются основные в диалектной системе, коммуникативно значимые, важные для общения лексические, фонетические и грамматические признаки, в свою очередь наблюдается утрата локально ограниченных, имеющих низкую коммуникативную значимость для носителей диалекта, ко всему прочему немаловажную роль играет психологический фактор, оказывающий влияние на изменения и сохранение диалектных признаков.

Система традиционных народных представлений об окружающем мире, совокупность территориально-социальных коммуникативных средств складываются в единую картину мира — диалектную, отражающую своеобразие истории и культуры народа – носителя языка, все особенности его мировосприятия. Диалектная картина мира, как и любая другая картина мира, имеет свои отличительные черты, основные признаки и свойства, которые нуждаются в отдельном рассмотрении.

1.4. Общеязыковая и диалектная картины мира

Понятие «картина мира», как и сам человек, является достаточно древним. Появление «картин мира» по времени совпадает с процессом антропогенеза. Современная лингвистика в целом складывается как антропологическая, то есть исследования языковых процессов происходит в неразрывной связи с потребностями коммуникативной деятельности и предполагает учет человеческого фактора, когда субъект речи включается в описание языковых механизмов. Базой для такого изучения результатов познавательной деятельности человека и закрепления их в языке стал феномен «картина (модель) мира» (КМ). Само понятие «картина мира» широко использовалось учеными-философами, логиками, а также исследователями частных наук еще в начале XX века.

Основы изучения языковой картины мира были заложены в трудах В. Гумбольдта. Впоследствии они в той или иной мере были развиты такими учеными, как Л. Вайсгербер, Ю.Д. Апресян, Г.А. Брутян, Е.С. Кубрякова, Б.А. Серебренников, Ю.Н. Караулов, В.Н. Манакин и др. Но впервые понятие «картина мира» в лингвистику было привнесено Лео Вайсгербером. Термином «картина мира» он пользовался уже в своей программной монографии «Родной язык и формирование духа», в которой указывал на стимулирующую роль языка по отношению к формированию у человека единой картины мира. Вайсгербер писал здесь: «Он (язык) позволяет человеку объединить весь опыт в единую картину мира и заставляет его забыть о том, как раньше, до того, как он изучил язык, он воспринимал окружающий мир» [Вайсгербер 1993, с. 51].

Исторически понятие КМ возникло в процессе становления человека как «*homo sapiens*». Она представляет собой результат реального состояния общественного сознания и познавательной деятельности. Человек воспринимает окружающую действительность как «картину», в которой все предметы и явления мира (в том числе и он сам) взаимосвязаны, поэтому КМ является одним из способов структурирования информации об объективной действительности [Хайруллина 2001, с. 5].

Современные авторы картину мира определяют как «глобальный образ мира, лежащий в основе мировоззрения человека, то есть выражающий существенные свойства мира в понимании человека в результате его духовной и познавательной деятельности» [Постовалова 1988, с. 21]. В.И. Карасик определяет картину мира как целостную совокупность образов действительности в коллективном сознании.

Наиболее адекватным пониманием картины мира представляется определение ее как исходного глобального образа мира, лежащего в основе мировидения человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в

понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека [Рассел 1997, с. 143]. Картина мира предстает в такой трактовке как субъективный образ объективной реальности и входит, следовательно, в класс идеального, которое, не переставая быть образом реальности, опредмечивается в знаковых формах, не запечатлеваясь полностью ни в одной из них.

Понятие «картина мира» часто применяется лингвистами при исследовании человеческого фактора в языке. Согласимся с мнением Б.А. Серебренникова, что «картина мира есть целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, а не какой-либо одной его стороны» [Серебренников, 1988]. Г.А. Брутян под языковой картиной мира понимает «всю информацию о внешнем и внутреннем мире, закрепленную средствами живых, разговорных языков» [Брутян 1973, с. 108]. Таким образом, мы видим, что картина мира составляет ядро мировидения человека и несет в себе его основные свойства.

Соответственно, можно сказать, что «понятие языковой картины мира строится на изучении представлений человека о мире. Если мир – человек и среда в их взаимодействии, то картина мира – результат переработки информации о среде и человеке. В связи с этим представители когнитивной лингвистики делают вывод, что наша концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним» [Маслова 2001, с. 64].

Мысль о том, что создание картины мира является необходимым моментом жизнедеятельности человека, развивал еще А. Эйнштейн: «Человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной...» [Эйнштейн 1967, с. 136].

В лингвистике появление понятия языковой картины мира является симптомом возникновения гносеолингвистики как части лингвистики, развиваемой на антропологических началах. Понятие языковой картины мира позволяет глубже решать вопрос о соотношении языка и действительности, инвариантного и идиоматического в процессах языкового отображения действительности как сложного процесса интерпретации человеком мира [Серебренников 1993, с. 37].

Языковая картина мира не стоит в ряду со специальными картинами мира (химической, физической и др.), она им предшествует и формирует их, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный. Последний и определяет специфические особенности языка на всех его уровнях. В силу специфики языка в сознании его носителей возникает определенная языковая картина мира, сквозь призму которой человек видит мир [Маслова 2001, с.65]. Существенное замечание по этому поводу сделано В.Г. Гаком: «если понимать культуру (все, что создано человеком) в противопоставлении природе, натуре (то, что существует помимо человека), то и самый язык следует признать элементом культуры, причем одним из важнейших... Поэтому, когда говорят об отражении культуры в языке народа, то подразумевают, по-видимому, отражение в нем внеязыковой культуры, поскольку сам язык является компонентом культуры» [Гак 2000, с. 260].

Так же и Ю.Д. Апресян подчеркивал донаучный характер языковой картины мира, называя ее наивной картиной. Языковая картина мира как бы дополняет объективные знания о реальности, часто искажая их. Поскольку познание мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина мира постоянно меняется, тогда как языковая картина мира еще долго хранит следы этих ошибок и заблуждений. Картина

мира представляет собой центральное понятие концепции человека, выражающее специфику его бытия, и адекватно охарактеризовано оно может быть лишь в общей теории человека.

Языковая картина мира представляет собою, по Б. Уорфу, «систему анализа окружающего мира» [Уорф 1960, с. 190]. Она является результатом деятельности рядовых носителей того или иного языка, которые этот язык создали, и отражает их обыденное сознание. Сам же язык, по мнению М.А. Серегинной, выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, принося в него черты человека, его культуры. При помощи языка опытное знание, полученное отдельными индивидами, превращается в коллективное достояние, коллективный опыт [Серегина 2007].

Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира). Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его взаимоотношения с миром. Каждый естественный язык — это определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка и представляется в виде языковой нормы.

Е.С. Яковлева справедливо отмечает, что языковая картина мира — это зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности. Люди, отражая объективный мир в процессе своей деятельности, фиксируют в языке результаты своего познания окружающего их пространства [Демидова 2007, с.5].

Национальное своеобразие языковой картины мира рассматривается не как результат длительного исторического развития, а как изначально данное

свойство языков. Люди с помощью языка создают свой особый мир, отличный от того, который их окружает. Картина мира говорящего, действительно, существенно отличается от объективного описания свойств, предметов, явлений, от научных представлений о них, ибо она есть «субъективный образ объективного мира» [Маслова 1991, с. 58-61]. Однако не сам язык создает эту субъективную картину мира.

Картина мира любого языка неизбежно имеет этнокультурный характер. В пределах одной этноязыковой общности можно выделить ряд картин мира, соотносящихся с определенными типами культуры или субкультурами (элитарная, массовая, традиционная, профессиональные) и подсистемами языка (общенациональная, литературная, просторечная, диалектная, жаргонная). При этом диалектная картина мира, воплощающая народную культуру, в значительной степени сохраняет «наивный», эмпирический образ действительности. Это вариант национального образа мира, один из самых значимых для любого этноса. Заметим, что вопрос о возможности моделирования единой для какого-либо языка (в том числе и русского) диалектной картины мира сродни вопросу о реальности или нереальности «диалектного языка», который широко дискутировался в научной литературе. Однако здесь есть и существенные различия. Если «диалектный язык» является лишь конструктом, а не реальным средством коммуникации, то картины мира разных говоров по причине значительного сходства русских диалектных объединений могут быть весьма близки. Можно согласиться с мнением некоторых исследователей, что «совокупность диалектов представляет собой континуум естественных картин мира на пространстве одного из вариантов языковой концептуализации действительности» [Радченко 2004, с. 26].

Под диалектной картиной мира (ДКМ) мы понимаем систему традиционно-народных представлений о мире, отраженную в совокупности территориально-социальных коммуникативных средств.

Диалектная языковая картина мира является частью общей национальной картины мира и «имеет не только общие с последней черты, но и особенные, проявляющиеся прежде всего в характере восприятия окружающего мира диалектным сообществом и в особенностях языковой репрезентации этого мира» [Демидова 2008, с. 68].

Диалектная картина мира отличается от общезыковой «своим естественным характером, поскольку она складывается в достаточно замкнутом диалектном коллективе, отражает особенности уклада, быта, близость к природе, характерные черты сельского труда, не искажается и не нивелируется никакой кодификацией, однако служит своего рода субстратом для картины мира общеупотребительного языка. Картина мира диалекта присущи особые социолингвистические характеристики и системные параметры, она проявляется, главным образом, в устной речевой деятельности в определенных сферах коммуникации. Диалектоноситель иначе «ословливает» окружающий мир, рисует иную картину бытия, чем носитель литературного языка, опираясь на возможности своего диалекта и развивая и обогащая их» [Радченко, Закуткина 2004, с. 25].

Носители литературного языка и носители диалекта не только по-разному пользуются языком, но по-разному реализуют в языке свои представления об окружающем их мире [Пешковский 1960, с. 230].

Под диалектной картиной мира понимается присущее данному диалекту как подсистеме конкретного языка определенное устройство системы понятий, отражающее *специфические* пути освоения окружающего мира коллективом носителей данного диалекта [Закуткина 2001, с. 5].

Диалектная картина мира донского казачества отличается своей спецификой формирования казачества на протяжении долгих лет как особого замкнутого военного субэтноса. Для донских казаков, как уже было отмечено ранее, был характерен особый образ жизни: участие в военных походах, самоуправление, относительная независимость. Война играла наибольшее значение в жизни казачьих общин (они находились в условиях постоянного военного противостояния с враждебными и воинственными кочевыми соседями), поэтому важнейшим источником существования для них являлась военная добыча, получаемая в результате походов «за зипунами». Казак был социальным интровертом, он всегда был обращен внутрь своей первичной группы, своей общины, где он очень чувствителен к мнению окружающих. К остальным же он проявлял сильное социальное равнодушие. В силу этого круг общения казаков представляется замкнутым, в нем категорически не любят «чужаков». Носитель казачьей культуры, приобретая друга, «передает» другому свою личность со всеми ее качествами. Качества передаются от человека к человеку, личность формирует личность — так создается и существует казачья культура [Брысина 2003, с. 179]. Социальная, сословная и территориальная обособленность, чувство социальной исключительности повлекли за собой изолирование казаков от окружающих их соседей. Соответственно, говоры соседних территорий практически не оказывали влияния на замкнутый донской диалект, т. к. они просто отторгались носителями донских говоров.

По существу, диалектная картина мира — это схема восприятия действительности, сложившаяся на протяжении многих веков существования социума, ограниченного определённой территорией и природными, экономическими, хозяйственными условиями жизни, которые определили особенности его ментальности, его мировосприятия окружающего пространства [Демидова 2007, с.46].

Белякова С.М. под диалектной картиной мира понимает «систему традиционно-народных представлений о мире <...>, отраженную в совокупности территориально-социальных коммуникативных средств [Белякова 2005, с.73]. Придерживаясь точки зрения Т.Ю. Бахаевой о том, что «в языке прежде всего отражаются наиболее значимые ценности, т.е. и картина мира диалектоносителей основывается на приоритетах житейского опыта и обыденного сознания» [Бахаева 2005], можно отметить, что в диалектной картине донского казачества отражены наиболее ценностные представления казаков об окружающей их действительности.

Познавая мир, человек формирует прежде всего чувственные образы предметов и явлений. Факты, явления, события, происходящие в природе, обществе, жизни индивида, воспринимаются человеком не только посредством логической системы знания, но и через призму его отношения к миру. Человек соизмеряет свое поведение с идеалом, целью, которая выступает для него в качестве образца.

Предметы и явления объективного мира не обладают изначально данной им ценностной значимостью. Свои ценностные характеристики они обретают исключительно в сознании людей, когда критерием ценности той или иной вещи выступает ее практическая значимость для членов данного социального общества. Под ценностью принято понимать «особый тип мировоззренческой ориентации людей, сложившееся в той или иной культуре представление об идеале, нравственных эталонах поведения» [Гуревич 1988, с. 3].

В процессе этнолингвокультурологического анализа диалектных лексем и фразем существенным оказывается тот факт, что все ценности в структуре этноязыкового сознания приобретают форму ценностно-смысловых отношений. Это означает, что «семантика культураносных объектов и содержание законов организации жизнедеятельности

закодированы знаками косвенно-производной номинации в виде соответствующих установок и норм (в обыденной, научной, художественно-образной) категоризации и концептуализации мира [Алефиренко 2001, с. 4-5]. При этом отдельные объекты материальной и духовной культуры данного этноязыкового сообщества наполняются особым смыслом, так как испытывают влияние общей ценностно-смысловой организации этой культуры, накладывающей на соответствующий предмет печать ценностного отношения человека к проявлениям социально значимых поступков, моральных качеств и нравственных установок [Брысина 2003, с. 288].

Формирование ценностного мнения об определенном факте действительности осуществляется на основе личных взглядов и представлений индивида, сложившихся в определенном социокультурном сообществе, развивающемся в русле межпоколенно транслируемых традиций, основ морали, стереотипов поведения, эталонов нравственности. Соответственно имеет место и проявление гендерного признака в формировании всех ценностных отношений в донской диалектной среде. Практически многие ценности, сформированные в донском казачьем обществе, являются гендерно маркированными: одни из них отражают мужское мироощущение, другие — женское. Поэтому уверенно можно утверждать, что ценностные смыслы, заложенные в языковой знак, отражают специфику этнического восприятия окружающего, своеобразие этноязыковой картины мира [Брысина 2003, с. 291].

Слова, объединяемые понятием «ценность», являются гендерными маркерами таких важных в жизни казаков сущностей, как *казак, дружба, воля, атаман, конь, труд, ум, любовь, Родина* и под.

Наиболее важными и приоритетными ценностями для казаков являются те, внутренняя семантика которых, так или иначе, несет в себе следы военной деятельности. Эти ценности предстают ярким свидетельством

проявления гендерного признака, т. к. военная сфера в жизнедеятельности казачества является отражением только мужского мировоззрения. В жизни казака военная деятельность и все, что с нею связано, занимает особое место, ср.: 1) ценность «конь» - *от сивки от бурки* - не имея никаких оснований [БТСДК, с. 484]; *и на коне и на войне был* – об опытном, ловком, лихом человеке [СДГВО, с. 259]; *держатъ дорогу* - верно ориентироваться в пути, не сбиваться с пути [БТСДК, с. 131]; *быть на коне и под конем* – об опытном человеке [СДГВО, с. 62]; *грива на гриве* – орех на орехе [СРГ] и т. д.; 2) ценность «служба» - *ломать службу (службицу)* – служить в армии [СДГВО, с. 302]; *быть в армиях* – быть в армии [БТСДК, с. 65]; *боец* – сильный, смелый, бойкий человек [СДГВО, с. 47]; *стуцырь* – бравый солдат, молодец [БТСДК, с. 517]; *казаковать* – нести службу в казачьих полках; быть в походах, участвовать в войнах, набегам, сражениях [СДГВО, с. 229] и т. д.; 3) ценность «атаман» - *атаман* – выборное лицо [СДГВО, с. 25]; во время походов, войны выбирался *походный, или кошевой, атаман; наказной (наказный), войсковой атаман* - начальник казачьего войска, который назначался царем [СДГВО, с. 25] и др.; 4) ценность «дружба» - *снлыганные друзья* [БТСДК, с. 497]; *копыл да угол* – неразлучные друзья [БТСДК, с. 231]; *тёмные друзья* – верные, надёжные друзья [СДГВО, с. 25]; *зальян* – друг, приятель [БТСДК, с. 173]; *друзьяк* – друг [СДГВО, с. 152]; *друзаль* – дружок, товарищ [БТСДК, с. 141]; *седёлка да подпруга* – о неразлучных друзья [СДГВО, с. 538]¹ и др.

В донском диалекте одно из немаловажных мест в сознании казаков занимает ценность «ум». Из всего количества выбранных нами единиц отдельно выделим те, которые характеризуют мужчин и женщин по

1 Все примеры взяты из Большого толкового словаря донского казачества. – Москва: Астрель, 2003 и Словаря донских говоров Волгоградской области / Под ред. Р.И. Кудряшовой. – Волгоград, 2011.

сообразительности, высоким умственным способностям, и те, которые характеризуют представителей донского казачества по глупости, отсутствию ума: наличие ума: *не отбавлять христу* – умный, сообразительный [СДГВО, с. 389]; *мудрушка* – умный, сообразительный человек [БТСДК, с. 289]; *лазутка* – всезнающий человек [БТСДК, с. 257]; *вумный* [СДГВО, с. 92], *стоумовый* [СДГВО, с. 571], *умённый* — умный [СДГВО, с. 611]; *смысленый* - умный, сообразительный, смышленный [СДГВО, с. 555] и т.д.; проявление глупости: *глупой* — глупый, умственно ограниченный [СДГВО, с. 109]; *воронья голова* - глупый, неразумный человек [СДГВО, с. 113]; *гнилой калган* – о глупом, неразумном человеке [СДГВО, с. 232]; *обнести умом, Бог обнес умом* – о слабоумном человеке [БТСДК, с. 329]; *ледящий* [СДГВО, с. 296], *малоумный, малохтарный* – глуповатый человек [БТСДК, с. 276]; *мелкоумный* – неспособный, тупой [БТСДК, с. 281]; *кепский* – дурной, глупый [БТСДК, с. 215]; *ни в пятке ни в голове* – глупый, несообразительный человек, тугодум [СДГВО, с. 496]; *пень божий* – глупый, несообразительный, далекий [СРНГ, с. 346]; *дурастной* — глуповатый [СДГВО, с. 155] и др.

В количественном отношении только треть обнаруженных нами единиц (29% (19 ед.)) характеризуют по интеллектуальному признаку отдельно мужчин или женщин. 71% (36 ед.) гендерно нейтральны, т.е. могут использоваться применительно и к мужчинам, и к женщинам. Диалектных единиц, характеризующих высокие умственные способности человека – считанное количество, а наибольшую характеристику получает глупость и отсутствие ума. Анализ исследуемых единиц дает возможность говорить о том, что в лексемах и фраземах данного типа сохраняется тенденция доминирования в семантике отрицательной оценочности и отсутствие гендерной асимметрии.

Важно отметить, что ценность «труд» не является в сознании жителей Дона первозначимой. Данный факт обусловлен как универсальным

отношением человека к труду, проявляющимся в оценке труда как деятельности, требующей большого напряжения, усилий и приносящей усталость и изнеможение, так и исторически сложившимся в казачьей среде отношением к труду как второстепенной деятельности, не являющейся основным источником жизнеобеспечения. В говорах донского казачества значительное число лексических и фразеологических единиц не несет в себе семантику разделения труда по признаку пола, ср.: *хрептух сломать* – усиленно трудиться [РСГ]; *все кирпичи на печке потереть* – о лентяе, лежебоке [СДГВО, с. 465]; *мух от себя не отгонит* [СДГВО, с. 394]; *пальцем не покривит* – о бездельнике [СДГВО, с. 446]; *ни пришить ни прилатать* – о человеке, который ничего не умеет делать [СДГВО, с. 482]; *бить дрынки* – бездельничать [СДГВО, с. 44]; *шабоня* – лодырь [СДГВО, с. 666] и др.

Практически все фразеологические и лексические единицы характеризуют труд как сверхинтенсивный, изнурительный, утомляющий, лишаящий последних сил. Не обнаружено ни одной единицы, характеризующей труд как приносящий радость, доставляющий удовольствие. Труд (прежде всего, земледельческий, скотоводческий, ремесленный) вплоть до XVIII века присутствовал в казачьей среде лишь постольку, поскольку казаки пользовались его результатами. Сами казаки физическим трудом (в указанном смысле) не занимались. Этот род трудовой деятельности был противен самой сущности казачества как военно-кочевого сословия, когда занятия земледелием и скотоводством были запрещены Войсковым Кругом. Поэтому большинство лексем и фразем, оценивающих трудовую деятельность казаков, возникло в более поздний период — с конца XVIII века и отражает уже новый этап существования казачества — оседлый. В этот период в донских говорах возникает достаточное количество лексем, фразеологизмов и других устойчивых сочетаний слов, номинирующих и

характеризующих трудовую деятельность казачек, на плечи которых в отсутствие мужа ложились все заботы о хозяйстве, доме, пропитании и воспитании детей (*воспитывать иголкой* – добывать средства существования шитьем [БТСДК, с. 87], *жить своими руками* – зарабатывать на пропитание ручным трудом (часто по найму) [РСГ] и под.).

Не смотря на то, что диалектная картина мира, как и языковая картина мира в целом, является выражением единой системы взглядов человека на окружающую действительность, все-таки она отличается своим естественным характером, живостью, отсутствием какой-либо кодификации. В связи с чем остановимся на более детальном описании ее основных признаков, которые свойственны только диалектной картине мира.

1.5 Основные признаки диалектной картины мира

Принято считать, что в диалекте отражена наивная картина мира, которая складывается как ответ на, главным образом, практические потребности человека, как необходимая когнитивная основа его адаптации к миру. <...> Наивная картина мира отличается значительной прагматичностью. Претендуя на абсолютную истину, знания данного типа могут сколько угодно отходить от того, что посчитала бы объективной истиной традиционная наука. Их критерием выступает не формально-логическая непротиворечивость, а сама по себе целостность и универсальность модели, ее способность служить объясняющей (чаще — квазиобъясняющей) матрицей для структурирования опыта [Маслова 2004, с. 68-69].

Многие ученые (Е.В. Брысина, К.И. Демидова, Н.А. Закуткина, А.О. Радченко и др.), изучая национальные картины мира, выделяют ряд их отличительных признаков, существенно влияющих на формирование

семантического «пространства» и структуру картины. Например, Р.Х. Хайруллина при описании фразеологической картины мира в качестве наиболее важных признаков называет универсальность, антропоцентризм, экспрессивность, которая включает в себя образность и модальность [Хайруллина 2001, с. 11-19].

В рамках каждой культуры складывается определенная группа ценностей, обладающих для сообщества общезначимым содержанием (то, что признается наиболее важным всеми людьми), это, так называемые *универсальные*, или *абсолютные* ценности. К универсальным ценностям можно отнести такие понятия, как жизнь, мир, свобода, дружба, любовь и др.

В языковом сознании прежде всего человек выступает мерилем всего, и, говоря языком физики, «находится в точке приложения центростремительных сил» коммуникативного взаимодействия. В ориентации на человека проявляется антропоцентричность картины мира. Человек выступает как мера всех вещей.

Одним из отличительных свойств диалектной картины мира является ее экспрессивность, или выразительно-изобразительные качества. Экспрессивная окраска речевых фактов связана с понятием коннотации. Экспрессивность и коннотация часто фигурируют в лингвистических исследованиях как синонимичные понятия, однако, по справедливому замечанию В.Н. Телии, экспрессивность является следствием использования коннотативных средств языка. «Коннотация как бы «наслаивается» на высказывание и придает ему экспрессивную окраску, а само высказывание становится двуплановым – оно сообщает о мире и выражает эмотивное отношение субъекта речи к обозначенному, - пишет В.Н. Телия [Цит. по: Хайруллина: 2001, с.15].

Образность диалектных лексем и фразем заключается в их внутренней форме, которой мотивируется общая целостность их семантики. А любая мотивация содержит в себе сравнение как отправную точку когнитивного процесса. Именно сравнение является одним из важнейших механизмов построения и передачи новых знаний. Поэтому в основе образности диалектных единиц всегда (или почти всегда) лежит сравнение реалий внеязыковой действительности, которые становятся эталоном, образцом или, наоборот, антиэталом идеального качества, состояния, действия, ситуации и т.д. [Хайруллина: 2001, с. 15]. Это можно увидеть на примере диалектных единиц, ср.: *как белка на точиле* [СДГВО, с. 39] «суетливый, как белка в колесе»; *как блин масленый* [СДГВО, с. 45] «полный, упитанный с круглым лицом, как жирный блин»; *бока завернулись* [СДГВО, с. 47] «толстый, упитанный со складками на боках»; *как варяга* [СДГВО, с. 66] «заниматься беспутным делом, бродить без определенной цели, как разбойник»; *как туды-судытный веник* [СДГВО, с. 70] «мечущийся, неопределившийся, как рабочий веник»; *плавать как линь по дну* [СДГВО, с. 421] «ходить осторожно, не спеша, как и неповоротливая, скрытная рыба линь» и др.

Диалектная картина мира донского казачества, отличающаяся от общеязыковой прежде всего локальностью своего распространения и более выраженной идиоэтничностью, тем не менее характеризуется всеми признаками, свойственными языковой картине мира в целом - универсальностью многих понятий, антропоцентричностью, ценностным принципом формирования (аксиологичностью) и, ко всему прочему, гендерной направленностью, что является уникальным явлением. Появление гендерных признаков связано прежде всего с тем, что мужчины и женщины по-разному воспринимают и номинируют окружающие их предметы и явления действительности, что в свою очередь находит отражение в самом диалекте.

1.5.1 Антропоцентричность

Антропоцентричность предполагает вовлечение в изучение всех основных аспектов деятельности человека. Соответственно, как один из определяющих признаков языковой картины мира – антропоцентризм – может быть рассмотрен применительно к донскому диалекту.

В центре диалектной лексико-фраземной номинации стоит сам человек, познающий субъект, его восприятие действительности, ценностное отношение к миру реальных, и поэтому главным мерилем значимости окружающего мира является человек – его тело, чувства, состояния, потребности и интересы. Мир вокруг себя человек воспринимает как созданный по своему образу и подобию. Известно, что мысль об антропологической сущности языка была высказана еще в трудах В. Гумбольдта, Р.А. Будагова, Л.В. Щербы. В последние годы проблемы человеческого фактора в языке активно разрабатываются как лингвистами (Ю.Н. Караулов, Н.Д. Арутюнова, В.С. Юрченко и др.), так и философами (Т.Ф. Кузнецова, Л.А. Микешина и др.) [Брысина 2003, с.120].

Носитель диалекта, осваивая окружающий его мир, видит в нем прежде всего самого себя, оценивает и характеризует себе подобных. Кроме слов общеупотребительных, составляющих основу любого диалекта, в активном арсенале диалектоносителей обнаруживается целый ряд собственно диалектных наименований, связанных с:

1) физическими данными человека (*неправый* – с каким-л. физическим недостатком, с больной или искаленной конечностью, увечный [СДГВО, с. 353], *недослых* – плохо слышащий, глуховатый [БТСДК, с. 317], *хоть об лоб поросят бей* – о физически здоровом, крепком человеке [СДГВО, с. 44]; *куцепалый* — не имеющий пальцев [СДГВО, с. 290], *бескишечный* – худой, болезненного вида);

2) внешностью (*безвидный* – некрасивый [СДГВО, с. 38], *хоть картинки пиши с кого* – привлекательный, красивый [СДГВО, с. 420], *невзглядный* – неприглядный, непривлекательный [СДГВО, с. 350], *некутаха* – неопрятный человек [БТСДК, с. 318], *нехолюза* — грязнуля, неряха [СДГВО, с. 356]; *неумоя* [БТСДК, с. 321] – неопрятный, нечистоплотный; грязный, неряшливый человек);

3) особенностями поведения, свойствами характера (*питух* – пьющий, выпивало [Миртов, с. 229], *неробота* – не способный заработать [СДГВО, с. 354], *слухмённый* – послушный [СДГВО, с. 553]; *подхибетный* — льстивый [БТДСК, с. 388]; *ушляк* — хитрый, ловкий [БТДСК, с. 549] и т.д.);

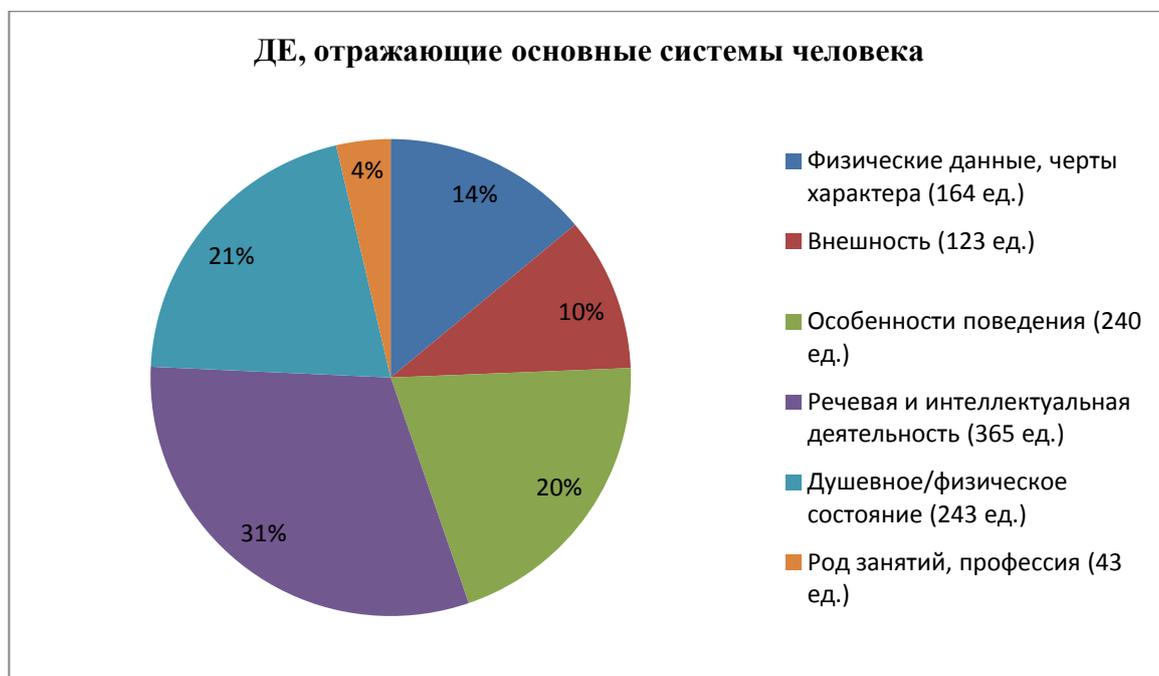
4) речевой и интеллектуальной деятельностью (*недосужий* – несообразительный [СДГВО, с. 351], *нахомутать* – напутать, запутать, сбить с толку [СДГВО, с. 348], *набашковаться* – набраться ума, опыта [СДГВО, с. 329], *музоль на языке набить* – болтать много и бестолку [СДГВО, с. 329], *базява* – сплетница [СДГВО, с. 31], *белебенить* – быстро говорить [СДГВО, с. 39]);

5) определенным душевным или физическим состоянием (*бедовать* – бедствовать, терпеть нужду, испытывать горе [СДГВО, с. 38], *незаручная* – свободная, необрученная (о девушке) [СДГВО, с. 352], *нетерпячка берёт* – о невыдержанности, нежелании ждать, терпеть, о сильном желании [СДГВО, с. 355], *бедуня* – бедолага, несчастный человек [СДГВО, с. 38], *невперенос* – невыносимо, крайне тяжело [СДГВО, с. 350], *набрыднуть* – надоесть [СДГВО, с. 330]);

б) родом занятий, профессиональной деятельности, типом межличностных отношений (*бабаечник* – гребец на лодке [СДГВО, с. 27], *балычник* – рабочий на предприятии, изготавливающий балыки [СДГВО, с.

34], *коваль* – кузнец [БТСДК, с. 221], *бахорь* – любовник [СДГВО, с. 37]; *бабка* — знахарка [СДГВО, с. 27]) и мн. др.

Следует отметить, что наполняемость каждой группы диалектных единиц неодинакова. Продемонстрируем данное соотношение диаграммой:

Как показывает диаграмма, наиболее наполненными в количественном соотношении в донских говорах оказались 3 группы: диалектные лексемы и фраземы, связанные с речевой и интеллектуальной деятельностью человека, его душевным состоянием и физическим состоянием, чертами его характера. Наименьшее количество диалектных единиц наблюдается в группах, связанных с внешностью человека, его физическими данными, а также с профессией и родом деятельности. Эти показатели подтверждают вывод, что основными действиями человека в наивной картине мира являются все-таки физические, интеллектуальные и речевые, которые выделил, как ведущие, Ю.Д. Апресян. С другой стороны, человеку свойственны определенные состояния - восприятие, желания, знания, мнения, эмоции и т.п. Наконец, он определенным образом реагирует на внешние или внутренние воздействия [Апресян 1995, с.352].

В языковой картине мира человек мыслится прежде всего как динамичное, деятельное существо. Опираясь на схему основных систем человека, по Ю.Д. Апресяну, определим, насколько полно в донских казачьих говорах отражен внешний и внутренний мир жителей Подонья.

В донских казачьих говорах представлены все группы единиц, обозначающих основные системы человека, ср.:

1) физическое восприятие: *вонять* – пахнуть [СДГВО, с. 87], *и на понюх нет* – о полном отсутствии чего-л. [РСГ], *упулиться* – смотреть пристально, не отрываясь [БТСДК, с. 544]; *глаза продавать* – заинтересованно разглядывать что-л., не покупая [СДГВО, с. 484];

2) физиологические состояния: *кишки пересудомились* – о сильном чувстве голода [БТСДК, с. 217];

3) физиологические реакции на внешние или внутренние воздействия: *отбивать поморки* – падать в обморок [СДГВО, с. 390]; *как жаром окатило* – бросило в жар [РСГ];

4) физические действия и деятельность: *кабякнуться* — упасть [БТСДК, с. 203], *дрёпнуться* – упасть, шлепнуться [БТСДК, с. 2140]; *вверх тороманом* – перевернувшись через голову [БТСДК, с. 530];

5) _желания, предпочтения: *уходить (венчатся) уходом* – выходить замуж без согласия родителей, игнорируя их волю и желания [БТСДК, с. 548]; *казаковать* – жить вольно, свободно; вести беззаботный холостяцкий образ жизни [СДГВО, с. 229]; *лучше девять деверей, чем одна золовушка* – о коварном нраве золовки [РСГ];

б) мышление, интеллектуальная деятельность в целом: *козломничать* – поступать по-своему, ни к кому не прислушиваясь [СДГВО, с. 252]; *плетень*

без кольев – о глупом, неразумном человеке [БТСДК, с. 369]; *забивать глузды* – запутать, сбить с толку [БТСДК, с. 107];

7) эмоции: *губы-зубы говорят* – о человеке, исполненном гнева [БТСДК, с. 121]; *стоять надолбнем* – замереть от страха [СДГВО, с. 572]; *ковырять раны* – расстраивать, заставляя волноваться, переживать [СДГВО, с. 251];

8) речь: *бить клы* – сплетничать [БТСДК, с. 219]; *гутарить* – разговаривать [СДГВО, с. 129], *греметь как балабон* - говорить быстро, много и бестолково [СДГВО, с. 122] и др.

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что лексико-фразеологический фрагмент языковой картины мира носителей донского диалекта отражает все основные стороны жизнедеятельности человека. Человек является своеобразной начальной точкой отсчета. Он, воспринимает окружающую его действительность как часть самой природы.

Говоря о языковой картине мира носителей донского диалекта, можно рассматривать разные ее характеристики, определяющей среди которых, безусловно, является антропоцентричность. Однако все предметы и явления действительности в сознании людей обретают свои собственные ценностные характеристики, обладают ценностной значимостью.

1.5.2. Аксиологичность

При более детальном рассмотрении аксиологического признака диалектной картины мира, следует отметить, что наиболее важной категорией здесь выступает ценность, которая понимается как оценка человеком предметов объективного мира или представлений о них, репрезентируемая в языке.

Диалектная картина мира складывается в результате ценностной деятельности сознания носителей диалекта, формирования ценностных приоритетов и поиска определенных средств и способов их выражения. Все события, явления, факты, происходящие в природе и обществе, в жизни человека воспринимаются им не только посредством логической системы знания, но и сквозь призму его отношения к миру, нравственных и эстетических норм.

Аксиологические установки той или иной культуры определяют мировидение, отношение человека к «составляющим» культуру «вещам», в том числе и к ментальным фактам, которые достаточно часто выступают в качестве культурных концептов» [Евсюкова 2002, с.59-60].

С точки зрения философии ценность для человека представляет то, что имеет для него определенную значимость, играет существенную роль в его жизни, то, что «чувства людей диктуют признать стоящим над всем и к чему можно относиться с уважением, признанием, почтением» [Юрченко 2008].

Носители говоров познают и номинируют окружающий мир через самих себя – собственные ощущения, представления, свой эмпирический опыт. Аксиологический характер диалектной картины мира обусловлен спецификой самой знаковой номинации: разнообразные и подробные языковые обозначения получают те предметы, свойства, явления, которые наиболее важны и значимы в жизни народа.

Истоки ценностных отношений – в социальном характере деятельности людей. Наиболее широко в донских казачьих говорах представлены диалектные лексемы и фразеологические единицы, связанные с

1) социальной сферой: *казак* - вольный, независимый человек, воин [СДГВО, с. 229]; *атаманить* - руководить, командовать [СДГВО, с. 26]; *бурдюг* - о человеке, вызывающем осуждение окружающих своими

поступками [СДГВО, с. 58]; *выводить на круг* - строго спрашивать, устраивать публичный допрос [СДГВО, с. 94] и др.;

2) социальным расслоением: лексемы и фраземы с общим значением «бедный», «жить бедно»: *страдный* [СДГВО, с. 572]; *горевский* [СДГВО, с. 116]; *ни хаты ни лопаты; ни кошки ни ложки* [СДГВО, с. 270]; *ни сохи ни бороны ни кобылы вороны* [СДГВО, с. 561]; диалектные единицы с общим значением «богатый, имеющий полный достаток», «иметь все необходимое в достаточном количестве»: *искиснуть на меду* [СДГВО, с. 223]; *круглый год Масленица кому* [СДГВО, с. 312]; *вдоволину* [СДГВО, с. 68]; *не видать у закрома дна* [СДГВО, с. 78];

3) военной сферой: *батальница* - военный поход [СДГВО, с. 36]; наименования оружия: *гурда* [СРНГ, с. 238], *нагайка* [СДГВО, с. 332], *насека* [Миртов, с. 198] и др.; названия предметов одежды, воинских регалий: *бунчук* [Миртов, с. 31], *епанча* [СДГВО, с. 161], *лампас* [СДГВО, с. 293], *папах* [СДГВО, с. 404], *тумак* [СРНГ, с. 241] и др.; наименования воинских отрядов: *бекет* [БТДСК, с. 40], *отдельные сотни* [СДГВО, с. 561], *атаманский полк* [СДГВО, с. 448] и др.;

4) обрядами, верованиями и народно-мифологическими представлениями: *анчибил* - 1. Нечистая сила, чёрт; 2. *Бран*. О человеке, вызывающем осуждение окружающих своими поступками [СДГВО, с. 23]; *хресака* - крестная [СДГВО, с. 634]; *филипповка* - рождественский пост [СДГВО, с. 620]; *править молебны* - делать выговор, ругать, бранить [СДГВО, с. 469]; *прикидываться иисусиком* - изображать невинного [СДГВО, с. 474]; *читать молебну (молитвы, уставы)* - ругать [СДГВО, с. 659]; *жить за Богородицей* - жить счастливо, без забот, ни в чем не нуждаясь [СДГВО, с. 172]; *жить ирды веки* - жить очень долго, до глубокой старости [там же];

5) межличностными отношениями: *кочетиться* - нервничать, задираться [СДГВО, с. 268]; *растворить хайло* – начать браниться, ругаться, кричать [СДГВО, с. 510]; *ни пиру ни миру* - о постоянных ссорах, конфликтах [СДГВО, с. 420]; *об (тебе) и гав не брехал* - никто и не думал, не вспоминал [СДГВО, с. 103]; *насыпать соли на хвост* кому-л. - обидеть, оскорбить, расстроить кого-л. [РСГ]; *извалять в перьях* - опозорить [СДГВО, с. 220];

б) семейными отношениями: *брошенка* - женщина, оставленная мужем [БТДСК, с. 55]; *женач* - женатый человек [СДГВО, с. 168]; *барышня Петра Первого* - старая дева [БТДСК, с. 36]; *дать кочергу и скалку* - о начале замужней жизни [БТДСК, с. 126]; *мамушкин лизунчик* - маменькин любимчик [БТДСК, с. 276]; *своему куреню голова* - глава в доме [СДГВО, с. 113];

7) трудовой деятельностью: *латрыга* - лентяй [СДГВО, с. 294]; *фря* - белоручка [СДГВО, с. 621]; *лежоха* - лентяй, бездельник [СДГВО, с. 296]; *не на чай ходить* - о каком-л. непростом деле [СДГВО, с. 629]; *аж мокрое горит* - дело спорится [РСГ]; *до черных мозолей* - много и тяжело работать [СДГВО, с. 319]; *переть на бугая* - выполнять тяжелую работу [СДГВО, с. 416]; *мух от себя не отгонит* - о бездельнике [СДГВО, с. 394]; *лежать как сом на икре* – бездельничать, ничего не делать [СДГВО, с. 296] и мн. др.

Разные виды ценностей являются регуляторами человеческих стремлений и поступков, служат масштабom оценки тех или иных действий с точки зрения их соотношения с данной системой ценностей. Человек и его жизнедеятельность, а именно его поступки, поведение, отношение к другим людям, физические качества находятся в центре этой системы.

Ценности выражают лично окрашенное отношение к миру, которое формируется в индивидуальном сознании и соизмеряется с идеалами и нормами, сложившимися в социуме. Мерой притяжения или непритяжения

познаваемых образов явлений и предметов действительности, «практическим определителем связи предмета с тем, что нужно человеку» является *оценка* [Брысина 2003: 142]. Под оценкой мы понимаем «общественно закрепленное отношение носителей языка («хороший-плохой», «хорошо-плохо») к внеязыковому объекту, к фактам языка и речи» [Хидекель, Кошель 1981, с. 7]. Оценка становится доступной для восприятия и понимания людей через языковой знак благодаря оценочности – составляющей коннотации языкового знака. Так, оценка определяет шкалу значимости, приоритетности тех или иных ценностей, их градуировку [Юрченко 2008].

Н.Д. Арутюнова отмечает, что человек придерживается определенной системы ценностей, и твердо делит все на хорошее и плохое: добро и зло, счастье и несчастье, благо и беду, добродетель и порок, успех и провал, везенье и невезенье, выигрыш и проигрыш, приятное и противное. Ценностное отношение к окружающей действительности присутствует у всех людей, формируя их мироощущение [Арутюнова 1984, с.5].

Ценности служат также важным фактором социальной регуляции поведения диалектоносителей и их отношений. В диалектной среде существуют базовые антиномии, представленные значительным количеством оценочных номинаций (покажем это на примере фразем), такими можно считать «богатый - бедный» (*запирать ворота пирогами* [СДГВО, с. 193] – *кошку из-под стола выманить нечем* [СДГВО, с. 270]); «толстый – худой» (*баглай ожерелистый* [СДГВО, с. 29] – *как усненская селёдка* [БТДСК, с. 479]); «трудолюбивый – ленивый» (*хозяйновать* [СДГВО, с. 630] – *волка в огороде завелись* [СДГВО, с. 85]); «умный – глупый» (*куфилка варит у кого-л.* [СДГВО, с. 290] – *ни в пятке ни в голове* [СДГВО, с. 496]); «болтливый – молчаливый» (*как докучная басня* [БТДСК, с. 36] – *жаба на языке испекётся* [СДГВО, с. 164]); «говорить правду – врать» (*правочка* [Миртов, с. 10] –

морочовать голову [СДГВО, с. 323]); «оберегать – наказывать» (*заборона* [СДГВО, с. 176] – *драть ремни на шлей* [СДГВО, с. 150]) и др.

Действительно, ценностные представления имеют бинарный характер, предполагающие наличие противоположных ценностных модальностей, типа «хорошо/плохо», «правильно / неправильно», «допустимо / недопустимо», которые ориентируются на какой-либо закреплённый в культуре данного сообщества идеал [Юрченко 2008].

Продемонстрируем полученные результаты в следующих диаграммах:

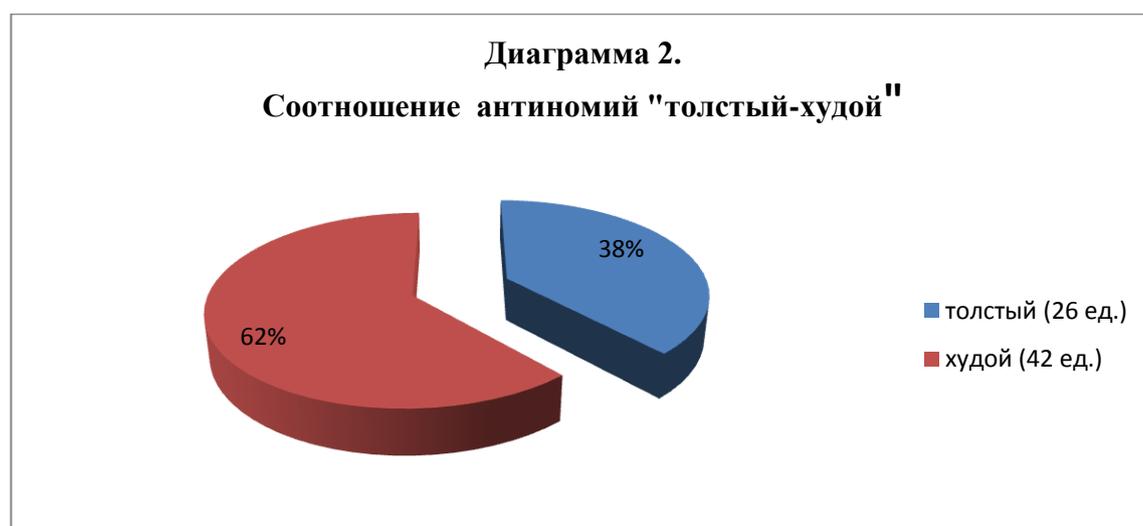
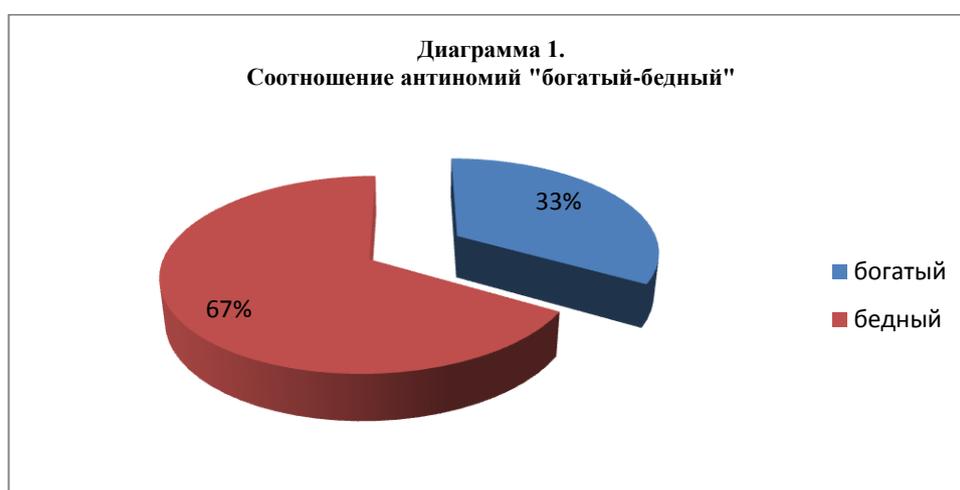

Диаграмма 3.
Соотношение антиномий "труд-лень"

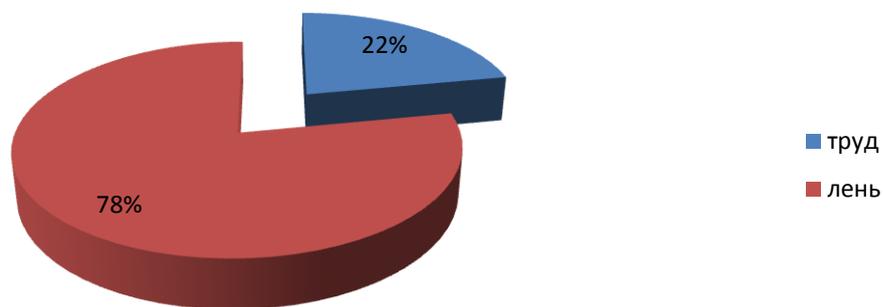
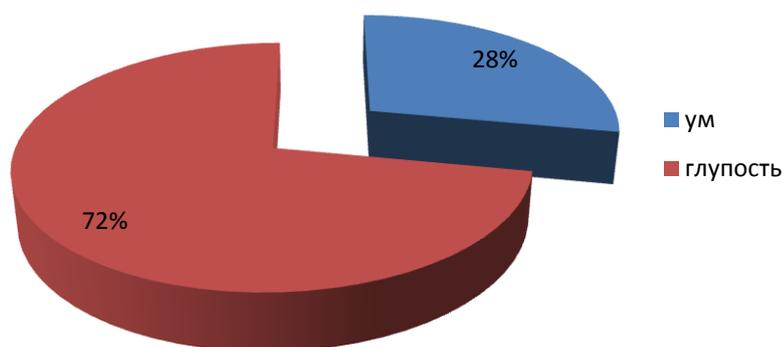

Диаграмма 4.
Соотношение антиномий "ум-глупость"

Как видим, наибольшее количество диалектных единиц несут в себе отрицательную оценку. Причины подобного неравноправия В.М. Мокиенко объясняет тем, что народный язык очень живо реагирует на отрицательные стороны общественной жизни, на отрицательные качества людей или целых общественных групп; что касается положительных явлений, представляющих норму, речь относится спокойно [Мокиенко 1995, с. 48]. Отметим также тот факт, что ценностно значимое явление получает подтверждение своей значимости через осуждение и насмешку над противоположным явлением, обладающим антиценностным содержанием.

Как видим, все предметы, явления, состояния окружающей действительности человек оценивает с разных сторон, четко деля мир на хорошее и плохое, основополагаясь в первую очередь на их практическую значимость для своего сообщества. Однако, важно иметь в виду: то, что представляет ценность для одного субэтноса, что является для него актуальным, в другом языковом сообществе может оказаться абсолютно незначимым. Т.е. все человеческие ценности делятся на универсальные (общезначимые) и уникальные (относительные). Данное распределение ценностей свойственно и диалектной картине мира в частности.

1.5.3. Универсальное и уникальное в диалектной картине мира донского казачества

Человек, познавая окружающую реальность, пользуется универсальными способами ее освоения, поэтому многие понятия, представления о предметах, признаках, явлениях, состояниях окружающего мира во многом носят универсальный характер, понятный для всех.

Так же как и языковая, диалектная картина мира представляет собой «универсальную модель мира, универсальность которой обусловлена онтологическими и логико-понятийными основами человеческого мировосприятия. Вместе с тем, каждая конкретная этнокультурная общность «строит» эту модель мира в рамках конкретного национального языка, интерпретируя факты реальной действительности в соответствии со своими культурно-историческими традициями, нормами, верованиями и образом жизни. Это накладывает отпечаток, как на форму, так и на содержание языкового членения действительности» [Хайруллина 2001, с. 24].

Как существо одновременно биологическое и социальное человек, познавая окружающую действительность, пользуется универсальными

способами ее освоения. Реальный мир одинаков для всех народов, универсальными для всего человечества являются такие понятия, как земля, воздух, небо, день, ночь, время, счастье, любовь, добро, зло и т.д.

В системе ценностей представителей казачьего субэтноса значительное место занимают ценности общечеловеческие, сложившиеся в сознании людей всего мирового сообщества. Наблюдение человека над собственной внешностью, поведением, поступками позволяет выделить такие значимые антропологические категории, как ум, душа, голова, слух и др. [Юрченко 2008].

В диалектной среде выделяются универсальные ценности, которыми оказываются прежде всего ценности 1) смысложизненные (представления о добре и зле, благе, счастье): *зверь зверем* - о злом, жестоком человеке [СДГВО, с. 206]; *звериное сердце* - о жестоком, бессердечном человеке [СДГВО, с. 540]; *добрячий* - очень хороший [СДГВО, с. 142]; *один чёрт малевал* кого-л. - об одинаково плохих людях [СДГВО, с. 654] и др.; 2) витальные ценности (жизнь, здоровье, личная безопасность, благосостояние, семья, родственники, образование и под.): *как с креста снятый* - о ком-л., имеющем изможденный, болезненный вид [СДГВО, с. 556]; *оборкой хлеб резать* - о крайней бедности, нищете [СДГВО, с. 514]; *быть в щетине* - *стать в пуху* - разбогатеть [СДГВО, с. 164]; *палкой рога не достанешь* - о богатом, заносчивом человеке [СДГВО, с. 149] и мн. др.; 3) ценности общественного признания (трудолюбие, социальное положение и под.): *бурлак* - одинокий человек, не имеющий ни семьи, ни дома [СДГВО, с. 58]; *алырник* [СДГВО, с. 21], *баглай* - бездельник, лодырь [СДГВО, с. 28]; *все укрыто, все умыто* у кого-л. - кто-л. умеет поддерживать порядок [СДГВО, с. 73] и др.; 4) ценности межличностного общения (честность, доброжелательность, взаимопомощь, верность, любовь и т.п.): *гутарить по чистой* - вести разговор начистоту [БТСДК, с. 124]; *подпирать плечом* -

оказывать помощь, поддерживать [СДГВО, с. 438] и др.; 5) ценности личного развития (чувство собственного достоинства, внешняя привлекательность, воспитанность, образованность, умение вести разговор, храбрость и под.): *безбоязний* - храбрый, отчаянный [СДГВО, с. 38]; *из-под пят кожу рвет* - о ловком, смелом, решительном человеке [СДГВО, с. 513]; *цимбала медовучая* - *Ирон.* О разговорчивом человеке [РСГ]; *волоха* - неопрятный человек [СДГВО, с. 86]; *коситься сентябрём* - зазнаваться, вести себя высокомерно [БТСДК, с. 481] и др.

Человеческая деятельность одновременно и универсальна, и национально-специфична. Эти ее свойства определяют как своеобразие языковой картины мира, так и ее универсальность.

Иную группу ценностей, демонстрирующих свою значимость в пределах отдельного языкового сообщества и представляющих собой ценности *относительные (субэтнические)*, представляют идиоэтнические, уникальные категории. Так, для донского казачества этнической значимостью обладают такие культурные ценности, как «казак», «военная среда», «служба», «конь», «воля», «семья».

Казак-воин как этнокультурный феномен представляет для жителей Дона значимость и уникальность. Казак – это прежде всего военный человек: *казаковать* – нести службу в казачьих полках; быть в походах, участвовать в войнах, набегах, сражениях [СДГВО, с. 229]; *жить как казак с татаринном* – жить в постоянной ссоре, враждовать [РСГ] и др.

В жизни казака военная деятельность и все, что с нею связано, занимает особое место. Достаточно ярко это отражено и в языке. Диалектные единицы именно этой тематической направленности имеют ярко выраженную гендерную маркированность. В диалекте донского казачества, например, немало языковых единиц, во внутренней форме которых отражена

военная история казачества: *не оставить кожу на барабан* - сильно избить [БТСДК, с. 342]; *под турецкую границу* - далеко, неизвестно куда, в чужую сторону [БТСДК, с. 117]; *выпить стремленную* – проводить казака на службу [БТСДК, с. 572] и др. Верный спутник казака в военных походах – *конь* репрезентирует специфику культуры донского казачества (*казак голоден, а конь сыт* [ДВС, с. 76]; *казак без коня, что солдат без ружья* [СДГВО, с. 229]; *бывать и на коне и на войне* – об опытном, ловком, лихом человеке [СДГВО, с. 61]; *держат крепкие вожжи* – ограничивать волю [СДГВО, с. 138]).

Большую часть своего времени казак проводил в военных походах, в военных действиях, защищал от врагов свой родной край. Поэтому отношение к службе было особенно трепетное в казацкой среде. В словарном арсенале казачества значительное место занимает собственно военная лексика, ср.: названия самих казаков, так или иначе связанные с их военной миссией - *вой* [СДГВО, с. 85], *казак* [СДГВО, с. 229], *жалмер* [СДГВО, с. 165], *атаман* [СДГВО, с. 25], *коновод* [СРНГ, с. 261]; наименования оружия: *булат*, *гурда* [СРНГ, с. 238], *нагайка* [СДГВО, с. 332], *насека* [Миртов, с. 198] и др. Своеобразие казацкой военной жизни отразилось и в таких словах и выражениях, как *сбить войсковой (окружной, станичный) круг* - собрать войсковой (окружной, станичный) круг [СДГВО, с. 529]; *вывести на круг* - поставить перед судом общества [СДГВО, с. 94] и др.

Семья и семейные отношения пользовалась у казаков большим уважением. Каждый здоровый мужчина и женщина, когда приходило время, женились, выходили замуж, обзаводились семьёй, ср.: *дать кочергу и скалу* – говорят о начале замужней жизни [БТСДК, с. 126]; *своему куреню голова* – глава в доме [БТСДК, с. 252]; *мамушкин желанник* – маменькин любимчик [БТСДК, с. 152]; *бей жену молотом* – она станет золотом (пословица);

ледащий казачишко, а жене затишка (пословица) [СДГВО, с. 230]; *надеть роги* – изменить [СДГВО, с. 334] и др.

Помимо выше названных ценностей, в донских казачьих говорах к уникальным относятся собственно маскулинные и фемининные ценности, отражающие особенности мировосприятия прежде всего мужчин или преимущественно женщин. Рассмотрим их подробнее.

1.6. Гендерные признаки диалектной картины мира

В донском диалекте достаточно ярко отражается противопоставление мужского и женского взглядов на мир, наблюдается явная гендерная асимметрия, причем асимметрия эта культурно-исторически мотивирована и проявляется в определенных тематических зонах диалекта.

Если говорить в целом, оппозиция «мужской/женский» – фундаментальная для человеческой культуры, и этому есть многочисленные доказательства, берущие свое начало в древнефилософских представлениях о мире, где Слово, Дух – отец всего сущего, а Материя – мать. Слияние Духа и Материи создало Вселенную и все, что она в себя включает.

В работах М. Розальдо, Л. Ламфере, Р. Уингер, А. Рич, Г. Рабин понятие *гендер* трактовалось как набор соглашений, которыми общество трансформирует биологическую сексуальность в продукт человеческой активности [Пушкарева 1999, с. 147]. В отличие от категории *sexus* гендерный статус и, соответственно, гендерная иерархия и гендерно обусловленные модели поведения задаются не природой, а «конструируются» обществом (*doing gender*), предписываются институтами социального контроля и культурными традициями [Воронина 1998, с.242].

Наступление цивилизации не только не искоренило оппозиционного членения мира на мужское и женское начала, но и углубило его. Гендерный фактор, учитывающий природный пол человека и его социальную представленность, является одной из существеннейших характеристик личности и на протяжении всей жизни не только мотивирует поступки человека, определяет стратегию и тактику всего поведения, но и определенным образом идентифицирует как члена того или иного социально языкового сообщества. В процессе роста человек в соответствии со своей принадлежностью к одному из двух классов пола усваивает тот тип поведения, который характерен в данном обществе для его социального пола (гендера). Соответствующая организация повседневной жизни настойчиво поддерживает социально-культурную дифференциацию людей по половому признаку, что в конечном итоге сказывается не только на внешности людей, их поведении, в том числе и речевом, но и на формировании ментальных стереотипов – свода правил и установок, которым подчинено сознание.

Поскольку речевое поведение мужчин и женщин строится на базе исторически сложившихся стереотипов, зафиксированных в языке, то можно сказать, что гендерные стереотипы – это система представлений о том, как должны вести себя мужчина и женщина. Было установлено, что у мужчин и женщин различны и стратегии поведения, и стратегии речевой коммуникации. Еще Ф. Ницше заметил, что счастье мужчины зовется «Я хочу!», а счастье женщины – «Он хочет!». Как бы под этим девизом и строятся речевые стратегии мужчин и женщин [Маслова 2001, с. 125].

Поскольку мужчина и женщина принадлежат к различным социальным группам и выполняют различные социальные роли, то, естественно, общество ждет от них определенных моделей речевого поведения. И действительно, мы отчетливо прослеживаем эту гендерную дихотомию в речевом поведении. Мужской тип коммуникации – это менее гибкая, но

более динамичная менее ориентированная на собеседника коммуникация. Наиболее распространенный жанр коммуникации у мужчин – беседа-информация, а у женщин – частная беседа.

В отношении мужского речевого поведения Р. Левант показывает, что у взрослых мужчин довольно часто наблюдается неспособность связать слова с эмоциями, то есть недостаток умения идентифицировать, выразить и описать свои собственные эмоциональные состояния, в частности, теплоту, заботу, печаль или боль. В результате мужчины tendируют к четкому проявлению и умению вербализовать лишь одну эмоцию – гнев.

Женский тип коммуникации более ориентирован на собеседника, на диалог, на подчиненную роль в общении, где мужчина выбирает и меняет тему разговора. В речевом поведении женщина ориентируется на «открытый социальный престиж», т.е. на общепризнанные нормы социального и речевого поведения, в то время как мужчина тяготеет к так называемому скрытому престижу – к отклонению от установленных норм и правил общения. Поэтому в целом речь женщины является более мягкой, бесконфликтной. Женщины менее категоричны в выражении и отстаивании мнений.

Гендерные характеристики очевиднее всего проявляются на лексико-фразеологическом уровне языка. Лексический состав языка, взятый в его системном аспекте, способен в гораздо большей степени, чем анализ иных языковых уровней, позволить заглянуть в процессы этноспецифической номинации, отражающие пути и методы освоения мира данным языковым коллективом, вскрыть присущие ему способы «перевода мира в собственность духа», «языкового освоения и преобразования мира» [Вайсгербер 1993].

Язык, являясь универсальной формой первичной концептуализации мира и рационализации духовного и эмпирического опыта людей, хранителем и транслятором стихийного знания о мире, конденсирует в себе культурно-историческую информацию о социально значимых событиях в человеческой жизни. «Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян 1995, с.350]. Такие культурные концепты общественного сознания, как мужественность и женственность, являются неотъемлемой частью концептуальной системы той или иной языковой общности и отдельного индивида – представителя данного социума – и фиксируются в языке в виде гендерных стереотипов – «культурно и социально обусловленных мнений и пресуппозиций о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов» [Кирилина 1999, с. 39].

Мужественность и женственность – это важные атрибуты общественного сознания. Являясь универсальными, то есть присутствующими в любой культуре, концептами, они вместе с тем заключают в себе и определенную специфику, свойственную данному обществу.

Исходными гипотезами, стимулирующими научный интерес в области гендерных отношений в диалектной фраземике и лексике Дона, для нас послужили следующие положения. С одной стороны, донское казачество – сложное субэтническое образование, являющее собой по сути генетический синтез сразу нескольких племен и народов – в первую очередь, русских, тюрков, украинцев, что обусловлено историей заселения края. Возможно, объединение разных народов, слияние разных религий и культур определенным образом сказалось на формировании гендерных стереотипов.

С другой стороны, четкая раннеэтапная социализация ролей («ритуализация пола»), когда мужчина-казак занимался исключительно военной деятельностью (от разбойничьих набегов на дороге и грабежей на море в ранний период существования казачества до военных столкновений с соседними тюркскими племенами и многолетней службы в государевых войсках позднее) и не имел узаконенного права жениться, обзаводиться семьей, а после введения права казака на женитьбу (XVIII в.) женщине была отведена роль «шатерной жены», являющейся по сути своеобразным «приложением» к вольной жизни казака, могла также повлиять на характер гендерных отношений в диалектной лексике и фраземике [Брысина 2003, с. 134].

В диалекте фиксируется гендерная стереотипизация, свойственная коллективному, «наивному» сознанию. В коммуникации с помощью имеющегося в донском говоре набора гендерных стереотипов актуализируется отрефлексированный индивидуумом опыт. Средства диалекта используются как «инструмент, позволяющий индивидууму строить во внешнем мире знаковые модели, более или менее адекватно объектирующие фрагменты его концептуальной системы» [Каменская 1990, с.34].

Проанализировав более 17000 диалектных фразем и слов, представленных в диалектных словарях, мы обнаружили, что абсолютное большинство их не различаются по гендерному признаку. Наиболее представленными в диалекте оказались слова и фразеологизмы, называющие не лиц по половому признаку, а различные виды деятельности, а также так называемые соматические фразеологизмы, основанные на «телесной метафоре» (по Дж. Лакоффу). Внутри данных групп имеет место гендерная асимметрия (но не обязательно в сторону андроцентризма), однако большинство устойчивых выражений и номинативных единиц называет

действия, состояния, физиологические реакции, применимые в равной степени как к мужчинам, так и к женщинам. Однако, следует отметить, что на способы номинации мужчин и женщин по тому или иному признаку такими равнозначными единицами влияют два основных момента: во-первых, семантика диалектных номинаций (свойственные по своей внутренней форме либо только мужчине, либо только женщине), ср.: 1) номинации с внутренней семантикой, относящиеся к характеристике мужчин-казаков - *битый* — опытный, всезнающий [СДГВО, с. 44]; *выпитый* — находящийся в состоянии опьянения, выпивший [СДГВО, с. 98]; *двоежильный* — крепкий, выносливый [СДГВО, с. 133]; *рысковый* — готовый к риску, рискованный [СДГВО, с. 523]; 2) номинации с внутренней семантикой, свойственной женщинам - *блюдка* — бережливая, экономная [БТСДК, с. 47]; *додельная* — умеющая все делать хорошо, качественно, мастерски [СДГВО, с. 143]; *начепурённая* — накрашенная, убранная [СДГВО, с. 348]; *полнолика* — с полным, круглым лицом, круглолицая [СДГВО, с. 448] и др.; во-вторых, контекстом их употребления, ср.: *волохатый (ая)* — с длинными волосами, косматый, нестриженный, лохматый [СДГВО, с. 86]; *грязнючий (ая)* — очень грязный [СДГВО, с. 124]; *завистной (ая)* — завистливый (*Жана у няво страсть кака зависная, ня можная! — Пацан малодинький, а порчиный весь, дюжа зависной*) [БТСДК, с. 163]; *задрепанный (ая)* — забрызганный, запачканный [СДГВО, с. 183]; *негой (ая)* — рябой [СДГВО, с. 408]; *плохой (ая)* — тяжелобольной (*Сасет мой плахой стал, кажын месиц на бальницам. — Ана сафсем стала плахая*) [СДГВО, с. 424]; *поблудный (ая)* — слоняющийся без дела, любящий гулять, бездельничать [СДГВО, с. 426]; *поприезжий (ая)* — приезжий, переселенец [СДГВО, с. 457]; *сведённый (ая)* — приходящийся братом или сестрой по отчиму или мачехе; сводный [СДГВО, с. 532] и т. д.

Исследование показало, что значительное число номинаций, используемых для характеристики мужчин и женщин, является гендерно симметричными, в равной степени применимые и к мужчине, и к женщине. Однако употребление тех или иных единиц базируется на двух основных моментах: семантическом и контекстном. При характеристике казаков употребляются диалектные единицы с внутренней семантикой силы, храбрости, крепости, пьянства, вредности характера, что более всего свойственно непосредственно мужскому образу, напротив же, для характеристики казачки употребляются единицы с внутренней семантикой красоты, хозяйственности, аккуратности, что в языковом сознании казаков свойственно прежде всего женщинам.

Из проанализированных единиц с гендерной семантикой (хотя бы даже косвенной) мы выделили около 900. Это слова и выражения типа *сорочиха* — быстро говорящая женщина, тараторка [СДГВО, с. 560]; *бабы выгадки* - сплетни [БТСДК, с. 29]; *сношельница* - жена одного брата по отношению к жене другого брата [СДГВО, с. 556]; *тырында* — женщина, которая сплетничает, сплетница [СДГВО, с. 602]; *сизголубчик* — ласковое название любимого мужчины [СДГВО, с. 543]; *жалмер* — вдовец [СДГВО, с. 165]; *жалмерка* - казачка, проводившая мужа на службу [там же]; *водворка* - женщина, принявшая мужа в свой дом [СДГВО, с. 83]; *водворок* - мужчина, ушедший жить после свадьбы в дом родителей жены [БТСДК, с. 81]; *женач* - женатый мужчина [СДГВО, с. 168]; *мужчиняга* - настоящий мужчина [БТСДК, с. 290]; *сикуток* — суетливый, излишне беспокойный, хлопотливый мужчина [СДГВО, с. 544]; *сказатель* — человек, умеющий хорошо рассказывать сказки; *сказитель* [СДГВО, с. 545]; *вольный сокол* — свободный, независимый человек [СДГВО, с. 558] и др.

Среди рассматриваемого лексического и фразеологического материала выделены те единицы, в составе которых есть прямые маскулинные и

фемининные номинанты. Их можно дифференцировать по следующему признаку: 1) диалектные единицы, употребляемые только для обозначения мужчин: *николаевский кавалер* - старый холостяк [БТСДК, с. 322]; *николаевский арестант* - хулиган, преступник [СДГВО, с. 24]; *любаши-любимый*, *возлюбленный* [СДГВО, с. 305]; *бурун* - ворчун [СДГВО, с. 59]; *бурлака* – гуляка, бездельник (о молодом казаке) [СДГВО, с. 58]; *дурноед* — дармоед [СДГВО, с. 155]; *шалыган* — шалопай [СДГВО, с. 667] или только женщин: *девка от голодного года* – о полной, упитанной девушке [БТСДК, с. 111]; *барышня Петра Великого* – старая дева [БТСДК, с. 36]; *жить как роскошная барышня* – ни в чем не нуждаться, жить в полном достатке [там же]; *баба-зух* – о бойкой, расторопной женщине [РСГ] и нек. др. 2) диалектные единицы, имеющие семантические ограничения, основанные на пресуппозициях: *заревайла* - зачинщик в кулачном бою [БТСДК, с. 178]; *взматеревший* - возмужавший, ставший крепким [СДГВО, с. 77]; *убратенькая* — нарядно одетая [СДГВО, с. 606]; *суетная* — расторопная, быстрая, проворная [СДГВО, с. 576] и т. д.; 3) диалектные единицы, разделяемые по гендерному признаку чаще суффиксом: *аманат* (обманщик, жулик, пройдоха) — *амантка* (нечестная женщина, пройдоха) [СДГВО, с. 22]; *анчибил* (озорник, шалун, проказник) — *анчибил в юбке* (бойкая, хулиганистая девушка) [СДГВО, с. 23]; *аяй* (задушевный друг, приятель) — *аяйка* (задушевная подруга, приятельница) [СДГВО, с. 26]; *болтохвост* (пустослов, болтун) — *болтохвостка* (болтунья) [СДГВО, с. 49]; *брёх* (лжец, врун) — *бреховка* (обманщица, лгунья) [БТСДК, с. 54]; *волочай* (распутный, гулящий мужчина) — *волочайка* (распутная, гулящая женщина) [БТСДК, с. 85] и т. д.

Маскулинными признаками обладают те диалектные единицы, в которых составляющим элементом являются непосредственно мужские имена (Лева, Харитон, Касьян, Паша и др.), они используются чаще с

негативной оценкой: *Лева-мокрый* – о пьянице [БТСДК, с. 259]; *Ванька дома, Гришки нет* – о глупом человеке [СДГВО, с. 65]; *беззаботный Харитон* – о безответственном, ленивом человеке [БТСДК, с. 39]; *Касьян* – ленивый человек [БТСДК, с. 211] и др. Соответственно, фемининными являются единицы с собственными именами женскими, символизирующие как положительные, так и отрицательные свойства и качества женщин: *суетная Марина* – о ловкой, расторопной женщине [БТСДК, с. 517]; *модная Маринка* – о щеголихе, яркой, эффектной женщине [БТСДК, с. 277]; *как с Кеева Лукерья* – о ленивой, неопрятной женщине [БТСДК, с. 270] и т.д.

На формирование языковой картины мира донского казачества существенное влияние оказала военная миссия казачества, что проявилось в гендерном распределении части диалектных фразем и лексем, характере оценочности тех или иных номинаций, характеризующих разные виды деятельности казаков, численной наполняемости различных тематических групп диалектных единиц, на выделении специфических ценностных приоритетов.

Следует отметить, что число номинаций, отражающих особенности женского бытия, на треть больше, чем тех, которые характеризуют жизнь исключительно мужчин. Возможно, это связано с тем, что жизнь казачек оказывалась более насыщенной событиями, была связана с разными сферами жизнедеятельности, в то время как мужчина больше времени проводил в походах, на военной службе. Именно этот факт и определил особенности мировосприятия казаков, отразившихся в их языке. Обращает на себя внимание и такой факт: часть диалектных слови выражений, так или иначе связанных с мужским мировосприятием, отражает, судя по характеру оценке, мировидение самих мужчин, другая же часть обладает явно антиандроцентрической направленностью и представляет скорее всего позицию женщин.

Наивная картина мира, отраженная в языке, не примитивна. Она имеет глубокую, продиктованную жизненным опытом многих поколений логику, куда входит и наблюдение за типами людей, именуемыми мужчинами и женщинами, приписывание им определенных качеств и одновременно их оценку.

Таким образом, наиболее ярко особенности ДКМ донского казачества проявляются в конкретной реализации таких универсальных свойств общечеловеческой картины мира, как ее антропоцентричность, аксиологичность и этнокультурно обусловленная гендерность.

ВЫВОДЫ

1) Изучение русских диалектов в настоящее время осуществляется в разных направлениях. Благодаря глубоким, обстоятельным исследованиям ученых-диалектологов выделились научные центры, активно осуществляющие коммуникативный, когнитивный, лингвокультурологический анализ диалектных систем. Осуществляются первые попытки гендерных исследований русских народных говоров различных территорий, детально исследуется речь отдельных носителей диалекта как специфических «языковых личностей», осознана особая ценность устных рассказов представителей традиционной сельской культуры, изучаются проявления этой культуры в строении диалектного повествования, рассказы диалектоносителей успешно собираются и публикуются, разрабатываются текстовые диалектологические корпуса лингвокультурологической направленности. Все это свидетельствует об актуальности диалектологических исследований, в том числе и изучении диалектных картин мира.

2) Диалектная картина мира донского казачества имеет свои особенные характеристики, обусловленные прежде всего тем, что донские казаки – «свободные люди», народ исконно русских корней и православной веры, создавший за многие столетия своего существования самобытную культуру и своеобразную южнорусскую речь. Они добродушны, щедры, умны, хитры, искусны в военном деле, храбры, легкомысленны и непостоянны, вольнолюбивы и независимы в своих поступках и помыслах. Донские казаки жизни не щадят для общего блага, так что возрожденное казачество и впредь может служить надежной защитой великой, неделимой России в ее исконных исторических границах.

3) Язык донского казачества – донской диалект, являясь основной формой межличностного общения на Дону, выступает как особый язык

локально ограниченных исконных занятий жителей данной местности. Именно действующие в данном этнокультурном сообществе способы познания окружающей действительности и формирования суждений о ней обретают в их диалектном выражении, вплоть до пословиц, поговорок, присказок, жизненное значение и действенность, т.к. донской диалект обладает уникальной способностью аккумулировать в себе все исторические и культурно значимые факты жизни его носителей.

4) В силу специфики диалекта в сознании его носителей возникает определенная языковая картина мира, сквозь призму которой человек видит мир. Под диалектной картиной мира понимается система традиционно-народных представлений о мире, в языке прежде всего отражаются наиболее значимые ценности, т.е. и картина мира диалектоносителей основывается на приоритетах житейского опыта и обыденного сознания.

5) Диалектная картина мира имеет много общего с общеязыковой, отличаясь, однако, своим естественным характером. Известно, диалект представляет собой особую, более архаичную, по сравнению с литературным языком, форму освоения действительности, присущую определенным относительно замкнутым языковым коллективам. Для диалектной картины мира донского казачества характерны такие признаки, как антропоцентризм, аксиологичность (оценочность), гендерная составляющая. Культурная интерпретация семантики диалектных лексем и фразем наглядно показывает, что в диалектной картине мира донского казачества находят отражение как общекультурные, общечеловеческие установки, ценности универсальные, так и идиоэтнические черты, ценности, являющиеся сугубо уникальными.

6) В центре диалектной лексико-фраземной номинации стоит сам человек, познающий субъект, его восприятие действительности, ценностное отношение к миру реальных, и поэтому главным мерилем значимости окружающего мира является человек – его тело, чувства, состояния,

потребности и интересы. Мир вокруг себя человек воспринимает как созданный по своему образу и подобию. Диалект, являясь составной частью национального языка, тем не менее представляет собой особую форму освоения окружающего мира, отражая специфические пути и способы познания действительности. Носители говоров познают и номинируют предметы, явления и свойства реального мира, которые наиболее значимы в жизни донского казачества. В диалектной картине мира донского казачества выделяются универсальные для всего человечества понятия (любовь, земля, воздух, небо, день, время, счастье) и собственно уникальные, имеющие ценность для представителей донского казачества (казак, конь, служба, атаман, семья, Круг и т.д.)

7) Гендер – проблема институциональная. Социальный пол (гендер) входит в привычку, получает общепринятые формы выражения, приобретает узнаваемый вид, становится необходимой частью внешней формы, типичной для всех членов данного общества составляющей поведения и не зависит от воли и намерений индивида. Гендер развивает благодаря этому точные признаки мужского и женского, которые в то же время и создают обоснование различного отношения общества к мужчинам и женщинам. Категория *гендера* понимается как феномен культуры и языка, т.е. в аспекте лингвокультурологии. Гендер — это социокультурное и лингвокультурологическое понятие, не предполагающее традиционного рассмотрения половых ролей. Данная категория позволяет исследовать масштабные и многомерные явления на уровне больших социальных групп, и в нашем случае это ярко проявляется на примере донской диалектной картины мира. Диалект донского казачества представляет собой богатый материал для гендерных исследований, ведь донское казачество является исторически сложным субэтническим образованием, в котором в силу сложившихся исторических условий (частые военные походы, многолетняя

воинская служба и т.д.) сформировалось определенное распределение социальных ролей между мужчиной и женщиной, где мужчина-казак занимался исключительно военной деятельностью, а женщине была отведена роль домохозяйки, хранительницы домашнего очага.

Глава 2. Гендерные особенности языковой картины мира донского казачества

Антропоцентрический принцип, поставивший в центр внимания лингвистики человека со всеми его психологическими особенностями, формами социального существования и культурными ценностями, позволил по-новому взглянуть на роль языка в процессе познания, хранения и передачи информации.

Приоритет «человеческого фактора» стимулировал развитие новых лингвистических дисциплин, направленных на изучение всех аспектов речевой деятельности, с одной стороны, и того, как человек представлен в языке — с другой. Одним из таких направлений стала гендерная лингвистика, исследующая социальный пол человека и характер его представленности в языке.

В настоящее время, по мнению Е.И. Горошко и А.В. Кирилиной, лингвистическая гендерология заняла «прочное место в языкознании, получив статус самостоятельного лингвистического направления» [Горошко, Кирилина, 1999, с. 241].

Гендер понимается как социально опосредованное выражение биологической данности — пола. Индивидуумы усваивают «женственное» и «мужественное» поведение в зависимости от их первичной категоризации как лиц мужского и женского пола, социально развивая биологическое. Данное положение не означает, что все аспекты нашего поведения непосредственно обусловлены биологией, но оно все же предполагает, что пол — это основа, на которой строится гендерное поведение (например, большая степень агрессии, проявляемой мальчиками в сравнении с девочками, может быть социально усвоенной, но она развивает существенную биологическую тенденцию признавать мужчин более

агрессивными). В этой парадигме пол «переводится на язык» социального поведения, которое и называется гендером [Кирилина, 2005, с. 543].

Пол человека — одна из его важнейших как экзистенциальных, так и общественно значимых характеристик, во многом определяющая социальную, культурную и когнитивную ориентации личности в мире, в том числе посредством языка. Гендерный подход позволяет не только описать антропоцентричную систему языка, но и изучить возможности и границы ее подсистем, связанных с мужественностью и женственностью как двумя ипостасями человеческого бытия. Антропоориентированный подход к исследованию языка и коммуникации тесно связан с когнитивной научной парадигмой и позволяет приписать мужественности и женственности статус концептов. Еще одним важным фактором изучения маскулинности и фемининности является признание их не только когнитивно, но и культурно обусловленными сущностями и перенесение их изучения в область лингвокультурологии и других наук, связанных с исследованием культуры и общества, а также в сферу взаимодействия культур и их отдельных представителей.

На сегодняшний день нет однозначного определения понятия гендер, однако большинство определений имеет общее пересечение. Если «пол» - явление биологическое, то «гендер» - явление социальное. Так, И.И. Халеева подчеркивает «социально и культурно маркированную специфику пола (gender)». [Халеева, 2000, с. 17].

Пол и его проявления не просто «регистрируются» языком, но приобретают аксиологичность, оцениваются с точки зрения наивной картины мира. Поэтому язык рассматривает пол именно под углом общественной значимости этой категории, что и делает логичным применение понятия *гендер* ко всем явлениям языка, касающимся проблемы пола.

Гендерная концепция приводит к заключению о том, что фемининность и маскулинность являются не только признаками конкретных биологических организмов, но и социально и культурно обусловленными концептами, позволяющими рассматривать себя как бинарную оппозицию, включающую не только наличие/отсутствие определенного признака, но и категорию оценки.

Многие ученые (О.А. Воронина, И. Гоффман, Дж. Коатс, М. Кронгауз, М.Я. Немировский) различают с одной стороны пол как биологический факт и гендер как социальную конструкцию; с другой — наличие двух противоположных «гендеров» принимается как данность. Одно из допущений при таком подходе состоит в том, что мужчины и женщины различны настолько, что их можно разнести по разным социальным категориям. Исследователи обычно изучают воздействие пола как биологической и социальной категории на предмет исследования (установка или поведение избирателей, воспитание, труд и т.д.). Если удастся установить какие-либо особенности, то их считают результатом различий между гендерными группами (женщинами и мужчинами), что само по себе является тавтологией, поскольку исследователь заведомо исходит из посылки об их различии, изначально относя женщин и мужчин к разным социальным категориям. Если же различий не обнаруживается, то делается заключение, что пол/гендер на данную переменную не влияет, хотя подобная констатация и не нарушает общего убеждения в том, что мужчины и женщины коренным образом отличаются друг от друга.

В рамках теории социального конструирования гендер понимается как организованная модель социальных отношений между женщинами и мужчинами, не только характеризующая их межличностное общение и взаимодействие в семье, но и определяющая их социальные отношения в основных институтах общества. По словам Джоан Скотт, «осознание

гендерной принадлежности — конституирующий элемент социальных отношений, основанный на воспринимаемых различиях между полами, а пол — это приоритетный способ выражения властных отношений». Гендерная принадлежность индивида — это то, что человек делает и делает постоянно в процессе взаимодействия с другими людьми [Воронина, 2001, с. 26-27].

Обоснованной представляется точка зрения Н.Л. Пушкаревой: «Определение гендера как комплексного переплетения отношений и процессов и в то же время как фундаментальной составляющей отношений социальных, укорененной в культуре, содержащей элементы устойчивости и изменчивости, представляющей одну из основ стратификации общества по признаку пола и в то же время рассматриваемой в неразрывной связи с его биологическими функциями, можно считать вполне приемлемыми. В конечном счете гендер как переплетение отношений и процессов может быть и социальным и психологическим конструктом. Гендерный подход к исследованию — это учет многовариантного влияния фактора пола. Пол как категория состоит, таким образом, как бы из двух важнейших компонентов: пола биологического (sexus) и пола социального (gender)» [Пушкарева, 1999, с. 22].

Итак, понятие гендера обозначает в сущности сложный социокультурный процесс конструирования обществом различий мужских и женских ролей, поведения, ментальных и эмоциональных характеристик, и сам результат — социальный конструкт гендера. Важным элементом конструирования гендерных различий является их поляризация и иерархическое соподчинение, при котором маскулинное автоматически маркируется как приоритетное и доминирующее; а фемининное — как вторичное и подчиненное.

Данный факт достаточно ярко просматривается на примере донских казачьих говоров. В диалектной картине мира донского казачества

отображается четкое распределение социальных ролей между мужчиной и женщиной (как уже отмечалось ранее, вся военная сфера деятельности напрямую ассоциируется с мужским мировидением, а вся бытовая - с женским мировосприятием). Перейдем к детальной характеристике маскулинных признаков диалектной картины мира донского казачества.

2.1 Маскулинные характеристики ДКМ донского казачества

Лексико-фразеологическая система диалекта представляет собой «форму отражения в сознании носителей языка объективной реальности, системных отношений самого мира реалий» [Гаврин 1974: 45], систематизирующую знания об окружающей действительности и репрезентирующую эти знания средствами диалектных слов и выражений.

Как уже известно, основной проблемой гендерных отношений в языке является не просто репрезентация маскулинности и фемининности как культурных концептов, а доминирующая андроцентричность языка, которая проявляется в трансляции языком мужской языковой картины мира. Андроцентричность языка как раз и проявляется в том, что наивная картина мира, вербализованная в языке, представлена через восприятие человека-мужчины. Язык создает картину мира, основанную на мужской точке зрения, от лица мужского субъекта, с точки зрения мужской перспективы. Факт андроцентричности естественного языка доказан во многих работах (Е.И. Горошко, Е.А. Земская, А.В. Кирилина, М.А. Китайгородская, Р. Лакофф, Н.Н. Розанова) и является, по всей видимости, универсальным. Однако степень проявления андроцентричности может быть различной и зависеть от специфики концептуализации понятий в конкретном языке, в нашем случае в языке донского казачества, и определяться особенностями самого языка.

Интерес к способам номинации лиц разного пола и к категории рода

как таковой имеет глубокие корни: соотношение категории грамматического рода и экстралингвистической категории пол рассматривалось в рамках морфологии, грамматики, лексикологии.

Выявлено, что гендерные признаки обнаруживаются на разных языковых уровнях – на фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом.

Лексикон естественного языка, его номинативная система является одним из важнейших объектов гендерных исследований. Весьма значительно количество работ, посвященных как наименованиям лиц, так и наименованиям лиц женского и мужского пола. М.А. Кронгауз в своей работе ("Sexus, или проблема пола в русском языке") отмечает, что "пол является естественной категорией, охватывающей все виды существ и задающей удивительно четкое разбиение этих существ на два класса. Для языка можно говорить об универсальной семантической категории пола (копирующей соответствующую естественную категорию)... В частности, считается, что в русском языке семантическая категория пола коррелирует с грамматической категорией рода у имен существительных, обозначающих живые существа" [Кронгауз 1996, с. 511]. Наиболее часто цитируется труд Н. А. Янко-Триницкой, в котором отмечается, что в досоветское время предпочтительны были номинации лица с учетом пола (*крестьянин / крестьянка*) [URL: <http://www.strana-oz.ru/>]. Такие же словообразовательные пары обнаруживаются и в донском диалекте, где выделяются лексические единицы, среди которых производящим является существительное мужского рода, а производным — существительное женского рода (*письмоносчик* (почтовый служащий, почтальон, письмоносец: *Письманоцик прашол, писим нам нету*) — *письмоноска* (женщина-почтальон: *Письманоска — пачтальёниша*) [СДГВО, с. 421]; *жалмер* — *жалмерка*; *погодок* (человек одинакового возраста с кем-л.; ровесник, сверстник: *Пагодак, гадок* — в

адном гаду радились) — *погодка* (женщина одинакового возраста с кем-л.; ровесница, сверстница: *Ана мая паготка*) [СДГВО, с. 429]; *аманат* (обманщик, мошенник, жулик, пройдоха: *Щас мафия, а тада аманат называли*) — *аманатка* (нечестная женщина, обманщица: *Ходють на дварам аманатки, дурють людей*) [СДГВО, с. 22]; *болтохвост* (пустослов, болтун: *ТЬфу! Болтохвост! Чтоб язык намяло!*) — *болтохвостка* (та, которая много болтает, пустословит; болтунья) [СДГВО, с. 49]; *полчан* (сослуживец по армии, полку, однополчанин: *Он мой палчанин, мы с ним в адном палку служыли*) - *полчанка* (жена сослуживца по полку, однополчанина (полчана, полчанина)) [СДГВО, с. 451] и др.), это существительные, образующие так называемую «сексуальную парадигму». [Кронгауз 1996, с. 511].

Этот период характеризуется высокой частотой употребления маркированных имен существительных (*ученая, работница, пролетарка*), признак пола передается лексическим значением или соответствующим суффиксом (сравните, в донском диалекте: 1) лексические значения: *колдовщица* - ведьма, колдунья [СДГВО, с. 253], *красноармейка* - жена красноармейца, бойца Красной Армии [СДГВО, с. 270], *пособница* - та, которая помогает кому-либо в каком-либо деле, в работе; *помощница* [СДГВО, с. 462], *бурлак* - неженатый, бессемейный казак, не имеющий дома и хозяйства [СДГВО, с. 58], *кацап* - человек, не принадлежащий к казачьему сословию, уроженец центральной части России [СДГВО, с. 240]; 2) суффиксальные значения: *матершинница* - женщина, употребляющая нецензурные слова [СДГВО, с. 312], *прокудница* - озорница, шалунья, проказница [СДГВО, с. 486], *рожачка* - женщина, родившаяся в каком-либо месте; *уроженка* [СДГВО, с. 518] и т.п.). Т.е. грамматический род в ряде случаев соответствует полу лица, обозначаемого соответствующим словом. Семантико-символическая функция категории грамматического рода состоит также в том, что при олицетворении грамматический род слова

осмысливается как пол. Так, отнесенность лица к женскому полу выражена многочисленными номинациям: *сестра, барышня, девочка* (в донских говорах это *доца* - дочь [СДГВО, с. 149], *бабенка* - лицо, противоположное по полу мужчине; женщина [СДГВО, с. 27], *посестра* - названная сестра [СДГВО, с. 461], *дева* - ласковое обращение старших (стариков обычно) к девушкам [СДГВО, с. 134], *жененка* - замужняя женщина [СДГВО, с. 168] и др.), а при помощи принадлежности к женскому склонению и разнообразных суффиксов дифференцируются дополнительные социальные, профессиональные и др. характеристики: *мастерица, сибирячка, кассирша, королева, баронесса, актриса* (в донском говоре это *пекарка* - женщина, занимающаяся выпечкой хлеба [СДГВО, с. 408], *старуха* - старая дева [БТСДК, с. 509], *стряпа* - стряпуха [БТСДК, с. 515], *танцуриха* - женщина, умеющая хорошо танцевать [БТСДК, с. 524], *почтарька* - женщина-почтальон [СДГВО, с. 468] и т.д.).

Однако существуют и общие названия лица вне принадлежности к полу: *доктор, педагог, староста* и др. В Русской грамматике 1980 мы находим следующее: "Существительные с модификационным значением женскости используются и вновь образуются при необходимости подчеркнуть половую принадлежность лица. Если же такой необходимости нет, для обозначения лиц женского пола широко используются соответствующие существительные муж.р., лишенные сами по себе указания на половую принадлежность" [РГ 1980, с. 204]. В диалекте донского казачества мы также находим номинации, выступающие как общее название лиц обоего пола, но с тем отличием, что, в основном, это лексические номинации женского рода, ср.: *смирнота* — смирный, кроткий человек [СДГВО, с. 554]; *супостатина* — *Бран.* Негодяй, злодей; супостат [СДГВО, с. 578]; *подлюка* — *Бран.* Подлый человек, подлец [СДГВО, с. 436]; *тепина* — высокий, долговязый человек [СДГВО, с. 588]; *хвальбишка* — *Ирон.*

Хвастливый человек, любящий приврать; хвастун [СДГВО, с. 625]; *холюза* — угодливый, льстивый человек [СДГВО, с. 632]; *раздушоночка* — Фольк. Обращение к кому-л.: милый, милая [СДГВО, с. 502] и др. Такие номинации (76 ед.) в зависимости от контекста могут выступать как существительные мужского рода (характеризовать мужчину), так и как существительные женского рода (характеризовать женщину, и лишь 6 слов имеют форму муж.р., н/р: *галдун* - тот, кто надоедает непрерывными разговорами [СДГВО, с. 103], *смирняк* - смирный, кроткий [СДГВО, с. 554], *послед*, *последушек*, *последышек* - последний ребёнок в семье, младший ребёнок [СДГВО, с. 462], *урё* - угрюмый, неприветливый человек [СДГВО, с. 613]. Данное явление объясняется тем, что именно диалектные лексические единицы в форме женского рода, используемые для наименования как мужчин, так и женщин, обладают более яркой экспрессивной окраской и несут в себе оценку тех явлений окружающей действительности, которые в донском казачестве обществе в основном высмеиваются, порицаются, подвергаются тому или иному осуждению.

В связи с этим при проявлении гендерного признака на синтаксическом уровне языка принципиальное значение приобретают синтаксические указания на пол лица, особенно в разговорной речи: «Доктор, Вы прекрасная врач...», «Вы эта самая бухгалтер Нина?» [Городникова 2000, с. 44]. В донском диалекте же это выглядит следующим образом: *Ой да, провожала его, его раздушоночка Жена его молода... ой молодая* [СДГВО, с. 502]; *Ой да дорогая моя девчоночка! Ой да раздушоночка!* [СДГВО, 502]; *Да он смирнота* [СДГВО, с. 554]; *Вот тятина вырас, ацца уж дагнал* [СДГВО, с. 588]; *Сасетка у мене была такая падлюка, слоф нет* [СДГВО, с. 436]; *Михаил, падлюка, дажы руки мне ни падал* [СДГВО, с. 436] и т.д. Ко всему прочему отмечено, что в сфере синтаксиса выделяется более частотное использование женщинами вводных

конструкций, простых и сложносочиненных предложений со значением неуверенности (*Зимой бываить сивирка, этат буран; кауда бываить буран и нисёт этаю снех, эта называим мы: ну, сивирка пашла. Вот заносить фсе дароуи. Кауда сивирка идёт, ну, закурила, там, бываить, так закурить, што белавя света ни видать* [Кудряшова 2010, с.48]), в то время как мужчинам свойственно использование конструкций со значением высокой степени уверенности в себе, свидетельствующие об активной жизненной позиции (*Касили тада руками, крюцки наделають ис палык. Патом стали касилки, касилкими косять, ф скурды возють, на лышадях малотють. Патом веилки стали, веилкими веють* [Кудряшова 2010, с.65]).

Гендерное противопоставление «мужское – женское» проявляется и на фонетическом уровне языка. Московские исследователи Е.А. Земская, М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова в своих работах отмечают, что речь женщин более консервативна и лучше сохраняет региональные черты. К тому же ими было установлено, что особенности женского произношения наиболее ярко проявляются в области вокализма (*Ну и муш у ниё! Абыкакушный какой-та. Иде такова нашла!* [СДГВО, с. 19]; *Йэтаму хутару я ня знаю, колькя лет... Придём к каму-нибуть, яишницу нам нажарють, пакушым салодик пьём* [Кудряшова 2010, с. 64]; *Натькя, дай мне энтыю куклёнку. ... Бабунькя, чаво ана мой красинький вядро схватила. Йиё зилёный. А красный мой* [там же, с. 110]), а мужского - в сферах консонантизма (*Ф службу выхадили на фсём своём; фсё сваё було, сядло свая, уасударствиннава ничаво ни було* [Кудряшова 2010, с. 40]; *Борыны были дирвянныи тада и катки дирвянныи были, укатывали ими* [там же, с. 65]; *Ани как падашли в эт склат и удивляюща и ужахающа...* [там же, с. 105]).

Что же касается проявления гендерных признаков в языковой картине мира донского казачества, то наиболее ярко они обнаруживаются на лексико-фразеологическом уровне языка.

2.1.1. Образ казака и языковые средства его репрезентации в диалекте

В диалекте казак оценивается с разных сторон: внешности, поведения, отношения к трудовой деятельности, интеллектуальных способностей, но, следует отметить, что больше всего образ казака связан с военной деятельностью.

Как уже отмечалось ранее, большинство слов, которые характеризуют человека в диалекте, по гендерному признаку не дифференцируются, т.е. они в равной степени могут использоваться при описании как мужчин, так и женщин, ср.: *бездушный/бездушная* – хилый, слабый [СДГВО, с. 38]; *вумный/вумная* — умный [СДГВО, с. 92]; *жадобный/жадобная* — жадный [СДГВО, с. 164]; *забуретый/забуретая*– румяный [СДГВО, с. 177]; *мазный/мазная* - грязный [СДГВО, с. 308], *изневага* - капризный [СДГВО, с. 221], *засоня* - любитель поспать, соня [СДГВО, с.198], *ненажора* - ненасытный [СДГВО, с. 353], *неха* - медлительный, ленивый [СДГВО, с.355], *промзла* - проныра, пройдоха [СДГВО, с. 486], *хвальбишка* - хвастливый человек, любящий приврать; хвастун [СДГВО, с. 625], *тюпа-люпа* - несамостоятельный, посредственный, ни на что не способный [СДГВО, с. 602] и др.

Однако есть и такие, которые относятся только к характеристике мужчин, что закреплено как минимум на двух уровнях – 1) грамматическом (они употребляются только в мужском роде – *задохлик* – слабый (физически) человек [СДГВО, с. 183]; *голомозый* – лысый, безволосый, бритоголовый: *Ох, ох, ни дай бох с татаринам знацца, галамозая башка, лезить цылавацца* [СДГВО, с. 114; *холень* – изнеженный, ухоженный, выхоленный человек: *В диревни жывётъ, а какой холинъ!* [СДГВО, с. 630]; *пугатарь* — тот, кто работает на вспашке полей плугом, пашет землю, пахарь [СДГВО, с. 424]; *погоньч* — работник, сопровождающий запряженное или навьюченное

животное; погонщик [СДГВО, с. 429]; *подкладень* — любимец, любимчик [СДГВО, с. 435]) и 2) семантическом, т.е. теоретически слово может иметь и мужской, и женский род, но по называемому признаку (по сфере соотносимой деятельности) относится только к мужчине (*глыбистый* — крупный угловатый (о человеке): *Васька Иваноф глыбистый стал* [СДГВО, с. 110]; *кованый* — здоровый, крепкий; *бобыльный* — бедный, бездомный, одинокий: *Он при маих памтях бобыльный был, а типерь чириз губу ни плюнить* [СДГВО, с. 46]; *будылистый* — о высоком нескладном человеке [СДГВО, с. 55]; *плешатый* — с плешью, облысевший, плешивый: *Дет рана стал плишатый. Он ф триццать лет уш стал плишатым* [СДГВО, с. 423] и др.). Следует отметить, что данный факт закреплён и на словообразовательном уровне. В современном русском языке в словообразовании господствующее положение занимают существительные мужского рода, т.е. существительные мужского рода служат основой для образования существительных женского рода. Но как отмечено в Русской грамматике 1980 модификационное значение пола женскости "выражается определёнными суффиксами" [РГ 1980, с.265]. Данный факт находит отражение и в донских говорах, ср.: *додельник* (умелец, мастер на все руки) - *додель-ниц-а* (умелая хозяйка, мастерица) [СДГВО, с. 143]; *дудак* (плохой хозяин) - *дудач-к-а* (плохая хозяйка) [СДГВО, с. 154], *молчан* (молчун, молчаливый) - *молч-ух-а* (молчаливая женщина) [СДГВО, с. 322], *холодвник* (лентяй, бездельник) - *холодовн-иц-а* (лентяйка, бездельница) [СДГВО, с. 631] и т.д.

В донском диалекте существует большое количество гендерно маркированных слов и выражений, характеризующих непосредственно внешность мужчин. Эти единицы можно представить в виде нескольких лексико-семантических групп:

1) характеристика лица и его частей: *мурлан* — человек с грубым, полным лицом [БТСДК, с. 291]; *горбан* — человек с большим носом: *Ипалит*

у нас *гарбан* [СДГВО, с. 116]; *ухач* – человек с большими ушами: *Ухач шлёпаить ушами, ани у йиво здароваи* [БТСДК, с. 547]; *лобах* – большелобый: *Када мущина з бальшим лбом, иво называют лабах* [БТСДК, с. 266]; *губарь* – губастый, имеющий большие губы: *Ванькя – губарь, губы бальшыи, атвисли* [БТСДК, с. 121]; *корпан* – человек с большой головой [БТСДК, с. 263]; *конопуль* – веснушчатый человек [БТСДК, с. 230]; *слепун* – подслеповатый, слепой [БТСДК, с. 494]; *головань* – большеголовый: *Ягора звали галаванам* [СДГВО, с. 113]; *раkitич* – говорят о человеке с большой головой: *Да он раkitич, у няво галава бальшая* [БТСДК, с. 448]; *безбородный* – молодой человек, не имеющий бороды: *А забирали и старых, и бизбародных* [БТСДК, с. 39].

В донском диалекте при характеристике лица мужчины в словарном арсенале говорящего в основном преобладают слова существительные и реже прилагательные. Представленные нами диалектные единицы относятся к нескольким типам диалектизмов, а именно: 1) к словообразовательному типу (суффиксальный способ: *горб*+суф. *ан* – в основе *горб* - физический недостаток; *лоб*+суф. *ах* (в основе *лоб*); *ух*+суф. *ач* (основа от *ухо*); *губарь* – от слова *губа* путем присоединения к основе [p`], *безбородный* - префиксально-суффиксальный способ образования от основы *бород-а*); 2) лексическому типу (известны только носителям диалекта – *мурлан*, *корпан*, *раkitич*). Данные диалектные лексемы образованы путем прямой характеристики очевидного факта, т.е. описывается то, что видится (*слепун*, потому что «слепой», *головань*, потому что «большая голова» и т.д.)

2) Прическа, состояние и цвет волос: *голый как бубен* – о лысом мужчине [СДГВО, с. 115]; *голистый* – бритоголовый [СДГВО, с. 113]; *беляк* – белокурый, блондин [БТСДК, с. 42]; *чупан* – с большим чубом, чубатый; *голомозгий*, *голомозый* – лысый, безволосый [БТСДК, с. 111]; *буланный* - блондин [БТСДК, с. 60];

Для описания прически казака, цвета волос, их состояния используются преимущественно имена прилагательные и реже существительные. В данной группе преобладают диалектизмы словообразовательные (суффиксальный способ: *чупан* – от основы *чуб* (*n*) + *ан*; *бел* + *як* – от основы *–бел-*), собственно лексические (*голомозгий*), семантические (*буланый* – о масти лошадей. Желтоватый, разных оттенков, особенно светлых; иногда при темном хвосте и гриве и с такой же полоской на хребте [ССРЛЯ, с.682]).

В основе происхождения приведенных диалектных единиц лежит сравнение (*голый как бубен* – сравнение лысины мужчины с гладким бубном), непосредственная реализация реального признака предмета (*беляк* – по белому цвету волос; *чупан* – с большим чубом).

3) Вес и связанный с этим общий вид, физическое состояние: *абреутень* – здоровый, но ленивый человек: *Абреутинь* – сильный, упитанный, *ну лодырь* [БТСДК, с. 23], *курсак* – о тучном человеке: *Эй ты, курсак!* *Аткуда плитёсси* [БТСДК, с. 253]; *махан* – толстый, тучный: *Маханам ты стал, весь жырам заплыл* [БТСДК, с. 279], *гладырь* – очень толстый человек, толстяк: *Ну и гладырь* [СДГВО, с. 108]; *гладкий как мерин* – об очень полном человеке: *Он ить там разъелси, гладкий как мерин, ели ходить* [БТСДК, с. 106]; *гладяк* – толстяк: *Ну, бурсак-гладяк* [БТСДК, с. 106], *пузар* – толстяк: *Пузар толстай, как купец* [БТСДК, с. 437]; *пухлан* – толстяк: *Пухлан какой, полный* [БТСДК, с. 439]; *москлявый* – очень худой: *Замасклявил он, пахудел, масклявый стал* [СДГВО, с. 323]; *бесчеревный* – очень худой, болезненный: *Один Никифор Баклушин, которого Егоркина жена называла бесчеревным за его худобу и отсутствие живота* [СДГВО, с. 41]; *уваловатый* – об очень толстом, неповоротливом, неуклюжем, тучном человеке; *валух* – неповоротливый: *Эт ты, валух сухофский? Валух валухам, ни разбязыцца. Он у нас как валух* [СДГВО, с. 65].

Описание внешности казака по весу, его физическому состоянию достигается с помощью использования, примерно в равном количестве, имен

существительных и прилагательных. Большинство диалектизмов данной тематической группы являются лексическими, свойственные только говорам донского казачества (*курса́к, абряту́на*), также выделяются семантические, со своим необычным значением (ср., *махан* – у татар, башкир и др. — мясо, преимущественно конина [ССРЛЯ, с. 720], *валух* – хорошо откормленный кастрированный кабан [ССРЛЯ, с. 40]; *чу́ня* – ед. ч. лапоть) и словообразовательные (суффиксальный способ: *гла́дяк* от основы *глади́й* = *глад*+*як*; *увало́ватый* от основы *увале́нь* «неуклюжий, неповоротливый» = *увал*+*оват*+*ый*; *бесчеревны́й* от основы *чрево* «живот, брюхо» префиксально-аффиксальным способом с чередованием в основе).

В основе номинации данных характеристик мужчины по весу лежит сравнение. В диалектной единице *глади́й как мерин* лежит сравнение с животным (ср., мерин – крупный жеребец).

4) Рост, внешняя стать: *свинячий подставок* – о человеке маленького роста: *Свинячий пацтавак такой ростам, как свиня, если йиво паставить са свиньей рядом* [БТСДК, с. 475]; *малик* – о человеке небольшого роста: *Был у мяне друх малик, нибальшова роста* [БТСДК, с. 275]; *побздюх* – пренебрежительно о маленьком, нестатном мужчине: *Побздюх – малинький и никудышний мужычёк* [БТСДК, с. 372]; *будара* – громоздкий, длинноногий человек [БТСДК, с. 57]; *не достать рога* – об очень высоком человеке [БТСДК, с. 138]; *шибздрик* – малорослый, слабосильный, невзрачный: *Ни казак, а так, шибздрик какой-та, ни дай Бох, пасватаить* [БТСДК, с. 591]; *киляк* – высокий и худой человек: *От кияк идёт, длинной, и ношки тонинькии* [БТСДК, с. 216]; *недорош* – говорят о человеке маленького роста: *А он такой малинький, прям недараи какой-ть* [БТСДК, с. 317]; *гицуль* – длинноногий, худощавый человек [БТСДК, с. 105].

В номинации донского казака по росту преобладают имена существительные. Данную тематическую группу составляют диалектизмы лексические (*побздюх, кияк, гицуль*), семантические (*будара* – длинная и

узкая грузовая лодка), фонетические (*шибздрик* – *шибздик*), словообразовательные (*малик* от усечения основы *маленький* + суффикс *-ик-*; *недорош* от *недоросль* путем усечения основы).

5) Фигура: *агудал* – верзила: *Вон агудал, вырас какой, ни дастаниш* [СДГВО, с. 375]; *коневитый* – стройный, с хорошей осанкой: *Каневитый паринь паиол, какой красивый, прямой* [БТСДК, с. 229]; *становитый* – стройный: *Горп у миня стал рость, а был я становитый* [СДГВО, с. 567]; *ломовитый* – большой, сильный: *Атец там такой ламавитый, а детидохлыя* [БТСДК, с. 267]; *придатный* – о мужчине, наделенном физической силой и красотой: *Адин, смотрим, такой придатный, фсё при нём, а тутничиво, худая, как с куля в рагожу* [БТСДК, с. 419]; *корневик* – коренастый человек [БТСДК, с. 233].

В группе номинаций, характеризующих фигуру казака, его физическую привлекательность преобладают имена существительные и прилагательные. Что же касается типов диалектизмов, то здесь представлены лексические (*агудал, придатный, буравый*), семантические (*наглядный* – тот, кем можно любоваться), словообразовательные (*корневик* – суффиксальный способ от основы слова *коренастый, становитый* – *статный*).

Приведенные лексемы и фраземы реализуют в себе реальный признак, попадающий под описание, в данном случае стройность, хорошую осанку как у коня (*коневитый*), большого мужчину, сила которого сравнима с ломом (*ломовитый*), миловидного и красивого (*наглядный*).

6) Одежда: *холень* – изнеженный, выхоленный мужчина, аккуратно одетый: *В диревни жывётъ, а какой холинъ!* [СДГВО, с. 630]; *шыкаръ* – щеголь: *А муш – шыкаръ, шыкозна ходитъ* [БТСДК, с. 591]; *чукавый* – щеголевитый, модный: *Усё при нем гарить, фигуритсай какой, и абряда на нем лэфкая, чукавый пряма паринь* [БТСДК, с. 583]; *шик с отлетом* – о нарядном человеке [БТСДК, с. 591]; *шкалдык* – невзрачный человек: *Зять у мине шкалдык, низавидный* [БТСДК, с. 593]; *чистот* – опрятный, аккуратный

мужчина: *Он у нас чистот был* [СДГВО, с. 659]; *завалух* – невзрачный, неказистый, никчемный мужчина: *Ни тянитя, дефки, з замужам, а то завалух дастаница* [БТСДК, с. 162]; *чумак* – в запачканной одежде: *Ой, чумак, увесь у грязи* [БТСДК, с. 584]; *кундюбый* – невзрачный: *Он кундюбый паринь. Ни то што мой атец. Тот красивый* [БТСДК, с. 251]; *охреян* – неопрятный, оборванный: *Ах ты, супастатаф ахриян, пайди умыйся* [БТСДК, с. 351]; *шикач* – щеголь: *А шыкач будить жаних шыкозный* [БТСДК, с. 591].

Группа диалектных единиц, характеризующих состояние одежды мужчины, его опрятность и аккуратность, представлена именами существительными и именами прилагательными. В большинстве своем в этой группе диалектизмов преобладают лексические (*охреян* – лентяй, неотесанный, неуклюжий, грубый, мужиковатый, увалень; *чукавый, шкалдык, кундюбый, завалух, шыкач*), словообразовательные (*холень* путем усечения от основы *холеньый* – «ухоженный»), семантические (*чумак* – грязнуля; встарину на Украине – крестьянин, возивший на волах в Крым и на Дон на продажу хлеб и привозивший оттуда для продажи соль и рыбу [ССРЛЯ, с. 1198]).

С точки зрения количественного состава число диалектных единиц каждой группы приблизительно одинаково (± 10 ед.). Однако в количественном соотношении преобладают группы, где входящие в их состав лексемы и фразеологизмы характеризуют фигуру мужчины, его рост и вес. Это свидетельствует о том, что для казаков приоритетными в восприятии человека, в описании его внешности являются именно данные параметры, т.е. для казачества всегда было важно, насколько казак статен и крепок.

Если же в каждой лексико-семантической группе гендерно маркированные диалектные лексемы и фраземы сопоставить в виде семантических оппозиций, то мы получим следующий результат:

Группа	Семантические оппозиции	Количество единиц
2. Прическа	«лысый – волосатый»	4 – 3
3. Вес	«толстый – худой»	10 – 2
4. Рост	«высокий – низкий»	4 – 5
5. Фигура	«стройный – нескладный»	6 – 0
6. Одежда	«опрятный – неопрятный»	6 – 5

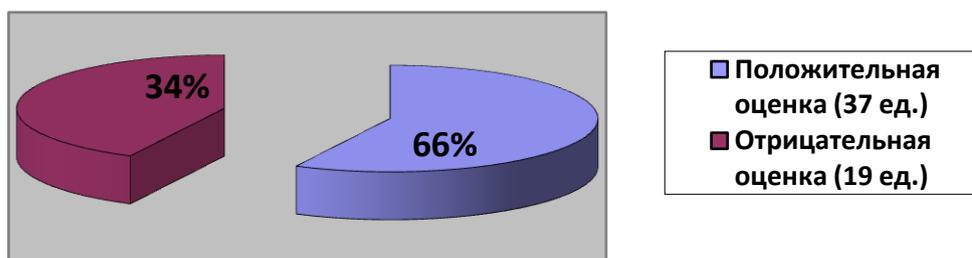
Данные показатели опять приводят нас к выводу, что во внешности донского казака немаловажная роль отводилась состоянию одежды, его опрятности и аккуратности, а невзрачность, неказистость, неряшливость строго осуждались говорящими, в связи с чем мы находим большое количество единиц с отрицательной семантикой. То же касается и группы единиц, характеризующих рост и вес казака, где диалектные единицы несут в себе отрицательную оценочность, т.к. маленький рост, приземистость, а также неповоротливость, неуклюжесть и тучность не делали внешний вид казака привлекательным.

Что же касается внешней стройности и стати донского казака, то данные характеристики вошли в тематическую группу, описывающую фигуру мужчины. Стройность, физическая мощь и сила поощряются представителями донского казачества, в результате чего наибольшее количество данных гендерно маркированных диалектных единиц имеет положительную оценку.

Из выделенных нами 56 гендерно маркированных диалектных единиц, характеризующих мужчин по внешнему виду, 19 номинаций имеют отрицательную оценку, а 37 из них - положительную. Данный факт свидетельствует о том, что внешности казака на Дону отводили далеко не

последнюю роль. Казаки-мужчины всегда выделялись своим статным внешним видом, тем самым ненарочито притягивали к себе взор окружающих, что и находит отражение в языке, получая в процентном соотношении, наибольшую положительную оценку (66%). В то же время неряшливость, неопрятность, физическая непривлекательность всегда осуждались и высмеивались в казачьем обществе, в связи с чем мы обнаруживаем в диалекте значительное количество номинаций с отрицательной семантикой (34%). См. диаграмму:

Процентное соотношение "положительное-отрицательное" во внешнем образе казака

Следует отметить, то гендерный фактор проявляется не только при описании внешности непосредственно мужчины, его физических данных, а также поведения, сферы деятельности и занятости, но и в группе номинаций, описывающих одежду казака. В донских говорах обнаруживается определенный пласт гендерно маркированных диалектных единиц номинирующих и характеризующих разные виды одежды, которую носили именно мужчины. Если говорить об одежде казака, то следует заметить, что он ценил одежду не за ее стоимость, а за тот внутренний

духовный смысл, который она для него имела. По верованиям древних, одежда считалась второй кожей, поэтому казаки никогда не носили чужую одежду. Надеть «чужие покровы» означало войти в «волю» дарителя, потерять свою [Казаки 1999, с. 49].

К концу XVI в. наметились два основных центра расселения донского казачества: одни казаки поселились в верховьях Дона и получили название *верховых* казаков (Рис.1), другие расселились на Нижнем Дону, в районе Черкесска, Раздор и стали называться *низовыми* (Рис.2). Если верховые казаки по происхождению были в большинстве своем русскими, то среди низовых было очень много украинцев. Как мы видим, казачество было неоднородно в этническом отношении, что во многом определило и особенности их костюма [Калинина 2008, с.36].

Особенности жизни, военной службы донского казачества способствовали формированию определенных традиций в мужской одежде, и как следствие - возникновению гендерно привязанных диалектных единиц, служащих для наименования донской одежды казака-мужчины.

Калинина М.В. отмечает в своей диссертации, что одной из функций казачьей одежды является региональная. Она состоит в том, что костюм одной местности отличается от костюма другой территории. В одежде донцов имели место различия, обусловленные особенностями заселения края. Одежда верховых казаков имела много общего с одеждой жителей южнорусских земель. Так традиционный костюм у казаков-некрасовцев включал *белую рубаху*, отделанную красной полосой по нижнему краю. Носили *рубахи с «воротом»* - яркой вышивкой крестом на груди. Рубаха повязывалась *поясом*, плетеным из шерстяных ниток, и одевалась навывпуск поверх портков – *шаровар* [БТСДК, с. 558] (Рис. 3). Портки отличались по цвету. В будни носили синие, а в праздники — красные.

В конце XVII — к началу XVIII в. сложился традиционный тип мужской казачьей одежды, обязательным элементом которой был *зипун*

(Рис.4), представляющий собой верхнюю мужскую казачью одежду (с башлыком) из овечьей или верблюжьей шерсти или из грубого самодельного сукна, защищающая от дождя и непогоды [СДГВО, с. 209].

Еще одной традиционной верхней одеждой считался *кафтан*, который могли надевать поверх зипуна (см. Приложение, Рис.5). Он имел широкие рукава и спускался ниже колен: *Кафтан — мушская адежда ис палатна, утиплённава авечый шерстью или козый* [СДГВО, с. 240]. Кафтан всегда был украшен разного рода цветными вышивками, нашивками, золотыми бляшками. Подпоясан казак был *шеболташем*, ременным поясом, на котором привешивались рог с порохом, мешочек с пульками, нож и другие принадлежности воина-охотника [Миртов, с. 366], а также *пряжкой с набором* – ремнем с металлическими бляхами [Миртов, с. 263].

Мужской казачий костюм претерпел кардинальные изменения при Екатерине Второй в результате введения в 1769 году военной формы (Рис.6). Она включала следующие названия мужской одежды: *куртка*, «настоящие штаны» донских казаков *шаровары с лампасинами* — красной продольной нашивкой на штанах [СДГВО, с. 293], заправленные в *сапоги* [СДГВО, с. 528], *пояс с портупеей* [СДГВО, с. 469], *чекмень* (казачий военный мундир, суконный или матерчатый кафтан с застёгивающимися полами, стоячим воротником, в талию, со сборками на спине; обычно подпоясывался кожаным поясом или красным матерчатым кушаком: *Дедушка отряхивает чекмень, и все отправляются к куреню <...> В старинном он чекмене, на голове — артиллерийская фуражка, шаровары с лампасами забраны в белые чулки* [СДГВО, с. 648]), *шинель* (форменное военное пальто: *А вырастут, пажалста, пригатофь каня, пику, шашку, два шыниля, две рубахи; нас атец траих справил и разарился* [СДГВО, с. 673]), *кивер*, на груди казака располагался *клейнод* - почетный знак казачьего полка; войсковое отличие [Миртов, с. 137]. Куртку, чекмень, шаровары шили из синего сукна с красной отделкой по швам (лампасинами). В качестве головного убора ввели

кивер - наименование высокой шапки из черных смушек. В конце XIX в. была введена новая форма, которая просуществовала до революции. Мундир и шаровары по-прежнему шили из синего сукна. Летом с шароварами носили защитного цвета гимнастерки. Зимой костюм дополняла шинель из грубого защитного сукна. [Калинина 2008, с. 38].

Головными уборами служили *фуражки* и *папахи*, они символизировали принадлежность воина к казачеству. Головной убор — наиболее яркая и выразительная деталь, тесно связанная с традициями, укладом жизни донских казаков. У донцов словом *папах* называлась высокая меховая (с косматым верхом) шапка [СДГВО, с. 404] (Рис. 8), а *фуражкой* именовался мужской головной убор, обычно с твердым околышем и широким дном и обязательно с козырьком (Рис.7) [ССРЛЯ, с. 1596]. Эти головные уборы играли большую роль в обычаях и символике - ими голосовали. Это еще раз подтверждает тот факт, что в наименованиях данных головных уборов присутствует гендерная семантика, т.к. голосование на Дону проводилось только среди мужчин-казаков, а женщины в общем голосовании не принимали участие. Считалось, что *хваражка* [Миртов, с. 342] была и, впрочем, остается предметом поклонения, почитания и гордости казака. Шапку кидали во двор хваленке, предупреждая, что придут свататься. Во время смотрин казак как бы невзначай клал на стол *фуражку* или *папаху* — доньшком вниз. Если девушка переворачивала головной убор, можно было свататься. Если *фуражка* отправлялась на вешалку, о сватовстве не могло быть и речи [Кзаки 1999, с.47]. *Папаху* или *фуражку* убитого или умершего казака привозили с войны и клали на божницу. Для мужчины-казака сорванная или сбитая с головы шапка была очень смертельным оскорблением, потерять *папаху* казак мог только с головой.

Существует мнение, что мужской казачий костюм, с одной стороны, считается военной формой, а с другой, что это национальная одежда. В казачьей одежде много традиционных черт, на протяжении столетий

мужской костюм так мало менялся, что его можно с полным основанием считать национальной одеждой.

По военной форме можно было узнать о казаке почти всё: какого войска, сколько служит, в каком чине, а при условии знания станиц и казачьих родов (полки набирались из одних и тех же станиц и хуторов), узнать имя и фамилию.

Имел значение цвет мундира и приклада, лампасов, околыша, погона и выпушки на нем. По шеврону на рукаве можно было определить, сколько казак служит. Форма менялась, но многое оставалось неизменным. Так, донские, уральские и астраханские казаки имели синий цвет мундиров и чекменей. Казаки остальных войск – темно-зеленый. Весь металлический прибор в казачьих войсках был серебряным. Цвет лампасов устанавливался в зависимости от того, какое войско от какого считалось образованным. Так, донские казаки носили алые лампасы. Считалось, что сибирские ведут свою родословную от них, поэтому у сибиряков лампасы были красные. Погоны у донских казаков были синие с алой выпушкой, у сибирских – красные. Оренбургское, единственное из всех войск, имело светло-синие лампасы, околыши, клапаны на шинелях; того же цвета был и верх папах. Горные войска на шароварах носили кант: кубанцы – малиновый, терцы – голубой. Черкески были разных цветов, а башлыки, бешметы и верх папах был традиционным: у кубанцев – малиновый или алый, у терцев – голубой [Калинина 2008, с. 104].

Костюм и в наши дни говорит о месте человека в обществе. Но в отличие от всех народов и сословий мира казаки, жившие в строгих рамках военного сословия, обязанные носить стандартную униформу, видели в одежде и другое... Мельчайшие детали: пуговицы на мундире, особым образом повязанный башлык или надетая папаха – для казака были раскрытой книгой, паспортом, по которому он узнавал о незнакомом собрате

все. Соответственно одежда казака была его "визитной карточкой", в первую очередь, в военной сфере деятельности, а потом уже и в повседневной жизни, а значит и оформленной по маскулиному признаку.

Внешний облик казака не безразличен для членов данного этнокультурного сообщества. Презентативная внешность – свидетельство высокой организации внутреннего мира человека. Внешность человека неизбежно отражает его внутренний мир, «проявляет» его, она, несомненно, наделена коммуникативным свойством.

В основе диалектной фразеологической и лексической номинации лежит ценностно-смысловой критерий отбора материала. Номинируются не все понятия и представления казаков об окружающей действительности, а лишь те, которые оказываются для данного субэтноса особо значимыми. Проанализировав диалектные лексемы, характеризующие внешний вид казака, следует перейти к более подробному изучению его внутреннего мира, привычек, ценностей, являющихся важнейшими для казака на Дону.

2.1.2 Казачья воля

Главным свойством русской души Н.А. Бердяев считает совмещение полярно противоположных начал. «Русский народ с одинаковым основанием можно характеризовать как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, как народ универсального духа, более всех способный к всечеловечности, жестокий и необычайно человечный, склонный причинять страдания и до болезненности сострадательный» [Бердяев, 1990: с. 15].

Черты такой анархичной свободы, устремленности в будущее, широты и бесконечности находим и в личности казака. Ведущим мотивом переселения на Дон оказывается стремление к абсолютной свободе. По данным Русского ассоциативного словаря, понятие свободы в русской

культуре, выражаемое словами «свобода» и «воля», ассоциируется с простором, раздольем. *Свобода – берег моря во время восхода, раздолье, степь. Воля – степная, простор, птица, степь.* В полном соответствии с данными представлениями воспринимают волю и казаки. Здесь, в нескончаемом пространстве Дикого поля, люди освобождались от самых разных зависимостей и несвобод, включая и экономическую, и правовую, и бытовую, житейскую несвободу. Сюда шли выходцы из южных губерний России, которых вел сильнейший стимул – быть абсолютно свободными. И люди обретали эту свободу на просторах бескрайних донских степей.

Концепт «воля» является одним из определяющих в сознании донского казачества и непосредственно связан образом лихого казака-воина, что находит свое отражение в гендерно маркированной диалектной лексике и фраземике.

Ценность «воля» как обретение социальной независимости, освобождение от крепостной неволи, а также от каких-либо обязательств перед государством имело абсолютную значимость на первых этапах формирования казачества. В этом смысле «воля» максимально приближена по своим параметрам к анархии, вседозволенности. Данное понимание воли отражается в следующих лексемах и фраземах, с одной стороны, со значением ощущения полной независимости, ср.: *вольгота* - вольный, свободный человек: *Сасет у нас вальгата — вольный чилавек* [СДГВО, с. 87], *вольный казак, вольный сокол* - свободный, независимый [СДГВО, с. 558], *вольная птица*, а с другой – со значением вседозволенности, возможности поступать всегда и во всем по своему разумению, ср.: *иметь вольный дух* - быть смелым, решительным [СДГВО, с. 221], *ходить за зипунами* - отправляться за дуваном, привозить из похода добычу, трофеи [СДГВО, с. 630], *выйти на море погулять* – совершать разбойничьи набеги на дорогах и на водных просторах. Свидетельством того, что воля являла собой абсолютную ценность в казачьей среде, является дошедшая до нас

поговорка *хоть жизнь собачья, зато воля казачья* - Погов. Ирон. О несовпадении представлений о свободной жизни с реальностью [СДГВО, с. 87] [Брысина, 2003: с.153].

Восприятие воли как личной независимости от желаний и волеизъявления других, неподчиненности, свободы личного выбора находит в диалектной фраземике более широкое отражение, что, как нам представляется, обусловлено, во-первых, изменившимися условиями жизни, развитием новых межличностных отношений, опирающихся на новые культурные, экономические, социальные нормы внутри казачьего социума, и, во-вторых, с осознанием себя как отдельной личности, а не просто одного из многих (как это, возможно, было ранее), подчиняющегося воле единого организма – *Казачьего Круга*, который решал не только общественно значимые проблемы, но и распоряжался личной жизнью каждого казака (к примеру, такие сугубо личные социальные процедуры, как женитьбы и развод осуществлялись на Кругу с общего одобрения всех присутствующих).

Абсолютное большинство лексических и фразеологических единиц отражает жизненную ситуацию, поведение человека, направленное на подавление воли, ср.: *братъ в щипцы* – ограничивать свободу действия [СДГВО, с. 52], *держатъ крепкие возжжи* – ограничивать волю [СДГВО, с. 138], *надеть аркан* – подчинить себе кого-л. [СДГВО, с. 334], *вырвать гусёк* – наказать, подчинить [СДГВО, с. 98], *водить на мутузке* – не позволять действовать по своему желанию [СДГВО, с. 83], *бить и не велеть жалиться* – строго наказывать, бить, приводить в покорность [СДГВО, с. 44], *выкручивать кислицу* - строго наказывать [СДГВО, с. 96] и др. Данные единицы являются гендерно маркированными по мужскому признаку, т.к. проявление подавления воли, применение физической силы свойственно прежде всего мужскому типу поведения.

Важно отметить, что в диалектной лексике можно выделить и другие базовые образы, отражающие идею воздействия на волю человека или

проявления своей собственной воли. Так, к примеру, формы проявления своей воли, представленные в семантике гендерно маркированных диалектных единиц, можно свести к следующим вариантам поведения: 1) «заставить повиноваться, подчинить своей воле»; 2) «показать свою власть, силу, наказать»; 3) «не подчиниться, выйти из-под чужой власти»; 4) «проявить непокорность, восстать против чужой воли». Первые две группы единиц отражают агрессивный тип поведения, когда проявление собственной воли неизбежно сопровождается подавлением воли другого. Они представлены следующими диалектными фразеологическими выражениями: *гнуть дуги из кого* [РСГ], *вознать в свою колею* [РСГ], *лишить притулку* [РСГ], *дать проборку* [РСГ], *дать встрёсу* [РСГ], *жевать жеймя*, *расчесать куделю*, *взять за химо*, *взять на притужальник* и под. Данные лексические единицы несут в себе семантику телесного наказания (сравните: *надавать лещедей* - побить по щекам [БТДСК, с. 263], *дать под санки (под салазки)* - ударить в челюсть [СДГВО, с. 132], *дать по соплям* - ударить по носу [СДГВО, с. 132]; *дать валку* - строго наказать, побить [СДГВО, с.132] и др.) Чрезмерная напористость, агрессивность, неуступчивость, резкость, грубость оказываются в представлении народа неприемлемыми.

Диалектные единицы двух других групп объединяет то, что все они содержат информацию о неподчинении воле другого, о проявлении силы своего характера, хотя в одном случае это всего лишь пассивное неподчинение, а в другом, активное сопротивление всякому проявлению насильственной воли «чужого», сравните: а) *выйти из колеи* - перестать подчиняться, *скиба отрезана от хлеба* - кто-либо отделился, стать жить своей волей [СРДГ, с. 121], *лежать вдоль лавки* – выйти из подчинения, стать самостоятельным [СДГВО, с.296] и б) все фразеологизмы со значением «не подчиниться, оказать сопротивление, проявить непокорность» - *поднять губу* [РСГ], *показать дулю* [РСГ], *стать ериом* - заупрямиться, воспротивиться [СДГВО, с. 568], *стать на дыбки* - резко проявить

несогласие, стать на дыбы [БТДСК, с.509] и др.

Само концептуальное содержание «отнять свободу воли» оценивается в казачьей ментальности отрицательно. Можно предположить, что здесь на фоне коллективного представления казачества о том, что такое воля, свобода, выражается протест против порабощения личности. Такое негативное отношение связано скорее всего с архетипической по своей сути нравственно-религиозной установкой, согласно которой человек подвластен в первую очередь Богу, и только затем уже родительской воле и воле другого человека, статусом выше его, но не «всякого». Именно с этим связано осуждение в данных диалектных единицах того, кто посягает на волю другого человека, и одобрение поведения тех, кто такому порабощению сопротивляется [Брысина, 2003: с. 155-157].

Донской казак всегда ассоциировался с волей и независимостью, ср.: *вольный сокол* — свободный, независимый человек [СДГВО, с.558]; его внутренний дух не желал признавать никаких стеснений. Именно поэтому семантика диалектных единиц, характеризующих образ вольного казака, не лишена гендерного признака. Свобода в поведении и деятельности связана в первую очередь с военной занятостью казака, его стремлении участвовать в боевых походах, проявлять силу и крепость своего характера, подчиняя в повиновение себе своих злейших врагов, а не наоборот - дать возможность кому-то подчиниться.

Казаки всегда действовали сообща, постоянно объединялись в определенные виды социально организованных групп. Казак всегда был частью одного единого общего целого.

2.1.3 Социальная организация донского казачества как сфера реализации гендерных стереотипов

В настоящее время, когда военная миссия казачества отошла на второй план, многие из указанных лексем перешли в пассивный словарный арсенал.

Следует, однако, отметить такое современное языковое явление, как актуализация некоторых слов и выражений, изначально принадлежавших к военной сфере. В донском диалекте есть понятия, которые напрямую связаны с гендерными характеристиками. Интересна в этом отношении судьба слов *атаман*, *круг* и нек. др., которые являются гендерно маркированными.

Образ атамана в донском казачьем говоре является ярким подтверждением проявления гендера в диалектной картине мира. С атаманом на Дону ассоциируется образ статного, храброго воина, являющегося самым главным руководителем у казаков. Т.к. этот образ несет в себе семантику мужественности, соответственно и все остальные диалектные единицы, семантически связанные с его характеристикой, будут гендерно маркированы по мужскому признаку.

Военно-административным начальником в казачьих областях и высшим начальником в казачьих войсках был *атаман* – выборное лицо: *Щас снова атамана ф станицах навывирали* [СДГВО, с.25]. В казачестве избирались *атаманы окружной* - выборный руководитель округа у казаков: *Акрусной атаман вышы станичнава был* [СДГВО, с. 26], *станичный* - избранный местным населением руководитель станицы, власть которого распространяется и на хутора, относящиеся к станице: *Ф станицы — станишний атаман, в округи — акрусной атаман* [СДГВО, с. 26], *слободской* - выборный начальник слободы, части станицы [БТДСК, с. 28], *хуторской* - избранный местным населением руководитель хутора: *Рукавадил фсем хутарской атаман, каторый патчинялся станичному атаману* [СДГВО, с. 26], *поселковый* - выборный начальник поселка [БТДСК, с. 28]. Первое время войскового атамана выбирали на неограниченный срок, «пока угоден Кругу», неугодного же атамана в любой момент могли свергнуть, или, как говорили сами казаки, «скинуть». Впоследствии вошло в обычай избирать атамана на один год. Во время походов, войны выбирался *походный атаман* - начальник казачьего войска

во время походов, войны, выборное лицо в первый период истории казачества [БТДСК, с. 28]. Был также *наказной (наказный) атаман, войсковой* - начальник казачьего войска по назначению царя, в отличие от выборного войскового атамана: *Наказный атаман в Навачиркаски был, он жы абласной атаман, фсеми дилами правил, самый главный был нат фсеми атаманами* [БТДСК, с. 28], *ватажный атаман* – староста определенной ватаги, руководитель рыболовецкой артели [СДГВО, с. 25]. Заметим, что в настоящее время в связи с возрождением казачества вновь в станицах и хуторах избираются атаманы [Брысина, Кудряшова, Супрун, 2005].

Атаман в казачьей среде во все времена пользовался большим уважением и являлся для всех безусловным авторитетом, ср.: *«Артель атаманом крепка»; «Терпи, казак, атаманом будешь!»* [СДГВО, с. 589]. В образе казачьего атамана главным было умение и готовность пожертвовать личными интересами во имя общественных. Назначение атамана — *служить казакам, служить общим целям*; ему должны быть присущи полная бескорыстность и строгое соблюдение моральных принципов. Эти качества атамана являлись своеобразным показателем того, что он служит, то есть делает не свое личное дело, а общее, следовательно, все казаки должны подчиняться атаману, обязаны во всем ему содействовать.

Формой самоуправления в казачестве был *Круг (казачий круг)* – общее собрание казаков, где решались все основные вопросы жизни, и не только военные: *В васкрисенья крух будить. Крух — эт схотка казакоф. Крух ряшыл строить мост чириз Дон. Ай, собирались они, братцы, во единый круг. Ай, во кругу-то стоят, они думу думают. Название круга возникло от того, что собирались фактически в круг, в середине — выступающий <...> И выростки, и малолетки могли присутствовать на круге, но без права голоса <...> Место круга — главная площадь столицы, у часовни, потом — у собора* [СДГВО, с. 273]. Т.к. Круг представляет собой собрание в казаков-мужчин, а женщины в нем участия не принимали, то можно утверждать, что

данные диалектные номинации являются отражением мужского мировидения. Различались: *войсковой круг* - высшее военное собрание казачества, орган казачьего воинского управления при войсковом атамане», который находился в административном центре Области Войска Донского: *О делах общественных совещаались и постановляли решение или приговоры не иначе, как в полном собрании войска или в так называемом Войсковом Кругу, во главе которого стоял атаман* [СДГВО, с. 273]; *окружной / станичный круг* - орган казачьего воинского управления при окружном / станичном атамане [СДГВО, с. 274]. Казачий круг собирался на *майдане* – площади перед станичным правлением: *На майдани указы абъявлялись, тилеги ставили. Сабрались фсе на майдани* [СДГВО, с. 309] , собирались все *закличкой* – так назывался созыв станичников на сход [Миртов, с. 102] .

Круг избирал все управление войском: *Войскового атамана, Войсковых есаулов* — помощников войскового атамана, исполнителей решений круга [СДГВО, с. 162]; *Войскового дьяка, писаря* — должностное лицо при атамане, ведущее канцелярское дело [СДГВО, с. 420]; *Войскового толмача и подтолмача* (переводчиков) для общения с турками, татарами и калмыками , *есаулов и казаков зимовых и легких станиц, выборных посыльщиков* [СДГВО, с. 464], кто посылался с каким-либо поручением к соседним казачьим войскам, *походных атаманов и полковников* - старший офицерский чин в казачьих войсках, следующий за войсковым старшиной, а также лицо в этом чине [СДГВО, с. 448] при отправлении в поход всего войска или его части. Если в поход уходил и сам Войсковой атаман, то на время его отсутствия из Войска Круг выбирал ему заместителя — *наказного атамана*. Войсковой круг карал казаков, если они поступали самовольно. [Краснов 1943, с.29].

Казачий Круг представляет собой тот демократический институт власти на Дону, где каждый казак чувствует себя вершителем великих дел, участником принимаемых ответственных решений. Казаку всегда была

необходима сплоченность, только дружным единым коллективом можно было противостоять внешней и внутренней опасности, и проявлением как раз такой сплоченности является Круг.

Органом самоуправления Областью Войска Донского и помещением, в котором он располагался было *Войсковое правление* (*Не было ладу и в войсковом правлении. Там и вовсе царил беззаботный монастырь: один кстился, другой матерился* [СДГВО, с. 469]), также избиралось *станичное правление* — орган управления станицей с относящимися к ней хуторами и помещением, в котором он располагался (*На нее же (базарную площадь) выходили станичное правление, аптека и небольшой женский монастырь* [СДГВО, с. 469]) и *хуторское правление* — орган управления хутором [СДГВО, с. 469] .

Своеобразие казачьей военной жизни отразилось и в таких словах и выражениях, как *сбить войсковой (окружной, станичный) круг* - собрать войсковой (окружной, станичный) круг на общее собрание: *Сбивали круг есаулы*[СДГВО, с. 529]; *вывести на круг* - поставить перед судом общества для наказания; пристыдить: *Вывести на крух* — *эт значить строга спрасить, устроить дапрос пирид людьми* [СДГВО, с. 94]; *сиденка* - дежурство казаков при станичном правлении: *С панидельникка мне на сиденках быть* [СДГВО, с. 543]; *сиделец*- дежурный казак при атамане в станичном правлении: *Сиделиц — дяжурный правления. Ф правлении сидельцы были, дяжурили три-чатыри казака на парятку, ф полной форми, с канём. Сиделиц адбывал службу при станичнам правлении* [СДГВО, с. 543]; *односум* - сослуживец по армии [СДГВО, с. 378], *полчанин (полчан)*-сослуживцы по армии, по полку [СДГВО, с. 451] и др.

Вышеприведенные диалектные единицы с ярко выраженной гендерной семантикой помогают нам показать, что некоторые из них в настоящее время продолжают активно функционировать, что говорит об их немаловажной значимости. Ведь на сегодняшний день с возрождением казачества,

возрождается и лексика донского казачества (определенные ее пласты), к примеру, атаманов, как уже было отмечено, до сих пор избирают в станицах.

Военная деятельность донских казаков, являясь ведущей и первозначимой для мужчин, наиболее полно нашла свое отражение в говорах донского казачества.

2.1.4. Военная миссия казачества и ее отраженность в языке

Донское казачество исторически сложилось как замкнутое военно-служилое сословие, для которого, в отличие от основной массы русского социума, был характерен особый образ жизни. Участие в военных действиях, самоуправление, относительная независимость, полное обеспечение со стороны правительства и государства – всё это ставило казачество в особое положение, способствовало образованию замкнутого привилегированного сословия. Своеобразие уклада жизни и быта нашло отражение в лексике и фраземике донского диалекта, на Дону появилось множество слов и выражений, отражающих специфику казачьей военной жизни.

Диалект, являясь формой резервирования и трансляции этнокультурной информации, с удивительной точностью и полнотой вбирает в себя специфические черты истории и культуры казачества, вербализуя в языковом знаке обобщенную информацию о его прошлом и настоящем. В народном языке правдиво отражаются события, типовые ситуации, формы культурного досуга, а также духовность казаков, специфика мировосприятия, процессы осознания отдельной языковой личностью самой себя как части целостной картины мира.

Жизнь, полная военных тревог и опасностей, формировала на протяжении нескольких столетий в степных просторах России особый психологический тип мужчины, с детских лет профессионально связанного с военным делом. В жизни казака военная деятельность и все, что с нею связано, занимает особое место. Достаточно ярко это отражено и в языке.

Таким образом, с «мужским фрагментом» диалектной картины мира мы соотносим в первую очередь те фраземы и лексемы, во внутренней форме которых отражена военная история казачества (*загнать за Можай* - заставить кого-либо отступить [СДГВО, с. 180]; *одна чашка-ложка* - о неразлучных друзьях – какими раньше были воины-казаки на службе [СДГВО, с. 646]; *не оставит кожу на барабан* - сильно избить [БТДСК, с. 342]; *под турецкую границу* - далеко, неизвестно куда, в чужую сторону [РСГ]; *не мня ряды* - не внося панику, не расстраивая боевой порядок [РСГ]; *идти как на шпорах* - идти четкой, решительной походкой [БТДСК, с. 197]; *ходить в пристяжке* — быть в зависимом положении [СДГВО, с. 630]; *служивка* - служивый человек [БТДСК, с. 494]; *вздымать орду* – поднимать шум, скандал [СДГВО, с. 76]; *выпить стремennую* – проводить казака на службу [СДГВО, с. 572]; *выкинуть с десятка* – отбраковать [СДГВО, с. 93]; *у нашего полку нет толку* – у кого-либо ничего не получается (поговорка); *зипуны добывать* — ходить в поиск, за военной добычей: *Мы нынешним летом за зипуном нигде не ходили* [СДГВО, с. 142]; *бить сполох* – бить тревогу, беспокоиться [СДГВО, с. 44]; *лучше живой урядник, чем мертвый сотник* (пословица) и под.).

Т.к. основным видом занятий казачества была военная деятельность, со временем в их языке начинают активно употребляться слова и выражения, используемые в профессиональной речи военных людей: *потерять язык* - замолчать, стать молчаливым [СДГВО, с. 465], *бывать в бывальницах* - об опытном, мудром человеке [СДГВО, с. 61], *не пойти на лихо* - суметь постоять за себя, дать отпор, не дать себя в обиду [СДГВО, с. 444], *посадить на прикол (на кукан)* - привлечь к ответственности; лишить самостоятельности, свободы; арестовать [СДГВО, с. 460], *попасться на кукан* - оказаться в чем-либо подчинении [СДГВО, с. 456], *во рту портянки помоем и высушит* - необыкновенно ловкий, находчивый, изворотливый [СДГВО, с. 454], *показывать голосок* - научиться командовать,

распоряжаться [СДГВО, с. 444].

Многие составные военные термины в силу обобщенности своей семантики перенесены в сферу обыденного общения, что обусловило активизацию фраземо- и лексикообразовательных процессов в данной области. В связи с этим такие этимологически военные выражения, как *идти в отступ*, *идти в наступ*, *брать на приступ*, *наряженный казак*, *сидеть как печенега* и нек. др. употребляются в настоящее время в донских говорах в качестве фразеологических единиц, например: *идти в отступ* - сдаваться, уступать кому-либо в чем-либо; соглашаться с мнением другого: *Не-ет! Этак за себе пастаять ни сумеить. Чуть хто яму реска скажыть, он сраза в отступ идёть* [БТСДК, с. 349]; *наряженный казак* (т. е. казак, находящийся в наряде) - о человеке, которому дано ответственное поручение: *Ты брату никаких заданийи ф ни давай, он уш казак наряжыный, атец яму вилел сену слажыть* [БТСДК, с. 310]; *идти в наступ* - идти в наступление: *Нада итить в наступ, наступать, значить* [БТСДК, с. 312], *брать на приступ*, *пристать на приступ* - добиваться чего – либо силой, настойчивостью: *Прям на приступ бирутть (кухарку) — гатофь трактаристам* [БТСДК, с. 54]; *сидеть как печенега* — ничего не делать, ничем не заниматься, бездельничать: *Сидить как пичинега, хоть варам пад ниво падлей* [СДГВО, с. 543]; *служить пешки* — отбывать казачью или воинскую службу в пехоте: *И пашол пешки служыть* [СДГВО, с. 553] и т. д.

Основная миссия казачества — военная, определившая не только уклад жизни казаков, но и характер сложившихся внутрисоциумных отношений, специфику их мировосприятия, очень ярко представлена в семантике достаточного количества единиц. Многие слова и выражения с внутренней военной семантикой со временем переосмысливаются и начинают активно функционировать в донских казачьих говорах в бытовом контексте.

Помимо диалектных номинаций с внутренней военной семантикой, являющихся гендерно маркированных, есть также и другие понятия, которые

напрямую связаны с гендерными характеристиками, а именно ценностная группа «конь».

2.1.4.1 Ценность «Конь» как гендерно маркированный признак ДКМ казачества

Воинская служба считалась почетной обязанностью казака и неизбежно была связана с конем, следовательно и в данной концептуальной ценности находит отражение проявление маскулинного аспекта.

Каждый казак, который шел служить, должен был позаботиться о коне и казачьей *справе*, т.е. о полном обмундировании, снаряжении, необходимом для службы, в том числе о казачьем седле, которое отличалось от драгунского, к седлу крепилась *торока* — переметная сума, в которой содержатся вещи верхового казака [СДГВО, с. 593] (*Полная амуниция, снаряжение служывава казака — эта справа* [СДГВО, с. 564]). Вся жизнь казака была связана с конем; уже с детства, когда мальчиков «посвящали» в казаки, готовили к воинской службе, у них складывалось особое отношение к коню как к близкому, верному другу, надежному товарищу. Обряд посвящения в казаки на Дону получил название *приучать к коню*, на котором молодых будущих защитников обучали верховой езде: *Приучали к каню, пасвящали ф казаки* [СДГВО, с. 480]. С конем в жизни казака-воина связана не просто мобильность, скорость, удача, но и такие непреходящие ценности, как дружба, верность, надежность, да и сама жизнь [Брысина, Кудряшова, Супрун, 2005].

Великая любовь, привязанность казака к коню, своему боевому, верному товарищу отражена и в донских казачьих песнях, которых насчитывается немалое количество:

Ой да, во ногах-то стоит душа до... душа добрый конь.

Ой да, он стоит-то, свою низко го... голову клонит,

Ой да, всё хозяина своо пробу... пробуживает:
«Ой да, устань, проснись, хозяин мой ла... ты мой ласковый,
Ой да, укажи жа ты мне путь доро... путь дороженьку!»
«Ой да, уж ты, коник, конёчек-това... конь-товарищ мой !
Ой да, оборви ты, коник, шелково... шелковой чумбур,
Ой да, побегу жа, коник, да на Ти...да на Тихий Дон
[Листопадов 1950,с. 285]

«Коня даю тебе лихого.
Он верный друг был у меня,
Он твоего отца родного
Носил в огонь и из огня.
Конь боевой всего дорожке,
И ты, сынок, им дорожи,
И лучше сам ты ешь похуже,
Коня же в холе содержи!» [Листопадов 1950, с.304]

Ой да, журит, бронит донской казачёчек,
Ой да, свою жану молодую,
Жану молодую.
Ой да, за что журит, за что казак бронит?
Ой да, за конёчка боевого,
Коня боевого.
«Ой да, почему жа конёчек не весел,
Ой да, головушку он повесил [Листопадов 1950, с.306]

Приведенные тексты еще раз подчеркивают то, с какой любовью, нежностью и заботой относился казак к своему коню (*душа добрый конь, коник, конёчек, конь-товарищ мой*), такого отношения даже не заслужила его жена, которую казак бранит за своего боевого товарища, а в наставлениях

отца мы опять же видим приоритетное положение коня, никак не сына-казака (*лучше сам ты ешь похуже, коня же в холе содержи*).

Конь для казака был больше, чем лошадь, и казаки называли этих животных только конями, вкладывая в это понятие свой смысл. Именно поэтому нами найдено всего лишь 3 диалектные единицы с дефиницией «лошадь» такие, как *пить как лошадь* — много пить спиртного, пьянствовать [СДГВО, с. 421]; *стоялая лошадь* - о лентяе, бездельнике, лодыре: *Лодырюки, — и повторил твёрже: — Лошади стоялые. Жрут, а потом жир сгоняют* [СДГВО, с. 304]; *ходить как лошадь на чигире* — ходить без цели, без толку проводить время; вести однообразный, спокойный образ жизни: *Ты ходиш, как лошадь ф чигире* [СДГВО, с. 620] (ср. *бегать конем* — быстро, резво передвигаться [СДГВО, с. 38]). Это еще раз объясняет тот факт, что лошадь, как особь женского пола, не представляет никакой значимости и ценности для донских казаков, как конь (особь мужского пола, самец), поэтому диалектные единицы с концептуальным понятием «лошадь» абсолютно лишены положительной семантики и несут в себе отрицательную оценочность, в связи с этим понятие "лошадь" гендерно оформлено по женскому признаку.

Конь у донских казаков являлся основным участником многих обрядовых событий, в том числе и состязательного характера. Так широко известен на Дону мужской обычай *поднимать платок (платочек)* — это один из приемов джигитовки: на скачущей лошади поднять брошенный платочек (*Дефка бросит платочик, нада яво паднять на скаку, эта такая джыгитофка казачья. Если паринь хочить девушки панравицца, ана паткидываит платок, а он должын на фсём скаку паднять яво* [СДГВО, с. 437]). Еще одним из приемов казачьей джигитовки является *рубка лозы* — проверка ловкости казака на скачках во время праздников: нужно было на полном скаку шашкой срубить воткнутую в землю лозу (*Они соревновались на скорость в различных дистанциях, выполняли рубку лозы и всевозможные*

гимнастические упражнения [СДГВО, с. 520]). Все эти различные конные игры, столь популярные у донских казаков, в своей изначальной сущности были показательной проверкой боевой сноровки всадника и его коня. Большое внимание при этом уделялось выработке казаком-воином силы, гибкости, ловкости, отваги, настойчивости, чувства равновесия, умения одновременно управлять конем, владеть своим телом и оружием. Немаловажную роль при этом играла и выработка необходимых боевых качеств коня: выносливость, скорость, маневренность, подчинение всаднику.

Согласно вышесказанному, сложившиеся в донском казачьем обществе бытовые ассоциации с такими качествами коня, как физическое здоровье, сила, ловкость, выносливость, резвость, способствовали образованию таких гендерно маркированных оборотов как *стоялый жеребец* — сильный, крепкий, упитанный человек [СДГВО, с. 169]; *неезженный жеребец*, *выездной жеребец* — мощный, сильный, здоровый мужчина [СДГВО, с. 169]; *бегать конем* — быстро, резво передвигаться [СДГВО, с. 38], а ассоциации с внешним видом коня — лексические, *конистый* — стройный, с хорошей осанкой [БТСДК, с. 229-230], такие номинации как *конь с яйцами* — сильный, мощный, крепкий человек; *коневитый*

Конь изначально был верным боевым другом казака. Подтверждением данного глубокого чувства казака-воина к своему верному боевому товарищу-коню является значительное число устойчивых выражений, ср.: казачьи поговорки - *казак голоден, а конь сыт; бесконный не казак; казак без коня, что орел без крыльев* [СДГВО, с. 229]; *конь — душа казака; побереги коня один раз, а он тебя — десять раз; конь возит воду, и воеводу; от сивки от бурки* - не имея никаких оснований; *и на коне и на войне был* — об опытном, ловком, лихом человеке [СДГВО, с. 259]; *держатъ дорогу* - верно ориентироваться в пути, не сбиваться с пути [БТДСК, с. 131]; *подпрячься на пристяжку* - увязаться следом, примкнуть к уже состоявшейся компании [СДГВО, с. 438]; *при силе да при стремени* - о мужчине, сохраняющем силу,

бодрость, сноровку; *быть на коне и под конем* – об опытном человеке [СДГВО, с. 62]; *не в своем седле*- чувствовать себя неудобно, некомфортно; *наехать конём*- резко наскочить, не дать опомниться и т. д. Данные фразеологические и лексические единицы, где так или иначе присутствует образ коня, по праву являются андроцентричными.

Через данное ассоциативное поле нередко определяются межличностные контакты: *сналыганный друг* - надежный, верный друг [БТДСК, с. 497]; *сидёлка да подруга* – лучшие друзья [БТДСК, с. 479]; *топтать стёжку (тропку)* - устанавливать близкие отношения, закреплять знакомство; *в одной упряжке* — вместе, совместно, сообща [СДГВО, с. 613]; *схомутиться* — сдружиться, связаться, войти в предосудительные отношения [СДГВО, с. 580]. Конфликтные отношения отражают такие номинации как *натянуть поводья*- ограничить свободу действий; *затянуть уздечку* – с тем же значением. Внешность человека характеризуется выражением *рожа конем не наедешь* - 1) о толстом человеке; 2) о суровом, сердитом человеке. В донском казачестве очень был распространен обычай *выпить стременную (стременную рюмку)*, т. е. жена или любимая девушка перед расставанием, когда казак уходил на военную службу, подносила ему рюмку спиртного, в тот момент, когда он садился на коня и ставил ногу в стремя: *Пирид уходам казака на службу выпивают стриминную рюмку* [СДГВО, с. 523]. В настоящее время это выражение употребляется в ситуации расставания любого характера, «последняя рюмка в конце застолья».

С отдельными характеристиками коня по его функциональным, биологическим свойствам, внешности, типу упряжки и т.д. связаны диалектные лексемы и фраземы *идти с придавом* - идти четкой поступью, четко вышагивать – как конь, резко выбрасывая ноги вперед [БТДСК, с. 197]; *водить за ноздри* - делать с кем-либо что вздумается, подчинить своей воле [БТДСК, с. 81]; *въестся в холку* - тревожить, досажать, порядком

надоесть; *подтянуть на все гужи* — стараться, прилагать все силы [СДГВО, с. 617]; *подтянуть повод* — привести в покорность [СДГВО, с. 440]; *получить в задривок* — быть побитым, наказанным [СДГВО, с. 450]; *попускать повод* — делать поблажки, ослаблять контроль [СДГВО, с. 458]; *как прикованный* — о неподвижном, неповоротливом [СДГВО, с. 475]; *грива на гриве* - орех на орехе [БТДСК, с. 118]; *взяться за стремя* - публично обнаружить близкие взаимоотношения с казаком, прилюдно проводив его на службу; *усесться верхом* — покорить, подчинить себе, заставить работать на себя [СДГВО, с. 614]; *тянуть на аркане* — принуждать, заставлять [СДГВО, с. 604]; *снять с себя хомут (ярмо)* — освободиться от забот, от тяжелой работы [СДГВО, с. 556]; *спускать (отпускать) вожжи (поводок, поводья)* — делать поблажки, ослаблять требования, предоставлять излишнюю свободу [СДГВО, с. 565]; *не шибеешь оглоблей* — кто-либо крепкий, сильный, мощный [СДГВО, с. 580]; *смерть в тороках у кого-либо сидит* — о постоянной опасности, присутствующей в жизни казака-воина (*Какие, скажи, люди есть, шутки шуткуют, а в тороках у них смерть сидит* [СДГВО, с. 554]) и т.д.

Вообще, слово *конь* в зависимости от ценностно-смыслового контекста получает либо значение «самый верный, надежный друг, первый помощник», либо принимает значение «физическая выносливость, сила, скорость».

Как видим, приоритетные ценности военной сферы бытия казачества (в данном случае, концептуальная ценность «конь»), активно переносятся в область повседневного общения и образно отражаются в языке, что, безусловно, является показателем их значимости в жизни и сознании казаков, а также ярким свидетельством проявления гендерной асимметрии, в данном случае четко выраженной маскулинноцентричности в области данных диалектных единиц, отражающих непосредственно мужской взгляд на мир.

2.1.4.2 Гендерно маркированная ценность «Служба» в языковом сознании донского казачества

Большую часть своего времени казак проводил в военных походах, в военных действиях, защищал от врагов свой родной край. Поэтому отношение к службе было особенно трепетное в казацкой среде.

Как военнообязанный казак мог в любое время быть призванным, и ничто, кроме смерти или тяжелой болезни, не освобождало его от изнурительной военной службы.

В словарном арсенале казачества значительное место занимает гендерно маркированная собственно военная лексика, причем степень активности многих военных терминов меняется в разные исторические периоды, ср.: 1) названия самих казаков, так или иначе связанные с их военной миссией: *атаман* — выборный руководитель в казацких войсках и селениях [СДГВО, с. 25], *войсковой, наказной атаман* - главный руководитель Войска Донского, который наделен верховной властью на Дону [СДГВО, с. 25], *кошевой атаман (кошман)* - начальник коша - казацкого лагеря [БТДСК, с. 28], *полковник* — старший офицерский чин в казацких войсках, следующий за войсковым старшиной [СДГВО, с. 448], *вой-казак* — боец, воин: *Энта был храбрый вой-казак* [СДГВО, с. 85], *жалмер* — солдат: *Апять жалнер уйдёт, а жалмерка ждать будить* [СДГВО, с. 165], *гетман, джура, коновод, малолеток* — подросток допризывного возраста [СДГВО, с. 310]. В старой армии малолетками назывались юноши до 19-летнего возраста, т. е. до записи в служилые казаки (*Вы ищо малалетки, выраститя нямнога*), *нукер, однодворец, односум* - одногодок, сослуживец по армии [БТДСК, с. 335], *полчанин* — сослуживец по армии, полку, однополчанин [СДГВО, с. 451]; *полчок* — однополчанин [СДГВО, с. 451]; и некоторые другие; 2) наименования оружия: *булат, винтовка, гурда, нагайка* - часть казацкого снаряжения: ременная плеть с костяной или металлической ручкой, служащая холодным оружием, имеющая на конце небольшую

свинцовую деталь, находящаяся во время конной езды в левой руке, в другое время — за голенищем [СДГВО, с. 332], *насека* - атаманская трость [Миртов, с. 198], *палаш*, *пика*, *самострел*, *полоса* (рубящее и колющее холодное оружие с длинным клинком, шашка) и др.; 3) названия предметов одежды, воинских регалий: *бунчук* - булава атамана [Миртов, с. 31], *бурка*, *епанча* - верхняя одежда от дождя, плащ [СДГВО, с. 161], *лампас* - цветная полоса с кантом в промежутке, нашиваемая по наружному шву форменных брюк [СДГВО, с. 293], *папаха* - зимняя казачья мужская шапка с высокой прямой тульей [СДГВО, с. 404], *сагайдак*, *тумак*, *шпоры* и др.; 4) наименования воинских отрядов: *бекет* - пограничный сторожевой пост [БТДСК, с. 40], *сотня* - казачье подразделение, соответствующее эскадрону в регулярных кавалерийских частях [СДГВО, с. 561], *казачий полк*, *рота* и др.; 5) наименования тактических приемов ведения боя: *вентерь*, *лава казачья*, *рейд*, *сбатовка* и др. [Брысина, 2005].

До настоящего времени в традиционном донском диалекте, особенно в рассказах, воспоминаниях казаков продолжают употребляться специфические донские слова и выражения, отражающие старинный казачий быт, военные занятия. К ранее приведенным словам и выражениям можно добавить: *атаманец* - атаманцами называли на Дону казаков, которые служили в *Атаманском полку* - это полк лейб-гвардии русской армии, состоявший из специально отобранных казаков и несший службу при царском дворе)[БТДСК, с. 28] (обычно туда отбирали рослых и красивых казаков. В дальнейшем стали употреблять это слово в переносном значении, говоря о ком-либо видном, красивом), *есаул* — помощник войскового атамана, исполнитель решений круга и приказаний атамана в походах [СДГВО, с. 162]; *есаулец* — наемный казак при станичном атамане, выполняющий его поручения [СДГВО, с. 162]; *хорунжий* — первый офицерский чин в казачьих войсках, соответствующий сержанту [СДГВО, с. 633], *сотник* — офицерский чин в казачьих войсках, следующий за

хорунжим [СДГВО, с. 561]..

Казак на Дону всегда ассоциировался с образом воина, служивого человека: *не рассказывай казаку азовские вести* – не говори о том, что казак знает лучше других; *на то казаком и родился, чтоб царю сгодился* – основная миссия казака – воинская служба; *ломать службу (службицу)* – служить в армии [СДГВО, с. 302]; *рубь меня, татарская сабля, не бей меня, царская плеть* – смерть от рук достойного противника лучше унижения наказанием от царских чиновников; *быть в армиях* – быть в армии; *боец* – сильный, смелый, бойкий человек [СДГВО, с. 47]; *по-муштински* – вести себя по-мужски [БТДСК, с. 400]; *стуцыр* – храбрый солдат, молодец [БТДСК, с. 516]. Воинская служба считалась почетной обязанностью казака.

Следует отметить, что казак-воин как этнокультурный феномен представляет для жителей Дона значимость и уникальность. Казак – это прежде всего военный человек; представитель военного сословия, на окраинах России и используемого царским правительством для охраны границ и порядка в государстве; в настоящее время — представитель казачества, субэтноса русского народа: *Кзаки — те, хто жывётъ ф станицы, на хутарам. А кзаки — эт уже Придонье, хутара; Кзаки — это военизированное сословие русской нации. Кзак отличается от других русских состоянием духа, а не фамилией* [СДГВО, с. 229]. Различают **верхового казака** - 1. представитель этнографической группы казаков, живущих в верховьях Дона: *Когда-то давно прозвали верховых казаков «новоприходцами». И вот к ним низовские, сроду богатые да справные, относились несколько свысока* [СДГВО, с. 229]; ~**низовой казак** - Представитель этнографической группы казаков, живущих в низовьях Дона; **низовец** [СДГВО, с. 229] ; ~ **Сиднечный казак**. Устар. Дежурный казак при атамане в станичном правлении; то же, что **сиделец**: *Бегить сиденочный казак, докладает: так и так, мол, по случаю престольного праздника и правительство, и народ просят в станишное* [СДГВО, с. 229]; ~

Хомутовый казак. Устар. Казак, обязанный выделить подводу с лошадьми для перевозки казённых пассажиров: *На Зимняке опять пришлось ждать, пока перепрягали лошадей. А перепрягали потому, что у «хомутовых» казаков, подлежащих подводной повинности, были какие-то свои счета и очереди* [СДГВО, с. 229]; **казаковать** – нести службу в казачьих полках; быть в походах, участвовать в войнах, набегах, сражениях: *Дяды наши казакавали на многу лет* [СДГВО, с. 229]; **жить как казак с татариним** – жить в постоянной ссоре, враждовать; **наряженный казак** – о человеке, обремененном важным заданием [БТДСК, с. 310]. Казак – это смелый, выносливый воин: *казаку в бою смерть красна* – казак храбр, он не боится смерти.

Среди лексического состава и устойчивых сочетаний слов – фразеологизмов – образующих идиоматическое пространство донских говоров, выделяется достаточное количество таких единиц, в семантике которых эксплицитивно или имплицитивно представлена основная миссия казачества – военная, определившая не только уклад жизни казаков, но и характер внутрисоциальных и межэтнических отношений, специфику их мировосприятия и миропонимания. И в связи с этим лексика и фраземика данной области гендерно маркирована, она непосредственно связана с казаком-мужчиной, с мужской сферой деятельности.

Лексический и фразеологический корпус донского казачьего диалекта содержит в себе единицы, выражающие представления о таких категориях уникальных ценностей человека, как служба, конь, военная миссия и под., являющихся непосредственно маскулинными, ведь все что связано с военной сферой деятельности, отражает мировосприятие казаков-мужчин. Женское же мировосприятие иное, чем у мужчин, и базируется абсолютно на других ценностных категориях (эмоциональная сфера, ведение хозяйства, забота о детях и семье, умение вести семейный быт в отсутствии мужа и т. д.).

2.2 Фемининные признаки диалектной картины мира казачества

Жизнь, полная военных тревог и опасностей, формировала на протяжении нескольких столетий в степных просторах России особый психологический тип мужчины, с детских лет профессионально связанного с военным делом. Однако за предприимчивыми, смелыми и гордыми сынами казачьих земель неизменно следовали женщины – казачки.

В начальный период зарождения оседлой жизни казак на жену имел «власть неограниченную». Об этом свидетельствуют летописные источники, казацкие песни и предания. В «Исторических очерках Дона» Краснов А.П. следующим образом описывает отношение казаков былого времени к женщинам: «Если мужу надоедала семейная жизнь, если вдруг потянет его в большой и опасный долгий поиск, из которого он не надеется вернуться целым и невредимым — выводил он жену на майдан и объявлял казакам: *«Вот атаманы-молодцы, поглядите, - кому любя, кому надобна?.. Она мне гожа была, работаща и домовита. Бери, кому надобна»*. За деньги, за вещи, а иногда и просто за попойку муж отдавал свою жену, пропивал ее». Но, если не находилось желающих взять в жены, то казак отпускал ее на волю. [Краснов 1943, с.16].

Свободным и вольным чувствовал себя казак без жены. Жена для него была обузой. В одной старинной казацкой песне, ясно выражен, взгляд описываемого времени на женщину:

Собирались казаки-друзи во единый круг;

Они стали меж собою, да все дуван делить.

Как на первый-от пай они клали пятьсот рублей,

На другой-то пай они клали всю тысячу,

А на третий становили красну девицу.

Доставалась красна девица доброму молодцу.

Как растужится, как расплается добрый молодец (которому

досталась девица):

*Голова ль ты моя, головушка несчастливая,
Ко бою ли, ко батальице ты не первая,
На паю-то, на дуване ты последняя!...* [Краснов, 1943 с. 17].

Достоверно известно, что процесс формирования казачества как особого субэтноса протекал довольно долго и сложно. В первые годы своего существования казачьи ватаги представляли собой исключительно мужское сообщество, состоящее из беглых крепостных, каторжников, разбойников, скрывающихся от правосудия и под. Понятно, что в условиях кочевой жизни не могло быть и речи о семье: до XVII века включительно верховная власть — Казачий круг — под угрозой смерти запрещал казакам обзаводиться семьей и хозяйством, а появление в казачьем стане женщины считалось предвестником грядущих бед. Более двух веков в глазах казака жена была почти невольницей, рабой, вещью, предметом купли и продажи. Женщина не представляла для казака никакой ценности.

Со временем общественные связи менялись, семейные отношения претерпевали изменения, и, несмотря на то, что казачьи обычаи продолжали оставаться нормой поведения между супругами, все-таки в последней трети XIX столетия они приобрели более справедливый характер.

Если в образе казака история запечатлела такие свойства, как лихость, отвагу и вечную неустрашимость, то в образе казачки — сильный неукротимый нрав, деловитость, преданность семейному очагу. Это верная, преданная жена, заботливая мать и экономная хозяйка: *«Забота молодайки, жившей у батюшки с мамушкой без горя и нужды, в том состоит, чтобы не с голыми руками встретить мужа по его возвращению со службы. Уронивши хозяйство, она роняет свое человеческое достоинство в глазах всей честной станицы и в своих собственных»* [Номикосов, 1884].

В диалекте донского казачества женщина оценивается с разных сторон: внешности, поведения, отношения к трудовой деятельности,

интеллектуальных способностей. Данный факт объясняет наличие в донских говорах большого количества наименований женщины-казачки, обладающих высокой эмоциональной выразительностью. Проведем лингвокультурологический анализ диалектных языковых единиц, которые отражают особенности социальной, культурно-исторической и бытовой сфер жизнедеятельности донской казачки, т.е. несут в себе признак феминности.

2.2.1 Образ казачки и языковые средства его репрезентации в диалекте

В казачьем социуме было очень важным то, как выглядит женщина. Многими историками доказано, что казачки всегда отличались особенной красотой, умом и силою. К примеру, А. Ригельман, первый историк казачества, так описывал женщин Дона, живших в XVIII веке: «Жены их лица круглого и румяного, глаза темные, большие, собою плотные и черноволосые, к чужестранцам неприветливы» [Ригельман, 1846]. Данный факт подтверждается наличием значительного числа номинаций казачки по внешнему виду. ср.: *бабень* [БТДСК, с.29], *бабенюшка* [там же], *девка от голодного года* – толстая, упитанная женщина или девушка [БТДСК, с.111]; *колбёха* [БТДСК, с.223], *копна* — *Перен*. Толстая, неповоротливая, полная женщина [СДГВО, с. 260]; *яловка* — упитанная, в меру толстая, полная [БТДСК, с. 604]. Напротив, худоба женщин-казачек осуждалась и пренебрегалась казаками, ср.: *ни спереди ни сзади* кого-л. - 1. О худой, тощей, сухопарой, малопривлекательной девушке или женщине [СДГВО, с. 562]; *как сула* — 1. О худой женщине [СДГВО, с. 577]; *чехонда* — 2.*Перен*. Худая, нескладная девушка: *Завидовала Стеше Аришка. Даже лифчик себе с ватными грудями сшила. Вот кому Бог не дал тела...и не стал бы он (Лука) обзывать ее «чехондой сушёной» — чехонью, значит, рыбой такой, что весной в Медведице бывает <...> Да кому ты нужна, чехонда чешуйчатая*

(Е. Кулькин. Смертный грех) [СДГВО, с. 653]. Для выражения оценки красоты, привлекательности девушки, женщины употребляют такие наименования, как *белянушка*, *кукла* [БТДСК, с. 42], как *хрустальная кукла* — красивая девушка с белым лицом: *Ху, такая белая, да как хрустальная кукла, да красавица такая, и сонца как бута ни видала* [БТДСК, с. 248]; *забуретка* — девушка с румяными щеками [СДГВО, с. 177].

Смешение славянских и азиатских кровей обусловило появление некоторых особенных внешних черт белого населения, осевшего на Дону. Итак, попробуем нарисовать словесный портрет казачки.

Казачка обязательно «чернобровая» или «с черными бровями»:

Ой, ты прости жа, прощай, вот, моя разболезочка,

Да сы чёрными сы бровя... с чёрными бровями, жалочка!

«Чернобровая» становится постоянным эпитетом донской казачки. У нее всегда белое, румяное лицо:

«Ой да, здрастуй, девочка,

Будто, чернобровочка,

Ай, жалкая да моя!

Ой да, твоя личика,

Беленькая личика,

Ай, как белой да снежок.

Ой да твои бровочки,

Твои брови черные,

Ай, будто, как шнурок!»

Ай, посмотрел бы вот, я свою милую,

Ей, её личка белая да ровно зонный платок,

Ну, её-то щёченьки, ну и, щёченьки-то у бабочки,

Они румяные да ровно аленький цветок.

Глаза чаще всего определяются как черные, реже серые.

*Ай, ну и, бровочки-то у красоточки,
Ей, брови, они чёрные, ровно тоненький шнурок,
Ох и, у ней глазушки, да глаза-то у ней пригожие,
Вот и, глаза чёрные да ровно спеленький тернок.²*

Обращают на себя внимание используемые в текстах песен сравнения: брови черные, как тоненький шнурок; глаза казачки сравниваются с черными ягодами тёрна – дерева, широко распространенного по Дону, сама она – с утицей, перепёлочкой и под. Практически всегда за основу сравнения в песне, быличке, сказке берется некий предмет, хорошо известный казакам, отражающий ассоциативный строй их мыслей [Брысина 2011, с. 59].

Существует множество разных наименований девушек красивых, привлекающих к себе внимание: *приглядчивая* – красивая, статная девушке [СДГВО, с. 472]; *достойница* – красавица; *умильная* – миловидная, привлекательная: *Умыльная девушка, прихарошынская* [БТДСК, с. 543]; *гоголка, гоголушка* — 3. *Перен.* Статная, красивая женщина [СДГВО, с. 111-112]; *живьем бы съел* – характеристика девушки красивой, желанной [БТДСК, с. 155]; *из окна продать* — об очень красивой, привлекательной девушке [СДГВО, с. 484]; *червонная* — 2. *Перен.* Красивая, привлекательная, приятная на вид [СДГВО, с. 650]; *лукавица* — кокетливая красивая женщина [СДГВО, с. 304], а вот выражение *потерять девичий цвет* употребляется в значении 1. *Постареть, утратить привлекательность, девичью красоту* [СДГВО, с. 465].

В донских казачьих говорах также выделяется значительное число диалектных единиц, характеризующих казачку по опрятности и аккуратности в одежде, причёске и т.п. Неопрятность и неряшливость

²Листопадов А.М. Песни донских казаков. Под общ. ред. д.ф.н. проф. Сердюченко Г. - М., Музгиз., 1950-1951 год, Т.2,3.

женщин-казачек всегда осуждалась донским казачьим обществом. Ярким подтверждением данному факту служат следующие языковые единицы: *чувычка, чухоня* [СДГВО, с. 665], *хлюстанка* [СДГВО, с. 628], *захлюстанка* [СДГВО, с. 202], *Устя рукава спустя* — неаккуратная, неопрятная женщина, *неряха, грязнуля: Пятро долга ни жанилси, а уж взял такую чувычку, ни ф хати, ни на базу парятку нет* [СДГВО, с. 614]; *чупокрутка* — грязная женщина [СДГВО, с. 664]; *волоха* [СДГВО, с. 86], *меланья* — неопрятная: *Яблака от яблани нидаляко падаить. Мать иё была миланьяй, и ана фся в ниё* [СДГВО, с. 315]; *засмыга* — грязная, немытая девочка [СДГВО, с. 198]; *захлюстайка* [СДГВО, с. 202], *захлюстанка* [там же], *замаруха* [БТДСК, с. 174], *замурьшка* [СДГВО, с. 192], *занехаянная* — *Пориц*. Грязнуля, нечистоплотная, неаккуратная женщина [БТДСК, с. 175]; *куделя* [СДГВО, с. 279], *кутла: Ну, прикулёмилась, как кутла. Ну, пашла кутла людей пугать* [СДГВО, с. 289], *лахудра* [СДГВО, с. 294], *лахундра* [там же], *лохмуша* — неопрятная женщина с непричесанными, растрепанными волосами [СДГВО, с. 303]; *мазанка* — 1. женщина в грязной одежде: *Да ана мазура сафсем, мазанка грязна* [СДГВО, с. 308]; *раскурава* [БТДСК, с. 450], *расхлебенья* [БТДСК, с. 454], *мазура* [СДГВО, с. 308], *немытка* [БТДСК, с. 319], *хлоня* — грязная, неухоженная женщина: *Идеть как хлоня, пальтушки распустила и полы растапырила* [БТДСК, с. 557].

Яркий образ донской казачки, подчеркнутый аккуратностью и красотой ее наряда, опрятной внешностью находит в диалекте положительную оценку, ср.: *разубратая* - о женщине разодетой, нарядной [СДГВО, с. 504]; *чепаруха* – чистоплотная женщина, щеголиха [БТДСК, с. 573], *фрейда* – модно, но не к лицу одетая женщина, та, которая слишком высокого мнения о себе [БТДСК, с. 551]; *выряжуха* [СДГВО, с. 99], *нарядуха* - любительница наряжаться, щеголиха [СДГВО, с. 344]; *подлоскутиться* — 2. Одеться в хорошую, нарядную одежду, принарядиться, приодеться [СДГВО, с. 436]; *шабаловка* — женщина, уделяющая чрезмерное внимание одежде [СДГВО, с.

ббб]; *чепурная* — любящая наряжаться, изысканно одеваться, склонная к щегольству [СДГВО, с. 650].

Определенные особенности жизни казаков отразились на их одежде. Своеобразный вид одежды донского казачества складывался веками. Особенности поведения казаков, их культура, традиции, обычаи, нравственные и этические нормы, язык во многом определены этнической психологией казачества, его мироощущением, что находит свое отражение и в наименованиях одежды.

В донском диалекте гендерно маркированными являются многие ценности, не является исключением и наименование женских видов одежды, которые определено свойственны только женскому микромиру.

Старинный женский казачий костюм отличался значительным разнообразием. Его специфика объяснялась происхождением казачек, приносивших на Дон традиции тех мест, откуда они были родом. Среди казачьих жен были русские, украинки, татарки, турчанки: «Из Крыма везли красавиц крымских татарок, счастливое сочетание татарской, ногайской крови с кровью романской... С Кавказских гор приводили стройных горянок, черкешенок, осетинок, дагестанок и грузинок. С берегов Анатолии гордых малоазийских турчанок-османок» [Краснов 1943, с.14-15.]. Соответственно и в женском костюме просматривались разнородные стили и традиции.

Калинина М.В. в своей работе отмечает, что исследователи старинного казачьего быта обычно выделяют 5 основных комплексов женской одежды: 1) с *понёвой* и *рогатой кичкой* (в верховьях Дона) (Рис. 9); 2) с *сарафаном* и *кокошником* (верхний и средний Дон) (Рис. 10); 3) с *сукманом* (Усть-Медведицкий округ) (Рис. 11); 4) с *кубельком* — платьем, сходным по покрою с платьем кавказских народов (Рис. 12); 5) с *кофтой* и *юбкой* — городской комплекс XIX в. (Рис. 13).

Основным элементом всех этих комплексов была нательная *рубаша* (Рис. 14). Она имела туникообразный крой (в виде буквы «Т»), спускалась

почти до щиколоток. Одежда, надеваемая поверх рубахи, была различной в разных местах.

Следует отметить, что, как и у казаков, в одежде верховых и низовых казачек были отличия. У верховых казачек полный женский костюм включает *рубаху*, надеваемую прямо на тело. Она состояла из *шефлина* - верхней части, *подола* - юбки, обшитой по низу красной каймой, и пышных рукавов на манжете. Все части рубахи шились из материала разного качества и расцветки.

Поверх рубахи надевался *балахон*, который девочки начинали носить с 13–14 лет. Балахон — это вид распашной одежды с застежкой до талии на пуговицы и воздушные петли, с узким коротким рукавом [СДГВО, с. 33].

Зимой поверх костюма казачки надевали *куфайку* [СДГВО, с. 290]. Этим словом называлась запашная одежда черного цвета с длинными рукавами. Весной и осенью в будни носили *куфаёнку* – короткую до талии, запашную, с коротким рукавом, стеганую, черную [там же].

Старинный наряд низовых казачек сочетал в себе элементы русского, турецкого и татарского костюма. Сходство с турчанками придавали *шалъвары* – штаны из атласа или другой легкой материи. Костюм включал длинную *рубаху*, верхняя часть которой шилась из шелка, рукава и плечи – из парчи, а подол – из полотна. Вокруг шеи на рубахе были узоры, называвшиеся у казаков словом *ожерелок*, *жерелок* [СДГВО, с. 379]. Еще в Древней Руси расшитый воротник рубахи именовали *ожерельем*. Такой воротник изготавливался отдельно от рубахи и пристегивался к ней пуговицами. Поверх рубахи надевался *сукман* [СДГВО, с. 518], или *кубелёк*, надевается он поверх длинной шелковой рубашки. Спинка у него цельная с тугой талией, рукава прямые и узкие [СДГВО, с. 277]. Кстати, *кубелёк* был предметом роскоши и служил нарядом для женщин более зажиточных семейств. Дополнял костюм бархатный *пояс*, выложенный жемчугом,

золотыми или серебряными бляхами. [Калинина 2008, с.96].

В связи с быстрым ростом в казачьей среде неказачьего населения, яркий красочный старинный женский костюм уходит из быта, ему на смену приходит комплекс юбки с кофтой. Юбки были длинные и очень широкие, особенно густо их присборивали сзади, по низу пришивали широкие сборки. Кофточки обычно шили из той же ткани, что и юбку, это на Дону называли *парой*.

Основной поясной одеждой донских казачек являлась *понёва* (*поня*, *понька*, *понява*, *понявка*) — один из наиболее древних компонентов русской одежды (Рис. 20). Считалось, что понёва — это одежда только замужних женщин. Однако, замечено, что ее носили девушки, достигшие совершеннолетия, а замужние женщины носили ее пока не состарятся.

Необходимым предметом казачьей женской одежды был *фартук*. В повседневном наряде он выполнял утилитарную роль, защищал одежду от загрязнения, а в праздничном костюме был дополнительным украшением. Крой фартука был прост. Шился он из прямоугольного яркого полотнища, соборенного под обшивку, украшенного каймой-построчкой [Астапенко 2002, с. 71].

Фартуки были разного фасона – с нагрудниками (*нагрудкой*), и без, квадратные или полукруглые, с украшениями или без них. Были фартуки, которые предназначались для работы и праздника, только для молодых или только для пожилых женщин. Все они назывались они по-разному: *завеса*, *завеска* - женский передник, фартук без нагрудника [СДГВО, с. 178], *завязка* - передник, *занавеска* - женский передник, фартук без нагрудника [СДГВО, с. 192], *запань* - фартук у рыбаков, *запаска* - одежда в виде куска материи, которой казачки до XIX в. запахивались вместо юбки, передник [Миртов, с. 106], *запон*, *запон*, *запонка* – фартук [СДГВО, с. 194], *зипун* - женский передник (наряду с употребительными – *фартук*, *перёдник*) (Рис. 15) [СДГВО, с. 209]. При этом, – отмечает Р.И.Кудряшова,

– названия четко закреплены за определенной территорией – в соответствии с группами донских говоров, очертания которых сближаются с границами старых административных округов бывшей области Войска Донского [Кудряшова 1995, с. 66].

Важным элементом костюма казачки являлся головной убор, у девушек и замужних женщин он был различен. Казачки всегда покрывали свою голову платками, носили их в полном соответствии с семейным положением – замужняя женщина никогда не показалась бы на людях с непокрытой головой. Обязательное покрытие женской головы идет с древних времен и связано с поверьем древних славян о том, что волосы женщины обладают магической силой. Выходя из дома, она становилась членом чужого рода и, чтобы не принести вред своему мужу и его родне, она должна была тщательно прикрывать все до единого волоска.

Головных уборов было очень много (Рис. 21). Девушки носили налобные *повязки* или *кокошники* (Рис. 16) из красного бархата [МАС, с. 70]. Косу украшали *лентами*. Головные уборы замужних женщин отличались разнообразием: *рогатые кички* (Рис. 17) [СДГВО, с. 245], *тюрбаны* [Миртов, с. 330], *файшонки* (Рис.18) [СДГВО, с. 620] и т. д. Укладывая волосы «*плетённой*» (из двух кос) [СДГВО, с. 423] или «*шишом*» (в виде пучка), замужняя женщина обязательно покрывала голову тканевой шапочкой – *шлычкой* [СДГВО, с. 676]. В начале XX в. казачки стали носить *шлычки* «на шиш», т. е. в виде колпачков, закрывавших только пучок волос. Поверх шлычек надевали платки или шали. На смену *кички* пришел *колтак* (тканый мешочек, заканчивающийся махром, часто украшенный бисером и вышивкой [СДГВО, с. 255]) (Рис. 19) [Калинина 2008, с.98].

Следует отметить, что в цветовой гамме женского костюма отражается возрастная функция. С возрастом женщины изменяется колорит костюма: на смену ярким цветам приходят более спокойные тона, в одежде пожилых женщин преобладают синий или черный цвет; богатство отделок и

украшений с возрастом сменяется скромностью и сдержанностью.

Итак, общий стиль одежды донских казачек складывался в быту на протяжении длительного времени, он всегда соответствовал облику донской казачки, ее образу жизни, труду, идеалу красоты. Все детали в донской казачьей одежде определяли ее особенности, создавали ее колорит. С одной стороны, одежда донского казачества это материальные ценности, созданные человеческим трудом, с другой, - это произведения искусства, эстетически отражающие облик человека.

2.2.2 Семейные функции. Роль женщины в казачьей семье и ее отражение в языке

Спустя некоторое время, когда казачество принимает оседлый образ жизни, появляются первые семьи. Четкая раннеэтапная социализация ролей («ритуализация пола»), когда мужчина-казак занимался исключительно военной деятельностью, а женщине была отведена роль «шатерной жены», являющейся по сути своеобразным «приложением» к вольной жизни казака, определенным образом повлияла на формирование культурных, а затем и языковых стереотипов в казачьей среде. Доминирующий андроцентризм демонстрирует нам явное пренебрежение как женщиной, так и семьей в целом, ср.: *лучше смерть в поле, чем в бабьем подоле* [Даль 1862, с. 787]. Важно отметить, что пренебрежительное отношение к жене, с одной стороны, обусловлено мировой, в том числе и общерусской традицией: в западной лингвистике принято считать, что любой язык несет следы патриархата и игнорирует женщин и женскую деятельность. С другой стороны, на общую традицию накладывается культурная установка, сложившаяся именно у казаков и обусловленная условиями и характером их существования. Утверждать это позволяет тот факт, что с изменением этих условий происходит некоторая трансформация культурного сознания,

нашедшая подтверждение в языке.

Каждый здоровый мужчина и женщина, когда приходило время, женились, выходили замуж, обзаводились семьёй. Семья пользовалась у казаков большим уважением. Девочка росла с мыслью, что она будущая жена, мать и хозяйка – этому было подчинено все её воспитание.

Союз мужчины и женщины пользовался большим уважением у казаков. Их семейные отношения регулировались и народными обычаями, которые нигде не были записаны, но они существовали в повседневной жизни казаков, и последние старались их придерживаться. О том, что общественный и семейный статус казачки на Дону достаточно высок, свидетельствует множество ее наименований, известное в донских говорах.

Существует целый ряд наименований, характеризующих семейных, замужних девушек, ср.: *отдтая* - выданная замуж девушка [БТДСК, с. 345]; *зарученная, заручная* - Обряд. Засватанная, помолвленнная [СДГВО, с. 196]; *взамуж* – отдать замуж [БТДСК, с. 75]; *женатая* – замужняя [Миртов, с. 91]; *бртая* – взятая, выданная замуж [БТДСК, с. 53]; *уйти* – *уйти замуж* – выйти замуж без согласия родителей [БТДСК, с. 541]; *пойти под руку* – выйти замуж [СДГВО, с. 444]; *дать кочергу и скалку* - выдать замуж хозяйкой в дом мужа [БТДСК, с. 126]; *справленная девка* - невеста с приданным [СДГВО, с. 350]; *удалюха* [СДГВО, с. 608], *жалмерка* - солдатка; жена казака, ушедшего на службу [СДГВО, с. 165]; *полчанка* — 1. Жена сослуживца по полку, однополчанина [СДГВО, с. 451]; *засватанка* - просватанная невеста [СДГВО, с. 197]; *молодайка, молодёна, молодка* - новобрачная, молодая замужняя женщина [СДГВО, с. 320].

Синонимический ряд образуют слова, называющие беременных женщин: – *навзносях* [БТДСК, с. 297]: *Анна и ходить навзносях, рибёнок скоро будить; в тягостях* [СДГВО, с. 603], *забрюхатеть* [СДГВО, с. 176], *запузатеть* [СДГВО, с. 195], *затяжелеть* [СДГВО, с. 202], *потолстить*

[СДГВО, с. 465], *пузатая* [СДГВО, с. 492], *тягостная* [СДГВО, с. 603], *в тягостях: Я ф тягостях была, а работала ф поли* [БТДСК, с. 92]. Бесплодных женщин характеризуют такими словами как *пустанюшка*: : *Пустанюшка анна у мене, фсю жызню лячилась, на бапкам хадила*[БТДСК, с. 438] , *яловка* [БТДСК, с. 604], *прохолостка: Дагулялась Нинка, таперь прахалоскай жывётъ* [СДГВО, с. 489] , *неродка: Ниротка – если детей нет, ни можыть радить* [СДГВО, с. 654], *сухостоина* [СДГВО, с. 579].

А вот к девушкам, вовремя не вышедшим замуж, относились пренебрежительно, они не пользовались большим уважением в обществе. Целая группа слов и фразеологизмов, несущих в себе сочувственное , порой ироничной отношение, обозначает на Дону женщин, которые никогда не были замужем, старых дев: *засиделая девка* [СДГВО, с. 135]; *девка Петра I* [БТДСК, с. 128]; *вековая девка* [там же]; *вековуха* [СДГВО, с. 69]; *бобылиха* [СДГВО, с. 46]; *остаться в девах* [БТДСК, с. 128], *старая девица* [там же]; *миколаевская дева* [СДГВО, с. 135]; *глотать паутину* - о девушке, не вышедшей замуж [БТДСК, с. 356]; *оставаться вековушею* - оставаться старой девой [БТДСК, с. 70]; *держатъ на просол* - долго не выдавать замуж [СДГВО, с. 138]; *кулюкаты в девках* - не выйти замуж [СДГВО, с. 283]; *отказанка* - о девушке, отказавшей женихам [БТДСК, с. 345]; *перестарка* — женщина, не выходявшая замуж; *старая дева* [СДГВО, с. 415]; *засиделашная* - женщина, не вышедшая вовремя замуж, *старая дева* [СДГВО, с. 489]; *Христова невеста* — 1. Старая дева. Одинокая женщина, не вышедшая замуж [СДГВО, с. 350] .

Отдельные лексемы характеризуют женщин-казачек уже побывавших замужем и оставшихся одинокими, ср.: *беглячка* - женщина, ушедшая от мужа [СДГВО, с. 38]; *брошенка* - женщина, оставленная мужем; *отказная жсена* — разведённая [СДГВО, с. 53] .

Совсем небольшую группу составляют диалектные единицы,

характеризующие женщину по признаку вдовства, ср.: *вдовая, вдовка* — вдова [СДГВО, с. 68]; *удовая жена* - вдова; женщина, у которой умер муж [СДГВО, с. 168].

Нравственность донской казачки высоко ценилась в казачьей среде. Безнравственность в смысле половой распущенности всегда была не в нравах донских женщин. Девушки дорожат своею девическою честью, что происходит, быть может, и оттого, что они довольно рано выходят замуж. Но если же все-таки женщина становилась распутной, то на неё смотрели с пренебрежением и презрением и называли *чабанка* - женщина легкого поведения [БТДСК, с. 569]; *нахальница* - гулящая женщина [БТДСК, с. 314]; *волочайка* - распутная женщина [СДГВО, с. 86]; *подгульница* - женщина, нагулявшая ребенка [СРДГ]; *ветренка* — 1. Женщина лёгкого поведения; *гулячка* - 2. Гулящая, распутная женщина [СДГВО, с. 73]; *нечестная* — девушка, имевшая добрачную связь [СДГВО, с. 356]; *свистуха* — 2. Нескромная, легкомысленная, хвастливая девушка [СДГВО, с. 534]; *свиристка* — 1. Легкомысленная, ветреная женщина [там же]; *бардашная девка* - женщина легкого поведения, распутница [СДГВО, с. 134]; *хлюстанка* — 2. Распутная, развратная женщина [СДГВО, с. 628]; *чужемужняя* — 3. Гуляющая с чужими мужьями [СДГВО, с. 662]; *шабалда* — 2. Женщина легкого поведения и неопрятного вида [СДГВО, с. 666]; *лярва* - гулящая женщина; *мокрохвостка* - женщина легкого поведения [СДГВО, с. 307]. Есть в диалекте и наименования такого типа поведения, ср.: *мотать мотки* - вести распутную жизнь [СДГВО, с. 323]; *лытками мигать/лытки оголять* - завлекать мужчин [СДГВО, с. 532]; *слабая на передок* — распущенная, развратная, легко вступающая в половую связь [СДГВО, с. 550] и др.

Женщины-казачки были в семье равноправны вне зависимости от их национальности, т.к. казачка была обязательно окрещенной. Казаки редко обижали своих жен. Да и казачки имели характер самостоятельный и гордый. Грубо обращались разве только в пьяном виде; побои же, истязания

и вообще жестокое с женами обращение было явлением исключительным. Если уж такое случилось, то по жалобе казачки казак – муж мог получить по приговору Круга достаточно плетей. Казачьи законы поддерживали на деле равноправие женщин в казачьей среде, потому что от них идет казачий род.

Буйный нрав мужа и отсутствие на этой почве склонности к супружеской взаимности и терпения – явление нередкое среди казацких семей. И подобное отрицательное проявление в личной жизни является следствием насильственных браков, когда родители сами выбирают повзрослевшим детям невесту или жениха. Родительская воля и является главной причиной того, что в последующей семейной жизни положение казачки становится невыносимым, и потому между супругами разыгрываются отвратительные сцены насилий и жестоких расправ, заканчивающихся в лучшем случае расходом мужа и жены на отдельные жительство, а иногда завершаются трагически.

«Жена мужа бьет — не на худо учит», - говорили в казачьих станицах. Женщины у казаков следили за семейной казной. При этом на текущие нужды жена могла расходовать деньги и без согласования с мужем, а если муж находился в длительной командировке, она имела право самостоятельно делать и крупные покупки. Встречались семьи, в которых казак «*ходил по ремешку*» - полностью находился у жены под каблуком. Считалось, однако, что настоящий казак должен был держать жену в повиновении, прибегая при необходимости к нагайке.

Тем не менее, каковы бы ни были темные стороны семейной жизни, но внешне казак всегда относился к своей жене с почтением. Женщина в казачьем обществе всегда пользовалась большим вниманием и исключительным уважением. Пожалуй, никто с такой любовью и так бережно не относился к своим женщинам, как казаки. Существует большое количество ласковых обращений, наименование своих любимых женщин: *краучая* – милая, дорогая, родная: *Краучая ты мая; жалья, жалюшка,*

жалечка – возлюбленная, милая: *Да жалкая ты мая детачка, жалачка ты мая. Ах ты мая жалачка. Зафитилил, значит, к своей жалечке* [СДГВО, с. 166]; *женёнка, женёночка* — жена [СДГВО, с. 168-169]; *касадушка* — молодая женщина [СДГВО, с. 239]. Когда хотят сказать о женщине самой любимой, дорогой, милой, заботливой, то говорят *раздушечка* [СДГВО, с. 502], *родушка*: *Родушка ты мая; заботная: Ана баба рятивая, такая уж заботная; коханая* [СДГВО, с. 267], *зазнобная: Зазнобная ты мая, цынёная; болючая моя* - обращение к женщине, девушке, девочке [СДГВО, с. 49]; *дева* - 1. Ласковое обращение старших к девушкам. Казаки называли своих жен такими ласковыми словами, как *ладушка: Кому буду ладушка, тому миленький дружок; жененка* [СДГВО, с. 168] и др.

Что же касается отношения женщины к мужчине, то здесь выделяется следующая группа диалектных единиц, с которыми казачки обращаются к своим мужчинам: *болезный* — милый, родной, дорогой, желанный; *жалкий* [СДГВО, с. 48], *жалкенький* — любимый, милый, дорогой: *Жалкинъкий ты мой!* [СДГВО, с. 165]; *сизголубчик* — ласковое название любимого мужчины: *Ой ты, любчик-любчик, сизголубчик, ты не слухай разума чужого, ты послухай моего глупого* [СДГВО, с. 543]; *любаш* — любимый, возлюбленный [СДГВО, с. 305]; *любчик* — ласковое название любимого мужчины [СДГВО, с. 306]; *любый* — любимый, дорогой [там же]; *размилый, размиленький*: : *Приди, приди, мой друг размилый, мне очень скучно без тебя* [СДГВО, с. 503]; *разродимый* - близкий сердцу, родной, дорогой [СДГВО, с. 504].

Следует отметить, что наибольшей любовью, уважением и почтением у донских казаков пользовались родители, а в большей степени мать, родительница казака.

Власть родителей, в особенности отца над детьми, по обычаям казаков почти неограниченна: «*Дитя мое – воля моя*», «*Всё равно, что Господь, то и отец*». Но и «*мать – велик человек: во страстях родила, грудью кормила; по смерти отца она его место заступает*». Казак – отец не всегда пользуется

любовью своих детей и если пользуется наружным почтением и уважением, то более по принципу, родимая же матушка всегда свято чтится в казачьем быту.

К матери-казачке на Дону относились с большим почтением и уважением, ведь именно она родила и вырастила грозного и отважного казака-воина. Наиболее распространенными наименованиями матери являются *мамака*: *Мамака в этих башимаках танцевала* [СДГВО, с. 311]; *мамашка*: *У мамашки нас пятира была* [там же]; *матря* [СДГВО, с. 313], *матеря*: *Жаних с невестай сначала матирю цалуют, потом ацца, матеря* [СДГВО, с. 312] и т.д. Можно отметить, что данные номинации используются для наименования матери со стороны, в них мы наблюдаем полное отсутствие эмоциональной окрашенности.

Однако, выделяется большое количество уменьшительно-ласкательных единиц при непосредственном обращении к матери, таких, как *мамонька* [СДГВО, с. 311], *маменка*, *маманюшка*, *мамушка* [СДГВО, с. 311], *мамунюшка* [Миртов, с. 181], *маманя* [там же], *мамуня* [СДГВО, с. 311].

Теперь рассмотрим диалектные лексемы, называющие на Дону мать мужа, свекровь, ср.: *свекруха*: *Ня хочить патчиняцца свякрухи. Свикрухи фсякии бывають; свекра*: *Свекра — не змея, а всё время шипит. Свекра мягко стелет, жёстко спать; свекры, свекровья* [СДГВО, с. 532]. Данные лексемы лишены положительной эмоциональной окрашенности, наоборот, проявляется доля неодобрения. Это объясняется тем, что родная мать всегда свято чтится в казачьем быту. Казачки в большинстве своем были ревностными, преданными, любящими, заботливыми матерями. Право на любовь матери приобреталось дорогой ценой тяжелого труда, трогательной заботы. Считается, что мать всегда была и останется тем человеком, который приласкает, поможет в трудную минуту.

Существует достаточное количество диалектных лексем и фразем, представляющие характеристику женщины с точки зрения ее бытовых

качеств.

Изменяющиеся условия общественной и семейной жизни донцов воздействовали на старые обычаи и побуждали признавать, принимать новый уклад взаимоотношений между мужем и женой. Ведь и в самом деле, чуть ли не в медовый месяц после свадьбы казачка была вынуждена провожать мужа на службу и становиться самостоятельной и независимой. Не на год и два, а гораздо больше. В период раннего и невольного вдовства она приобретает довольно много совсем не женского опыта – учится вести хозяйство, управляться с работами в поле и дома.

Весь Дон сверху донизу был распахан. И распахала, и засеяла, и сжала, и в снопы повязала, и вымолотила - все за казака сделала его жена, чернобровая, осанистая донская казачка. В то время казаки жили беззаботно, что ярко запечатлено в фольклорных текстах: *«не ткут, не прядут, не сеют, не жнут, а хорошо живут»*. Казак больше половины жизни проводил вне дома, основной вид его деятельности – походы, служба. На ниве работала его жена, скапливая ему богатство и устраивая ему дом. Если донские казаки во время долгих походов добыли великую славу войску Донскому, то трудолюбивые, домовитые казачки сохранили и земли, и богатство своим потомкам.

Женщина-казачка, муж которой находился в долгом и постоянном отсутствии, вынуждена была держать все хозяйство в своих руках. Некоторые аспекты этой деятельности отражены во фразеологизмах *жить своими руками (на своих руках)* - зарабатывать на пропитание ручным трудом (часто по найму) – для женщин это могло быть вышивание, вязание, шитье на продажу и под., *идти на раздобудки* - отправляться из дома с целью заработать, «раздобыть» средства существования; *воспитывать иголкой* - вырастить кого – либо на средства, зарабатываемые шитьем и др.

Как показывает исследуемый материал, почти вся бытовая сторона жизни казачества представлена через восприятие женщины. В пользу такого

предположения говорит, в первую очередь, лексический состав «бытовой» диалектной фразеологии: *жарить печерики с долотом* - об отсутствии съестного [СДГВО, с. 166]; *наворочить чуреки* - плохо испечь хлеб [СДГВО, с. 332]; *есть щи небеленые* - о бедности.

Воспитание детей, забота о хлебе насущном, необходимость женщины-казачки в отсутствии мужа вести хозяйство, обрабатывать пай, поддерживать дом выработали у нее такие качества, как ловкость, проворность, подвижность. Диалектные единицы *мотовитка*, *лотоха* [СДГВО, с. 303], *удаха*, *стодельница*, *матаночка*, *додельница* [СДГВО, с. 143], *берегиня* характеризуют шуструю, проворную, ловкую женщину; *домоседка* — хозяйка [СДГВО, с. 147]; *суетная Марина* — суетливая, колготная женщина [СДГВО, с. 311]; *пособница* — та, которая помогает кому-л. в каком-л. деле, в работе; *помощница* [СДГВО, с. 462]; *сделашница* — женщина, достигшая большого умения в своем деле; *мастерица* [СДГВО, с. 537].

Отличительной чертой казачки было её стремление к чистоте в доме. Хорошей хозяйкой считалась та казачка, у которой всегда в порядке была печь, блистал чистотой пол, и была наготовлена еда. В силу этого существует множество фразеологических и лексических единиц, характеризующих казачку как умелую, домовитую хозяйку – *дельница*, *куковница*, *хлопотка*, *чистеха* [СДГВО, с. 658]; *чистить-блистить* — чистить, начищать до блеска, наводить порядок [там же]; *аккуратница* — аккуратная женщина, у которой в доме все в порядке [СДГВО, с. 20]; синонимический ряд лексем *беломойка*, *чистоплотка*, *чистоплотница*, *чистоплюйка*, *чисторядка*, *чистотка*, *чистотница*, *чистоходка* характеризует опрятную, чистоплотную женщину, у которой в доме порядок, чистота [СДГВО, с. 659]. Напротив, неаккуратность, неряшливое ведение домашнего хозяйства порицалось в донском казачестве, вследствие чего обнаруживаем фемининные номинации с отрицательной семантикой, ср.: *счастье смывать* — о хозяйке, у которой

грязные полы [СДГВО, с. 555]; *девка некультяпистая* - ленивая, не умеющая вести хозяйство; *горничная, мнить себя горничной* – о женщине, любящей сидеть без дела в горнице, избегающей грязной, тяжелой работы, о белоручке [СДГВО, с. 318]; *замурышка* — нечистоплотная женщина [СДГВО, с. 192]; *дудачка* — *неодобр.* Плохая хозяйка [СДГВО, с. 154]; *Фрельня, фря* — та, кто избегает грязной, грубой работы; белоручка [СДГВО, с. 622]; *пустодомка* — 1. Плохая, беспечная хозяйка [СДГВО, с. 493].

Немало диалектных слов характеризует женщину по характеру. Для наименования вспыльчивой женщины в донских говорах существуют лексемы *дереза* [СДГВО, с. 138], *еретица, коломытка, лотоха* — 1. Быстрая, проворная, шустрая, деловая женщина [СДГВО, с. 303]; *прокудница* — озорница, шалунья, проказница [СДГВО, с. 486].

Большая ответственность, лежащая на плечах казачки, способность в отсутствии мужа вести дом, принимать решения выработали в характере женщины такие черты как смелость, решительность. *Баба-зух, казак в юбке* — говорят на Дону и поныне о боевой, хваткой женщине; *ветер в юбке* — бойкая женщина [СДГВО, с. 73]; *смелячка* — смелая, решительная женщина [СДГВО, с. 554]; *угар-баба* — 1. Очень бойкая, смелая женщина [СДГВО, с. 606].

Трудолюбие, неприятие лодырничества и бесхозяйственности, было основой морали казачества, к которой приучали молодую девочку-казачку с самого детства. Проводив мужа на службу, женщина была вынуждена всю работу выполнять сама. Отсюда большое многообразие наименований казачки по роду трудовой деятельности, ср.: *индюшатница* – работница индюшиной фермы: *Индюшатницей семь лет была* ; *кашеварка* – повариха на полевых работах: *Энти работали ф трахтарной кашыварками* [СДГВО, с. 241]; *бочарка* – женщина-бондарь: *Бочарками у нас были и женщины* ; *повивуха* [СДГВО, с. 428], *паутиха* – бабка-повитуха: *К паутихам раньшы*

бегали; переварка – самогонщица: *Съмагон варили ис хлеба, сястра была самая пириварка; погонялка* – женщина-погонщик: *две снахи работали, а я поганялка была, бык вильнетъ, а я паганяю; чеботарка* – женщина-сапожник: *Чеботарками бывають жєнщины; ворожейка* – знахарка: *Хтонить шепцит – вот и варажейка* [СДГВО, с. 87]; *гиберка* – портниха: *Гиберки мы энту палатну атнисём, юпку дочь хочить* [СДГВО, с. 107]; *лекарка* – целительница, знахарка [СДГВО, с. 296].

Постоянная работа казачек не исключала из их жизни радости и веселья: женщины любили петь и плясать. *Танцурихой* называли казачку, умеющую хорошо танцевать [СДГВО, с. 584]; *игрунья, играчка* – любительница петь песни; *запесенница* – певунья. Девочек обучали пению взрослые женщины. Они слышали, как пели песни бабушка, мать, сестры, подражая им, они также начинали петь.

Ко всему прочему, умение «слово молвить» в народе во все времена ценилось достаточно высоко. Всегда вызывали сочувствие, а порой и осуждение излишняя молчаливость, угрюмость, робость, несмелость. *Гомониха*, *сорочиха* называют говорливую, весёлую женщину [СДГВО, с. 560]. Болтливых, любящих посудачить, посплетничать в народе осуждают и называют *пустоболка*, *болтуха*, *болтохвостка* [СДГВО, с. 49].

Таким образом, общий взгляд на лексику донского диалекта, характеризующую казачку, позволяет заключить, что она описывает жизнь женщины в казачьем социуме с разных сторон. Как показывает исследуемый материал, почти вся бытовая сторона жизни казачества представлена через восприятие женщины. Воспитание детей, забота о хлебе насущном – это также женское занятие. Эмоциональная сфера жизнедеятельности казачества представлена через женское восприятие, что отражено в лексическом составе диалекта. В языке мы находим слова, которые передают индивидуальность казачки, характеризуют её внешность, характер, речь, социальное положение.

Хотя голос женщины и не считался решающим в семье, но роль её

была определяющей. Она устраивала быт, ткала, шила, работала в поле и ждала казака с войны. Покорная мужу, казачка никогда не была рабыней, в нужный момент умела проявить характер и настоять на своем. Покорность и исполнительность, явившиеся результатом христианской традиции, не мешали развитию в характере дончанки самостоятельности, смелости, настойчивости, решительности, которые обуславливались самой жизнью казачки, необходимостью в отсутствии мужа принимать самостоятельные решения, брать на себя всю ответственность за дом, семью, детей.

Исследованный лингвистический материал позволяет нам сделать следующие выводы: среди фразеологических единиц и лексем, называющих собственно мужчин и женщин, большое количество таких, которые именуют их по определенному признаку, выражая специфическую оценку объекта номинации, причем лексем и фразем, используемых для характеристики женщин, несколько больше, чем тех, которые характеризуют мужчин. Это прежде всего связано с тем, что фемининные наименования отражают в большинстве своем либо общечеловеческий взгляд на мир, либо собственно женское мировосприятие каких-либо фактов и явлений, а маскулинные номинации имеют более узкую специфику и репрезентируют лишь военно-профессиональную сферу.

Однако гендерный фактор в донском диалекте проявляется не только на лексико-фразеологическом уровне, но и находит свое отражение на коммуникативном уровне. Т.е. речь казаков и казачек ярко демонстрирует нам проявление маскулинности и фемининности.

2.3. Речевое поведение казака и казачки как показатель их гендерной принадлежности

Язык, как часто говорят, - энциклопедия народа, свод всех тех знаний о мире, которые были накоплены народом за время его существования и существования его языка. Изучение отражения таких знаний и представлений в языке, в языковой картине мира позволяет описать и, возможно, понять «дух народа».

Проблема образа человека в языковой картине мира - одна из актуальных проблем современной лингвистики, обращенной к человеку, а не к тексту. Человек живет в двух мирах: внутреннем и внешнем, связующее звено между ними - речь. Внешний мир человека через призму его образа в народном представлении - это его физические характеристики. Каждый народ выбирает наиболее типичные внешние признаки своего и чужого этноса, выстраивая некоторые обобщения физических прототипов их представителей.

Внутренний мир человека представлен в языке в виде мира ментального (интеллектуального) и эмоционального, причем границы между ними в языке весьма размыты. Ментальность, как ее понимает, например, М.В. Пименова, - это «языковое представление всех форм и видов интеллектуальной жизни человека» [Пименова, 1998. С. 117]. И внешние (физические), и внутренние свойства человека проявляются в его речи, речевом поведении, что тоже отражается в языковой картине мира. Отражаются в зеркале народной речи характерные для обыденного менталитета воззрения на мужчину и женщину. Они связаны с природно-физическими, физиологическими, психологическими, интеллектуальными различиями (такими, например, как возраст, внешность, черты характера, особенность ума). Диалектный материал дает этому хорошее подтверждение. Есть смысл сосредоточиться не только на гендерных асимметриях, но и на том, как именно представлены мужчина и женщина в донском диалекте.

Оперевшись на утверждение А.В. Кирилиной о том, что «безусловно, любой язык обнаруживает признаки андроцентричности в силу исторических особенностей развития человечества» [Кирилина, 1999], заметим тем не менее, что степень ее выраженности и интенсивности может варьировать от культуры к культуре и, следовательно, от языка к языку.

В феминистской лингвистике просматриваются два течения: первое относится к исследованию языка с целью выявления «ассиметрий в системе языка, направленных против женщин». Эти ассиметрии получили название *языкового сексизма*. Речь идет о патриархальных стереотипах, зафиксированных в языке и навязывающих его носителям определенную картину мира, в которой женщинам отводится второстепенная роль и приписываются в основном негативные качества. На взгляд представителей этого направления, механизм «включенности» способствует игнорированию женщин в картине мира.

Мужская культура учит акцентировать внимание на действии, а не на состоянии, на результате, а не на его процессе. Даже различные сентенции структурированы с маскулинных позиций: «Пришел, увидел, победил!», «Пан или пропал» и т.д. Вместе с тем с фемининных позиций утверждение конструируется через вопрос, «усомнение».

Вторым направлением феминистской лингвистики стало исследование особенностей коммуникации в однополых и смешанных группах. Эти исследования характеризуются широким охватом: анализируются самые разные аспекты ведения аргументативных диалогов. В основе исследований лежит предположение о том, что на базе патриархальных стереотипов, зафиксированных в языке, развиваются разные стратегии речевого поведения мужчин и женщин.

В ходе исследования диалектных текстов и бесед с информантами нами были установлены, например, некоторые отличительные черты женского речевого поведения:

- женщины чаще прибегают к уменьшительным суффиксам (*адин сынок; энти три сястрицы; братик сабирал ф карзиныщку; вырыли ямыщку; на мауилащки выросла бузинащка; зделал сабе дудащку; на уаловащки; хатёначка у мене малинькя; крылечка; старшынький мой; абыдёнкай; фсю летычку* и др.);

- для женщин более типичны косвенные речевые акты: в их речи больше форм вежливости и смягчения (*Вот памаленьку бражу, да и дяла па дому какии есть; Хорошыи у мене дети. А чё рассказывать? Фсё вроди, фсю жызню рассказала, милыи* и др.);

- в речевом поведении женщин отсутствует доминантность, они лучше умеют слушать и сосредоточиться на проблемах собеседника;

- в целом речевое поведение женщин характеризуется как более «гуманное».

Однако именно этот факт, на взгляд представителей феминистской лингвистики, имеет при общении в смешанных группах отрицательные последствия для женщин.

Их предупредительное, неагрессивное и вежливое речевое поведение укрепляет сложившиеся в обществе пресуппозиции и ожидания того, что женщины слабее, неувереннее и вообще менее компетентны.

Таким образом, женская коммуникация, по сравнению с мужской, оказывается «дефицитной» [Кирилина, 2004, с. 49].

Доминирование маскулинности осмысливалось представителями феминистской лингвистики в несколько упрощенном виде: вследствие господства патриархата мужская самооценка выше, мужчины в большей мере, чем женщины, обладают социальным престижем и властью. Мужское доминирование реализуется в числе прочего в определенном речевом поведении, описать которое можно на уровне ряда микрофеноменов – длины речевых отрезков, частоты перебиваний, наложений речевых отрезков друг на друга и т.д. Все это является интенциональным и осознанным

проявлением борьбы за власть со стороны мужчин. Мужественность и женственность, как показал И.Гоффман, институционализируются, входят в привычку, приобретают ритуальный характер. Таким образом, социальные институты (школа, церковь, армия и т.д.) принимают на себя поддержание гендерной иерархии, в том числе сохранение мужского доминирования. Следовательно, у индивида нет необходимости воспроизводить его во всех ситуациях [Кирилина, 2004, с.51].

Поскольку речевое поведение гендеров строится на базе исторически сложившихся стереотипов, зафиксированных в языке, то можно сказать, что гендерные стереотипы – это система представлений о том, как должны вести себя мужчина и женщина. Было установлено, что у мужчин и женщин различны и стратегии поведения, и стратегии речевой коммуникации. Еще Ф. Ницше заметил, что счастье мужчины зовется «**Я хочу!**», а счастье женщины – «**Он хочет!**». Как бы под этим девизом строятся речевые стратегии мужчин и женщин [Маслова, 2001, с. 125].

Поскольку мужчина и женщина принадлежат к различным социальным группам и выполняют различные социальные роли, то, естественно, общество ждет от них определенных моделей речевого поведения. И действительно, мы отчетливо прослеживаем эту гендерную дихотомию в речевом поведении. Мужской тип коммуникации – это менее гибкая, но более динамичная менее ориентированная на собеседника коммуникация. Наиболее распространенный жанр коммуникации у мужчин – беседа-информация, а у женщин – частная беседа.

В отношении мужского речевого поведения Р. Левант показывает, что у взрослых мужчин довольно часто наблюдается неспособность связать слова с эмоциями, то есть недостаток умения идентифицировать, выразить и описать свои собственные эмоциональные состояния, в частности, теплоту, заботу, печаль или боль. В результате мужчины tendируют к четкому проявлению и умению вербализовать лишь одну эмоцию – гнев.

Женский тип коммуникации более ориентирован на собеседника, на диалог, на подчиненную роль в общении, где мужчина выбирает и меняет тему разговора. В речевом поведении женщина ориентируется на «открытый социальный престиж», т.е. на общепризнанные нормы социального и речевого поведения, в то время как мужчина тяготеет к так называемому скрытому престижу – к отклонению от установленных норм и правил общения. Поэтому в целом речь женщины является более мягкой, бесконфликтной. Женщины менее категоричны в выражении и отстаивании мнений.

Первые исследования российских лингвистов показали, что женщины более чувствительны к смысловой структуре текста. Женщины пытались максимально восстановить исходный текст, а мужчины – построить новый; их тексты отклоняются от эталона больше, чем женские.

В исследовании Е.А. Земской, М.М. Китайгородской и Н.Н. Розановой получены данные о фонетических и лексических особенностях женской и мужской **речи**. Опираясь на данное исследование, мы проанализировали диалектный материал и пришли к выводам:

1. Женщинам более свойственны фатические речевые акты; они легче переключаются, «меняют» роли в акте коммуникации. Мужчины переключаются тяжелее, проявляя некоторую «психологическую глухоту» - увлекаясь обсуждаемой темой, не реагируют на реплики, с ней не связанные, ср.: *Никаму толька ни уавари; Раньшы как время узнавали?* [Кудряшова, 2010, с.17]; *Да ты паўади-та, вот дочь ужотка придёт, ана щас а царай. Шо уутариш-та?* [там же, с.24]; *А чё рассказывать? Фсё вроди, ас. Жызню рассказала, мильи* [там же, с. 33]; *Фсё пирмянилась, маи дetyчки, в жызни* [там же, с. 61]; *Ка мне надыся апать прихадили. Ну, а какая у мене речь, старухи уже дивяноста лет. А вы чаво-та спрашивать будитя-та?* [там же, с.67]. Данные примеры подтверждают тот факт, что женщины во время

коммуникации непосредственно вступают в контакт со своим собеседником, ведут открытый диалог, вовлекая в обсуждение слушающих.

2. В качестве аргументов женщины чаще ссылаются и приводят примеры конкретных случаев из личного опыта или ближайшего окружения. Приведем примеры: *Приехали к нам сваты; Паехали мне вячать* [Кудряшова, 2010, с.37]; *И помню я этот мёт фсю жызню* [Кудряшова, 2010, с.44]; *Вот приходим мы сюда з бабушки... Помню, бабушка наварит нам этава салодика... Я сама принимала участие...* [Кудряшова, 2010, с.48]; *За сваю жызнь я многа пиряжыла* [там же, с. 62].

3. Анализ перебиваний дал противоречивую картину. Авторы отмечают так называемую полифонию разговора, с одной стороны, и более частое перебивание женщин мужчинами, с другой. При этом перебивания мужчин мужчинами в большей степени мешали коммуникации. Это связано прежде всего с тем, что женщина воспринимается мужчиной как некое "второстепенное", как "дополнение", соответственно ее перебивания не воспринимаются всерьез, точнее не улавливаются. Сам разговор женщины воспринимается как некий "семантический шум", чего нельзя сказать о мужчинах. Если мужчина вмешивается в разговор другого мужчины, то это уже воспринимается как посягание на личное пространство, в связи с чем проявляется некий негатив.

4. В мужской речи отмечаются также терминологичность, стремление к точности номинации, более сильное влияние фактора «профессия», большая, по сравнению с женской, тенденция к использованию стилистически сниженных средств, намеренное огрубление речи. Ненормативную лексику, как утверждают авторы, используют в однополых группах и мужчины, и женщины, однако, произносить ее в смешанных группах не принято.

В качестве примера мужской речи приведем отрывки из текстов информантов: *Пахали быками, плугами, а патом запрягуть три-четыри пары быкоф, следам валощуть. <...> Вот святая ниделя — ет фсю*

празнывали, нихто никуды. Касили тада руками, крюцки наделають ис палык. **Патом** стали касилки, касилкими косять, ф скурды возють, на лышадах малотють. <...> Казакоф прыважали — каней справляли ат сибе, **сядло, шынель, мундер, уздецки, надаустки**. Эта была конныя кавалерия [Кудряшова, 2010, с. 65-66]. Касили траву вручную, касой... Вот йиё, касу, насажываиши на ручку. Я вот утрам фстал, делать нечива, паишол паткасил. **Кагда скосят, ряды ляжат, сонца харошая**, два дня — и начинють угресть уграблями... У быкоф калакол был, **калатава**, привяжыши йиво. Бык ходить йисть, а калакол звянить... **Вот паишым мы там а поли, а вечирам он памаленичку уде-нить уйдёт** [Кудряшова, 2010, с.96-97]; Ну вот, када нат Хапром были, там вярба есть, вот эт самыи китушки мы ели. А ели мы ищё с топаля сирёшки [там же, с.101]. Данные примеры свидетельствует о том, что речь казаков более обыденная, сухая, нераспространенная, зачастую мужчины говорят лишь о своей трудовой деятельности, о своей профессии и при этом пользуются терминами, простым описанием событий, перечислением фактов без применения экспрессивно-выразительных средств.

5. К типичным чертам женской речи авторы относят гиперболизированную экспрессивность (*жутко обидно; масса ассистентов*) и более частое использование междометий типа «ой!».

Женская речь донских казачек, действительно, эмоционально насыщена, сравните: *Магёшь каныша паисть, дюжа харош; Щас ужасть сколько дилоф — и ф поли, и в агароди, и на дому за скатиной; Дети? Да а как жы, намагають, биз них сафсем бы плоха была* [Кудряшова, 2010, с.24-25]; *Мне жалка дюжа стыканы — их двянацять с цвятками* [там же, с. 37]; *От такая жызня была. Такая время была, куда ж дявацца-та. Эта ф хутари там уиш ани блиска, а мы тут ф Сирафимовичи где ш я жыву — вон аиш. Да чё уиш типерь, какая хазяйства, мне уиш дявятьый дясятк. <...>... **прям аж жыр тикёт*** [там же, с. 58]; *У-у-у... сколько людей-та!* [там же, с. 63]; *Ух, ана и зубастая, ей паругацца — мёдам ни карми. Ой, он какой-та*

шумаваый, он вам многа прибрѣхиваить. Мы их называем бряхучии, брешуть няможна, дюжы. Ой, зашыркапѣрился, а сам ни на чѣ ни пахош. Задатный такой, госпади, задаѣцца фсѣ. Ой, да далдочить ана адно и то жа [там же, с.76-77]; «В те времена,— начала Настасья Васильевна,—ведь не так было, как теперь— девки гонятся за женихами. За меня было семнадцать сватов. И сколько горя натерпелась я с ними, *с треклятыми!* Бывало,— *дура была!* — как допекут, ты и ляпнешь отцу — царство ему небесное! — «хорошо тебе, батенька, как ты на родной маменьке женился, а мене *дак* в чужие люди отдаея: привыкай *да еще* называй их отцом-матерью!..» [Листопадов 1954, с.38]; — «*Ах* вы, *игряцы вас заломай*,— заругалась мать, как увидела нас,— и когда вы страмить мене не будетья пр людях! *Вот я вас!*»[там же, с.38]. Эмоциональность женской речи достигается в основном за счет частого использования усилительных наречий, частиц и различных междометий.

6. Ассоциативные поля в мужской и женской речи соотнесены с разными фрагментами картины мира: спорт, охота, профессиональная, военная сфера (для мужчин) и природа, животные, окружающий обыденный мир (для женщин).

Исследуя диалектный материал, мы к пришли к выводу, что мужчины, в основном, повествуют о том, что связано с мужским мировидением, что напрямую связано с их деятельностью, т.е. обо всем, что связано с их профессиональной деятельностью, и, самое главное, с военной сферой, с тяготами военной службы. Приведенные примеры подтвердят данный факт: *Ф службу выхадили на фсѣм своѣм; фсѣ сваѣ було, сядло свая, гасударствиннава ничаво нибуло. Станишина правления, значица, знать, какой жывѣть бедна, правления пакупають каня и сядло и фсю абмундираванию. Астраханскии казаки насили порини, а мы нет, у нас фсѣ кожаная* [Кудряшова, 2010, с.40]; *На дяйствительную службу праважали на три года. На канях служыли. Сваяво каня справляли, сваѣ сядло. Ф хутари*

был хутарской атаман, ф станицы — станишний атаман. У казакоф форма была: мундер синива сукна, брюки прямые с красными лапасами... [там же, с.41]; Казакоф прыважали — каней справляли ат себе, сядло, шынель, мундер, уздецки, надаустки. Эта была конная кавалерия [там же, с. 65-66]; Рыбу лавили бредним... А кто удачки делал. Катец назывался, вярша была. Катец — эт камыш рубилси, и вот он вязалси [там же, с.100].

Что касается женской речи, то здесь наблюдается иное явление. Женщины зачастую повествуют о своей личной, семейной жизни, об общественной жизни на Дону, о праздниках и традициях, о природе и животных, что свидетельствует о мягком нраве женщины. Приведем следующие примеры: *Чи жало была женщины на Дану. Часта выдавали замуш ни на любви. Мама ф первый рас увидала сваво сужынава и сразу дала сагласии вытти замуш [Кудряшова, 2010, с.24]; Сямья-та у нас дружная, гамузам фсе, фсе дяла справляим. Цыганки летысь урадились. Щитай вёдра фсе лета, дажжэй-та мала была [там же, с. 24-25]; Паехали на быках к радителям на синакос в луга. Едим, а уш вичирела. Дунья мне гаварить, што за нами сабаки идуць [там же, с. 38-39]; Зимой хадили друх г другу на сиделки. Хто чем хател, тем и занималси. Надысь пашла курей кармить, склиска страсть была, да убилась. Силком фстала, таперича рука дюжы балить [там же, с.39]; На Раждиство начинали славить, вапце в некатарых меснастях славили ночью, у нас начинали славить где-та с чытырэх чисоф утра. Пирит Крищениим да первай звизды ни ели, пака ни паявица первая звизда. А вот на Святках мы гадали [там же, с.47-48]; Зимой бываить сивирка, этат буран; кагда бываить буран и нисёт этаю снех, эта называим мы: ну, сивирка пашла. Наслус — эт вот кагда становицца ряка... [там же, с. 48].*

7. Женская речь обнаруживает большую концентрацию эмоционально оценочной лексики, а в мужской, оценочная лексика чаще стилистически нейтральна. Женщины тендируют к интенсификации прежде всего

положительной оценки. Мужчины более выражено используют отрицательную оценку, включают стилистически сниженную, бранную лексику и инвективы [Земская, Китайгородская, Розанова, 1993].

Следует отметить, что любая говорящая личность испытывает влияние ряда факторов. Наиболее важными являются следующие:

1. Гендерная принадлежность говорящего. Причем под гендерной принадлежностью понимается не биологический пол, а скорее, социальная роль (быть мужчиной/женщиной и совершать в связи с этим соответствующие данной культуре действия, в том числе и речевые). В этой связи важно учитывать особенности стереотипов мужественности и женственности, принятых в изучаемой культуре и находящихся свое отражение в языке.

Женщина на Дону олицетворяет хранительницу домашнего очага, мать, верную жену, подругу, так сложилось, что вся эмоциональная сфера связана с женским мировосприятием, именно женщина-казачка способна более ярко и полно выражать чувства и эмоции, следовательно мужчина является олицетворением силы и мужества. Мужчина-казак это прежде всего храбрый воин, бравый солдат, надежная защита и опора для женщины, для семьи. В связи с этим наблюдаются значительные различия и в речи самих жителей Дона. Женская и мужская речь противопоставлены друг другу, она является отражением внутреннего мира каждого говорящего. Речь казачек более эмоциональна, экспрессивна, а речь мужчины-казака на фоне женской груба, обыденна, лишена эмоционально-образных средств.

Прокомментируем данное явление следующими примерами:

- женская речь: *Мы иурали ф кулючки — дефки и рбяты. Прибярэаить систрэнка, кличить мине...* [Кудряшова, 2010, с.37]; *А вот мама рассказывала: «Вот чё-та делаем там курачкам, авечкам, патом апать малились Боуу... Красили на Паску яички — лукавыми пёрышками, и ищё есть трафка, каторая над аврауам растёт, - лапачки, лапачки.* [там же, с.47];

Мамку замуш аддавали: он бауатый, а ана умнинья и красивая была. Мноуа ня нада, а с литрчику сварить и када-никада, штоб ни валялися [там же, с. 58]. Данные примеры позволяют нам говорить о том, что женщины в процессе коммуникации зачастую ведут разговоры о доме, семье, детях, праздниках, природе, повседневных заботах, т.е. обо всем, что непосредственно связано с женским началом, с женским мировосприятием. Женская речь эмоционально богата, и это достигается за счет использования экспрессивно окрашенной лексики.

- мужская речь: *Фся поля была а хлеби, нациная ад Дона. Тады травы мала было, а большы хлел и хлел. И уснявали убирали и фсе празники празнывали* [Кудряшова, 2010, с.65]; *...нашол я срочнай службай, трицать фтарой уот — школу палкавую акончил, уот праслужыл, трицать третий уот я вышыл камандирам аддления, а трицать четвёртым уаду сверхсрочна я памошникам астася камандира, патом старшына кавалерийская искандора.* [там же, с.96]; *Атаман сабираить зимлякоф и уаварить: вот тут вот прашло семь или восимь лет, нада вырубить. Десятника назначали. Мне десить чилавек дають, и вот пришли туда, размерили, вот табе, эт табе* [там же, с.99] и т.д. В отличие от женщин, мужчины больше всего ведут разговоры о том, что непосредственно связано с профессиональной и военной деятельностью, собственно о мужских занятиях и интересах. При всем при этом замечено, что речь мужчин более обыденна, груба, суха и практически лишена эмоционально-образных средств.

2. Характерологические особенности языка, на котором осуществляется письменное или устное общение. Этот вопрос до сих пор не рассматривался в лингвистической литературе в связи с проблемой гендера. Между тем важность особенностей языка, его выразительных средств в целом и выразительных средств для концепта пола и связанных с ним семантических областей чрезвычайно важна.

Данное явление находит отражение и в донских говорах — в своей речи женщины более склонны к употреблению уменьшительно-ласкательных слов в повествовании, в обращении к кому-либо, а мужская речь этого практически лишена, лишь изредка мужчина может употребить слово в ласковой форме, ср.: речь мужчин-информантов — *Мы ш казаки были. Тада, если **сыноф** нарадилась мноуа, то эт бауатый двор был, как **дефки** нарадились, то эт бидната* [Кудряшова, 2010, с.102]; ***Дефки** эт разуружають, а я тут сижю. **Сашка**, шафёр, тожы сидить. Улять, **Анькя** приходит <...> А на таку вады-т нету, ани пришли к **Аньки** пить, а там хтой-т сказал... **Уенк** кинулси, а людей-т нету на таку* [там же, с.105]; *«Што ш ты, **тётка**, испужала так. Я думал, што ты ина самам дели валкоф увидала»* [там же, с. 112]; *«Смотри, парень,— говорит дорогой Николай,— не упусти эту **девку чернобровку**,— это про мене-то! — упустишь, дурак будешь!»* [Листопадов 1954, с. 40]; речь женщин-информантов — ***Пятро** на уармошки иурал, **Уришаня** на балалайки <...> А **Фядюнюшка**, двянацати лет от рада, вазьми и схвати ис чашки пиражок первым... [Кудряшова, 2010, с.87-88]; У нас над **бууарком** пратякаить ручаёк, **Альшаначка** мы яво называем, ана там в зимле тячётъ* [там же, с. 92]; *А **внучик** мой в армии служить ... [там же, с.103]; Так вот ани в дялах фсе были, **дятишки-та**, некада была учицца и некада было фулюуаничить. Там вот, **бывалачка**, на пячи сядять йэтих **дятишкаф-та**. Чё, сколько их там? Семь, да двянацати дитей сидела* [там же, с.104];

***Ой да**, как и перьвая заботушка*

Свёкор вот и да свякро... да свякровьюшка,

***Ой да**, а другая-то заботушка —*

Деверь али ну, золо... ну, золовушка,

***Ой да**, как и третья заботушка —*

Мужнина она голо... всё головушка! [Листопадов 1954,с.126].

Приведенные примеры подтверждают положение, согласно которому мужская речь на фоне женской выглядит грубой, эмоционально бедной, лишенной яркости и выразительности. Прежде все это связано с тем, что мужчины намного реже женщин используют уменьшительно-ласкательные номинации в акте коммуникации, а женская речь, наоборот, изобилует ими.

3. Методологически важно также разграничение факторов, определяемых гендерными особенностями говорящих, то есть их социальными ролями мужчин и женщин, и факторов, вызванных гормональными, психическими и иными имманентными особенностями биологических мужчин и женщин [Кирилина, 2004, с. 74-75].

В книге Р. Лакофф «Язык и место женщины» подтверждается андроцентричный строй языка и ущербность образа женщины в картине мира, воспроизводимой в языке. Некоторые лингвисты склоняются к такому выводу, что женская речь более нормативна, так как женщина традиционно оказывает большее влияние на воспитание подрастающего поколения, вследствие чего она стремится говорить в соответствии с нормами литературного языка.

По мнению Сьюзан Гал, «женский язык» как категория больше не считается показателем, производным от социальной идентичности тех, кто его использует («женщин»), а стал «идеологически-символическим» конструктом, который является потенциально созидающим эту идентичность. «Быть женщиной» (или мужчиной) — это, кроме всего прочего, говорить как женщина (мужчина). Люди порождают свое собственное речевое поведение и судят о поведении других в свете гендеризованных значений, приписываемых культурой определенным способам речевого поведения [Gal, 1995, с. 173].

Наше речевое поведение является результатом деятельности, в которую мы вовлечены, и социальных взаимоотношений, в рамках которых мы осуществляем ее.

Одним из доказательств того, что андроцентризм присутствует в языке, является следующее: язык не только антропоцентричен – он андроцентричен, то есть отражает мужскую перспективу и ориентирован на человека мужского пола. Андроцентризм присущ всем языкам, функционирующим в христианских и мусульманских культурах, но в разных языках он проявляется с разной степенью интенсивности. Андроцентризм русского языка – снижен.

С мужественностью, как в философии, так и в массовом сознании соотносятся дух, инициатива, власть, активность, разум, культура, рациональность; с женственностью – материя, природа, пассивность, подчинение, эмоциональность, инстинкт.

В жизни донского казака военная деятельность и все, что с нею связано, занимает особое место. Достаточно ярко это отражено и в языке. Таким образом, с «мужским фрагментом» языковой картины мира мы соотносим в первую очередь те дефиниции, во внутренней форме которых отражена военная история казачества (*загнать за Можай* - заставить кого-либо отступить; *идти в отступ* - отступать, отказываться от чего-либо, на что раньше претендовал; *одна чашка-ложка* - о неразлучных друзьях – какими раньше были воины-казаки на службе; *не оставит кожу на барабан* - сильно избить; *брать на приступ* - добиваться чего – либо силой, настойчивостью; *идти как на шпорах* - идти четкой, решительной походкой и под.). Так сложилось, что такие черты и склонность характера, как твердость, решительность, настойчивость, смелость, храбрость, сила, агрессивность, отраженные в диалектных словах и фразеологизмах, мы также связываем с мужским мироведением: *посадить на кукан кого* - 1) арестовать; 2) поймать кого-либо на каком-либо непристойном, противоправном поступке; *взять в тисы* - взять в оборот, заставить подчиниться своей воле; *был в борще и каше* - об опытном, много испытавшем человеке; *точить на мусате* - сильно ругаться; *буравль* -

сильный, крепкий человек; *иметь крепку* - иметь твердый, решительный характер; *вить веревки из песка* - быть очень ловким, умелым, изворотливым и др.

Ярким свидетельством женского мировосприятия является, на наш взгляд, широко представленная в устойчивых выражениях и словах, эмоциональная сфера. Такое разнообразие чувств и эмоций, их градационное разделение может быть свойственно преимущественно женщине: *сердце закипает (закипело)* — о чувстве сильного раздражения: *Раздражылась я, сердца закипела, да здиржалась; сердце в тоску вдарилось* — затосковать: *Гляну, ажник сердце в тоску вдарится, до чего ж на моего покойного Донюшку схож; высушить сердце* - измучить, вызвать душевные страдания; *высушить сердце на балык* — измучить кого-л. нанесенной обидой: *Галовушка мая горькая, ты миня абидил, на балык сердца высушил; тронуться сердцем* — о заболевании сердца: *Я вот уш тронулась сердцам, ночь ни сплю, ноить, колить, дыхать нещим; потерять сердце* — утратить покой: *Как толька я иво увидала, сафсем патиряла я сваю сердцу; во сердца* — сгоряча; *сердце загоилось* - истосковался, соскучился; *сердце трепыхается* - волнуется, беспокоится; *брать за сердце* - 1. Вызывать боли в сердце. 2. Оказывать сильное воздействие; *встромить ножик в сердце* - чем-л. сильно расстроить, огорчить; *сердце (душа) на покое* — о состоянии душевного покоя: *Танерь у мене душа на покои, вить вон уже пришил; душа на нитке (ниточке)* — душа трепещет; *душа зашлась* - о сильном волнении; *привязать душу (сердце)* – понравиться, влюбить в себя; *душа вянет* - о чувстве жалости, печали: – *Господи...— сказала Мартиновна. – Прям душа вянет* и нек. др.

В очередной раз подтверждается тот факт, что женщины отличаются от мужчин большей эмоциональностью речи, так как женщины больше мужчин сосредоточенные на своём внутреннем мире, отсюда и больше слов, грамматических конструкций, передающих чувства, эмоции. Мужчины по

своей природе грубоваты в выражении и проявлении чувств, они не умеют словами выражать эмоции и не стараются этому учиться, так как неэмоциональность рассматривается ими как важная составляющая мужского поведения. Говорить эмоционально - это, в мужском восприятии, «не по-мужски» [Попова, 2006, с.45].

ВЫВОДЫ

1) При описании мужской и женской внешности значимое место занимают характеристики, связанные с прической, одеждой казаков и казачек, с физической силой мужчины; номинируются большим числом диалектных единиц такие параметры внешности, как рост, размеры тела, телосложение, одежда, прическа, лицо. Внешний облик казака или казачки – их важная характеристика. Презентативная внешность – свидетельство высокой организации внутреннего мира человека, она, несомненно, наделена коммуникативным свойством. Внешность – выразительное средство коммуникации, обращенное к другим людям.

2) Кроме внешности, в казачьем этнокультурном сообществе важны и многие ментальные понятия. Концепт «воля» является одним из определяющих в сознании донского казачества и находит свое отражение в диалектной лексике и фраземике. Свобода, воля для казака является первостепенно значимой. Само концептуальное содержание «отнять свободу воли» оценивается в казачьей ментальности отрицательно. Можно предположить, что здесь на фоне коллективного представления казачества о том, что такое воля, свобода, выражается протест против порабощения личности. Такое негативное отношение связано скорее всего с архетипической по своей сути нравственно-религиозной установкой, согласно которой человек подвластен в первую очередь Богу, и только затем уже родительской воле и воле другого человека, статусом выше его, но не «всякого».

3) Когда военная миссия казачества отошла на второй план, многие из лексем и фразем с военной тематикой перешли в пассивный словарный арсенал. В настоящее время вместе с возрождением самого казачества активизируется и военная лексика. Военная деятельность казаков нашла в донских говорах свое формальное выражение в лексических и фразеологических единицах. Глубокая ассоциативная связь многих бытовых

понятий, связанных с предметами и явлениями повседневной жизни, с военно-исторической миссией казачества проявляется так же и в том, что на лексико-фразеологическом участке языковой картины мира донского казачества четко просматриваются гендерные противопоставления: всё, что связано с военной сферой деятельности, отражает мировосприятие казаков-мужчин; вся бытовая сфера предстает через восприятие женщин.

4) Тот культурно-исторический факт, что у воина-казака было особое «трепетное» отношение к боевому коню, которого специально выращивали в казачьем подворье для будущего воина, породил в диалекте и множество слов и выражений, связанных с образом коня и употребляемых как в прямом, так и в переносном значениях. Большинство этих единиц являются гендерно маркированными.

5) Среди лексического состава и устойчивых сочетаний слов, образующих идиоматическое пространство донских говоров, выделяется достаточное количество лексем и фразем, в семантике которых представлена основная миссия казачества – военная, служба, определившая не только уклад жизни казаков, но и характер внутрисоциумных и межэтнических отношений, специфику их мировосприятия и миропонимания, нашедших яркое отражение в языке.

6) В диалектной картине мира находит свое отражение и образ казачки. Донской диалект отражает бытовую, хозяйственную деятельность, семейные отношения, сферу эмоционального восприятия действительности и значительную часть обрядовой сферы в основном с позиции женщины. Образ казачки, запечатленный в донском диалекте, является одним из самых ярких и запоминающихся. Он имеет ряд отличий от образа русской женщины, созданного народным воображением и воплощает в себе основные черты национального характера, так же, как и донской диалект имеет свои специфические черты.

В диалекте женщина предстает в самых разных ипостасях: матери и мачехи, дочери, невестки, свекрови, невесты, подруги и др. Казачка предстает и как мудрая наставница, и как невинно гонимая жертва, и как безнравственная злодейка. Диалектная лексика и фраземика создает индивидуальный образ казачки, характеризуя ее речь, характер, поведение, внешность, отношение с другими людьми.

7) Наиболее перспективным и обоснованным направлением изучения мужской и женской речи донского казачества в настоящее время считается изучение стратегий и тактик речевого поведения мужчин и женщин в различных коммуникативных ситуациях с обязательным учетом культурной традиции донского казачьего общества. Широко распространена и доказана точка зрения, что женщины-казачки употребляют больше уменьшительно-ласкательных суффиксов (диминутивов) и вежливых форм, чаще называют партнера по коммуникации по имени и в целом используют больше контактоустанавливающих речевых действий. Мужчины же чаще используют в своей речи стилистически сниженные слова, стремятся к терминологичности и лаконичности словоупотребления. Поэтому в целом речь женщины является более мягкой, бесконфликтной. Мужчины и женщины донского казачества довольно часто говорят о разном: тематикой женских бесед обычно являются дети, дом, семья, хозяйство; мужских — военная сфера, профессия, рыбалка, охота. Эти различия связаны с культурой донского казачества, его историей, с характером традиционного распределения социальных ролей между представителями двух полов: для женщин — это мать, жена, хозяйка дома; мужскими ролями в казачьем обществе являются воин-защитник, заступник, хозяин (не только дома, а всей жизни, в том числе и женщины), добытчик (кормилец всей семьи).

Таким образом, мужчины и женщины, по-разному воспринимая мир и себя в нём, различно оценивая одно и то же, в прямом смысле слова говорят на разных языках, когда выражают свои мысли, чувства, эмоции. Мужчина и

женщина должны следовать определенным нормам и выглядеть так, как им предписано в соответствии с их гендерной идентичностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение женственности и мужественности как культурных концептов является одним из наиболее перспективных направлений гендерного исследования, так как его результаты позволяют повысить обоснованность и объяснительную силу остальных направлений лингвистической гендерологии и выявить степень применимости к русскому языку полученных в мировой лингвистике результатов. Безусловно, фемининность и маскулинность обнаруживают как универсальные, так и особенные черты. Определение общего и особенного становится, таким образом, одной из основополагающих целей гендерного исследования.

Хотя гендерная концепция была в определенной степени подготовлена предыдущим накоплением фактов и их осмыслением, она оформилась в самостоятельное научное направление в период постмодернизма. Это стало возможным благодаря отказу от постулата о том, что существует некоторая внешняя по отношению к человеческому познанию истина.

Именно из-за того, что гендер является компонентом как коллективного, так и индивидуального сознания, его необходимо изучать как когнитивный феномен, проявляющийся как в стереотипах, фиксируемых языком, так и в речевом поведении индивидов, с одной стороны, осознающих себя лицами определенного пола, с другой – испытывающих определенное давление аксиологически не нейтральных структур языка, отражающих коллективное видение гендера.

Как показывают многочисленные исследования, пристальное внимание к вопросам пола свойственно западноевропейской культурной традиции. В какой степени гендерный фактор значим в других культурах, можно заключить, в числе прочих исследований, посредством лингвистического анализа.

Носители литературного языка и носители диалекта не только по-разному пользуются языком, но по-разному реализуют в языке свои представления об окружающем их мире. Тем более это касается донского казачества – особого субэтноса русского народа, в чьем языке отразились ментальные установки и поведенческие стереотипы, свойственные только казакам. В донских говорах закономерно отражается то, что значимо в общественной и социальной жизни их носителей.

Основной проблемой гендерных отношений в языке является, как известно, не просто репрезентация маскулинности и фемининности как культурных концептов, а доминирующая андроцентричность языка, которая проявляется в трансляции языком мужской языковой картины мира, наиболее четко выраженной и на грамматическом, и особенно на лексико-фраземном уровнях. В языке отражена наивная картина мира, которая складывается как ответ на практические потребности человека. Андроцентричность языка как раз и проявляется в том, что наивная картина мира, вербализованная в языке, представлена через восприятие человека-мужчины. Имеет смысл, поэтому исследовать данную проблему на диалектном материале.

Говоря о достаточно полном отражении окружающей действительности в лексико-фразеологической системе языковой картины мира донского диалекта, необходимо принимать во внимание специфику формирования казачества как особого субэтноса и социально-исторические условия его существования на протяжении нескольких столетий. Диалектный фразеологический и лексический материал дает основания выделять в системе донского диалекта четкие фрагменты, соотносящиеся с мужским мировосприятием.

Андроцентрический фрагмент фразеологического и лексического фонда донского казачьего диалекта включает в себя в первую очередь устойчивые сочетания слов и лексемы образного и безобразного характера,

объединяемые концептуальными понятиями «труд», «внешность», «дружба», «конь», «возраст», «служба».

Общий взгляд на диалектную лексику и фраземику Дона с гендерных позиций позволяет нам заключить следующее: 1) большинство диалектных фразеологических и лексических единиц не передает гендерных различий и обозначает действие, состояние, свойство или качество характер, способное проявляться как у мужчин, так и у женщин; 2) в диалекте существует незначительное число фразем, лексем и устойчивых выражений, характеризующих только мужчин или только женщин. При этом диалектных номинаций женщин несколько больше и отражают они в большинстве своем или общечеловеческий взгляд на мир, или же собственно женский подход к факту; 3) исторически сложившееся в казачестве распределение социальных ролей между мужчинами и женщинами в конечном итоге привело к некоторому «языковому паритету»: ярко выраженная андроцентричность проявляется лишь в части фразеологических и лексических единиц, внутренняя форма которых тесно связана с военной миссией казачества, определившей не только уклад жизни казаков, но и характер межэтнических и внутрисоциальных отношений, специфику их миропонимания. Данное явление, как нам представляется, нельзя считать гендерной асимметрией, т.к. почти вся бытовая и эмоциональная сфера жизнедеятельности казачества представлена через женское восприятие, что отражено как в лексическом составе диалектных единиц и в их внутренней форме, так и в соответствующих пресуппозициях, в развернутой шкале эмоциональных переживаний, в характере аксиологической оценки, представленной в значении исследуемых единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов, Р.И. Очерки русской диалектологии. М.: Учпедгиз, 1949. 335с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Ценностно-смысловая природа языкового знания // Языковая личность: проблемы когнициии и коммуникации. Волгоград, 2001. - С. 3 — 11.
3. Аллахвердиева, Л.К., Панина Л.С. История казачества в пословицах // Сб. материалов обл. науч. конф. Оренбург, 1995. - С. 16-17.
4. Аллахвердиева, Л.К. Фразеология русских донских говоров: лексико-семантический и фразеобразовательный аспекты изучения: Дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2000. - 242 с.
5. Алпатов, В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопр. Языкознания. 1993. № 3. - С. 15-16.
6. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. - 767 с.
7. Арутюнова, Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. - М.: Наука, 1984. - С. 5-23.
8. Арутюнова, Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме «языковой картины мира») // Вопр. языкознания. 1987. № 3. - С. 3-19.
9. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. М.: Яз. рус. культуры, 1999. - 896 с.
10. Астапенко, Г.Д. Быт, обычаи, обряды и праздники донских казаков в 17-20 вв. / Г.Д. Астапенко. - Батайск: Батайское книжное изд-во, 2002. - 230 с.
11. Бабаева, Е.В. Внутренняя форма слова и концептологический подход к языку // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград – Саратов, 1998. - С. 126 - 134.

12. Баранникова, Л.И. Специфика диалектных лексических систем как результат особенностей их функционирования // Норма и функционирование языковых единиц. Горький, 1989. - С. 23-32.
13. Баранникова, Л.И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания. – 1975. – № 2. – С. 22 – 31.
14. Баранникова, Л.И. Об устойчивости диалектной системы // Системность в языке, речи, тексте. – Нижний Новгород, 1991. – С. 12 – 22.
15. Барон, Беттина. "Закрытое общество": существуют ли гендерные различия в академической профессиональной коммуникации? : пер. с нем. / Беттина Барон // Гендер и язык : [антология] : пер. с англ., нем. / науч. ред. А.В. Кирилина; сост. А.В. Кирилина. – М. : Языки славянской культуры, 2005. - С. 511-538.
16. Бахаева, Т.Ю. Устойчивые сочетания в русских говорах южных районов Красноярского края: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Бахаева Татьяна Юрьевна. - Спб., 2005. - 137 с.
17. Безотосный, В. Кто такие казаки // Родина. - 2004. - № 5. - С. 7 - 13.
18. Белякова, С.М. Прошлое и будущее в диалектной картине мира Текст. / С. М. Белякова // Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2005, № 2.- С. 73.
19. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. — М.: Наука, 1990. — 224с.
20. Блохина, Н.А. Понятие гендера: Становление, основные концепции и представления // Общество и гендер. – Рязань: "Поверенный", 2003. - 368с.
21. Боднева, Н. А. Казачья семья как социальный институт формирования личности / Н. А. Боднева // Изв. высш. учеб. заведений. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. – 2007. – № 3. – С. 105– 109.

22. Бойко, Л.Г. Культурно маркированное содержание устойчивых сравнений русского языка: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Бойко Любовь Григорьевна; [Место защиты: Волгогр. гос. пед. ун-т] - Волгоград, 2009 - 218с.
23. Брандт, Г.А. Природа женщины как проблема. (Концепции феминизма) // Женщина в обществе: мифы и реалии. Сборник статей. / Редактор-составитель Круминг Л.С. - М.: Информация - XXI век 2001.- С.94.
24. Брутян Г. А. Язык и картина мира // Филос. науки. 1973. № 1. С. 84-112.
25. Брысина, Е.В. Гендерные аспекты диалектной фраземики Дона // Материалы Междунар. науч. конф. «Фразеология и миропонимание народа»: В 2 ч. Ч. 1. Фразеология и картина мира. Тула, 2002. С. 256-262.
26. Брысина, Е. В. Концепт "личность" в казачьей диалектной фраземике / Брысина Евгения Валентиновна // Национально-культурный компонент в тексте и языке: матер. докладов III Междунар. науч. конф., 7-9 апреля 2005 г., Минск: В 3-х ч. Ч.2 / Мин-во образования республики Беларусь, Минский гос. лингвистический ун-т, филологический факультет БГУ, Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований; отв. ред. : А. В. Зубов, С. М. Прохорова. – Минск, 2005. – С. 87-91.
27. Брысина, Е. В. «Пташечка — канарейка». Образ донской казачки в языке и фольклоре // Российское казачество. 2011. №3. - С. 58-59.
28. Брысина, Е.В. Фразеологизм как отражение жизни донского казачества // Казачество юга России в XXI веке: место и роль в обществе и государстве: Докл. и сообщ. на науч.-практ. конф. Ростов н/Д., 2001.
29. Брысина, Е.В. Функционально-стилистический потенциал фразеологических единиц народной речи // Речевая структура русского

- общества XVII – XXI (проблемы риторики и стилистики): Материалы междунар. науч. конф. Астрахань, 2002. - С. 97-101.
30. Брысина, Е.В. Экспрессивно-выразительные средства диалекта: Учеб. пособие по спецкурсу. Волгоград: Перемена, 2001. - 140 с.
31. Брысина, Е.В. Этнолингвокультурологические аспекты изучения диалектной фраземики // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Филол. науки». № 1. 2002. - С. 45-52.
32. Брысина Е.В. Этнокультурная идиоматика донского казачества: Монография. – Волгоград: Перемена, 2003. - 293 с.
33. Брысина, Е.В. Военная идея и форма ее представленности в донской казачьей фраземике // Матер. междунар. науч. конф.: Лингвистические парадигмы исследования: традиции и инновации. – Волгоград, 2005. - С. 405-413.
34. Брысина, Е.В., Кудряшова, Р.И., Супрун, В.И. Военная лексика и фраземика в языке донского казачества. Сб. науч.-метод. тр.: Функциональные аспекты русского языка. – Волгоград: Перемена, 2005. - С. 3-11.
35. Буслаев, Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. М., 1961. Т. 1. Русская народная поэзия. - 643 с.
36. Васильев, С.А. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности. Киев, 1974. - 174 с.
37. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. - 411 с.
38. Вайсгербер, Л. Родной язык и формирование духа. М., 1993. - 344 с.
39. Великая, Н.А. О системных связях в лексике и о взаимодействии разных уровней в современном говоре // Вопросы Сибирской диалектологии. Омск, 1975. Вып. 1. - С. 16-32.

40. Вендина, Т.И. Диалектное слово в парадигме этнолингвистических исследований / Т.И. Вендина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1999. Спб., 2002. - С. 3-15.
41. Винарская, Е.Н. К проблеме базовых эмоциональных концептов // Вестник ВГУ. № 3. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. - С. 56-67.
42. Вильмс, Л.Е. Лингвокультурологическая специфика понятия «любовь»: На материале нем. и рус. яз. : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 Волгоград, 1997. - 211 с.
43. Владимирцев, В.П. К типологии мотивов сердца в фольклоре и этнографии // Фольклор и этнография. Л., 1984. - С. 204-212.
44. Власова, Н.В. К вопросу о явлении вариативности в диалектном фразеологическом гнезде (на материале соматической фразеологии) // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 1996. Спб., 1998. - С. 115-118.
45. Водяха, А.А. Прагматическая направленность эмотивных фразеологических единиц // Коммуникативно-прагматические аспекты фразеологии. Волгоград: Перемена, 1999. - С. 14-16.
46. Воронина, О.А. Гендерная экспертиза законодательства РФ о средствах массовой информации. / Проект гендер. экспертиза Моск. центра гендер. исслед. - М.: МЦГИ, 1998. - С.142-146.
47. Воронина, О. А. Теоретико-методологические основы гендерных исследований // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций/ Под общ. ред. О. А. Ворониной.- М.: МЦГИ - МВШСЭН - МФФ, 2001. - С.13-106.
48. Воронина, О.А. Формирование гендерного подхода в социальных науках // // Гендерный калейдоскоп: курс лекций / под общ. ред. М. М. Малышевой. М., 2001. - С. 8-33.

49. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. - 228 с.
50. Вольф, Е.М. Эмоциональные состояния и их представления в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989. - С. 55-75.
51. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филол. науки. 2001. № 1. - С. 64–72.
52. Выготский, Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М., 1982. Т. 2. - С. 5-361.
53. Гаврин, С.Г. Фразеология современного русского языка в аспекте теории отражения. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1974. - 146 с.
54. Гак, В.Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Филол. Науки. 1995. № 4. - С. 47-55.
55. Гак, В.Г. Русская динамическая языковая картина мира / В.Г. Гак // Русский язык сегодня. Вып. 1: сб. статей / РАН. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. / Отв. ред. Л. П. Крысин. — М.: Азбуковник, 2000. - С. 36-45.
56. Гвоздарев, Ю.А. Проблема взаимоотношения языка, нации и культуры народа // Гуманитарные науки на границе тысячелетий. Краснодар, 1988. Ч. 3. - С. 63-70.
57. Гвоздарев, Ю.А. Язык есть исповедь народа. М.: Рус. яз., 1993. - 143 с.
58. Гендер и язык. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 624 с.
59. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации — М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2004. — 252 с.
60. Гендер как интрига познания: : сборник статей / сост. А. В. Кирилина. – М. : Рудомино, 2000. – 128 с.
61. Гендер как интрига познания : альманах. Пилотный выпуск : Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории

- коммуникации / редкол.: И. И. Халеева (гл. ред.), А. В. Кирилина, М. Д. Городыикова и др. – М. :Рудомино, 2002. – 141 с..
62. Гендерный калейдоскоп. Курс лекций. Под общей редакцией д-ра эконом, наук М. М. Малышевой. М.: Academia, 2001. 520 с.
63. Гендерные отношения в России: история, современное состояние, перспективы: Материалы международной научной конференции. Иваново, 27 – 28 мая 1999 г. Иваново, 1999. - С. 57-60.
64. Гендерный фактор в языке и коммуникации: Сборник научных трудов. М., 1999. - 207 с.
65. Герд, А.С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия / А.С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. - 457 с.
66. Гольдин, В.Е., Крючкова О.Ю. Русская диалектология. Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты: Учеб. пособие для студ. гуманитарных специальностей. - Саратов: ИЦ «Наука», 2010. - 120 с.
67. Городникова М.Д. Гендерный аспект обращений как фактор речевого регулирования // Гендер как интрига познания. Сборник статей. - М., 2000.- С. 47–52.
68. Горошко, Е.И. Гендерные исследования в языкознании (к проблеме становления метода) // Культура народов Причерноморья. Межвузовский центр Крыма. – 2004. – № 45. – Т. 1. - С. 128-130.
69. Горошко, Е., Кирилина, А. Гендерные исследования в лингвистике сегодня // Гендерные исследования. 1999. № 2: Харьковский центр гендерных исследований — М.: Человек и карьера, 1999. - 297 с.
70. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. - 450с.
71. Гуревич, П.С. Человек и его ценности // Человек и его ценности: Сб. ст. М., 1988. Ч.1. - С. 1-15.

72. Даль, В. И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, загадок, поверий и проч. — М., 1862. — 787 с.
73. Даль, В.И. 1000 русских пословиц и поговорок. — М.: Рипол Классик, 2010. — 320 с.
74. Демидова, К.И. Диалектная языковая картина мира и аспекты ее изучения: монография / К.И. Демидова; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». - Екатеринбург, 2007. - 110 с.
75. Добровольский, Д.О., Кирилина, А.В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // Гендер как интрига познания. М.: Изд-во «Рудомино», 2000. - С. 19.
76. Донские казаки в прошлом и настоящем. Ростов н/Д., 1997.
77. Донской народный костюм: о создании сценического костюма на основе донской народной одежды. — Ростов н/Д. : Рост. кн. изд-во, 1986. — 64 с.
78. Дудецкая, А.Н. Реализация базисных коммуникативных тактик в речевом жанре «интервью» с современными немецкими политиками // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. - 2009. - № 7 (41). - С. 148 - 152.
79. Евсюкова, Т.В. Лингвокультурологическая концепция словаря культуры: дис. ... доктора филол. наук: Нальчик, 2002.- 304 с.
80. Ерасов, Б. С. Социальная культурология в 2-х ч. [Текст] : пособие для вузов / Б. С. Ерасов. - М.: АО "Аспект Пресс", 1994 - Ч. 1. - 384 с.
81. Жельвис, В.И. Инвектива: мужское и женское предпочтения // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. - С. 266-283.
82. Зализняк, А.А., Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сборник статей. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 540 с.

83. Закуткина, Н.А. Феномен диалектной картины мира в немецкой философии языка XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. - М., 2001. - 197 с.
84. Земская, Е.А., Китайгородская, М.В., Розанова, Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. - С. 90-135.
85. Иванцова, Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. - 312 с.
86. Ильин, И. А. Одинокий художник [Текст] / Ильин И.А.; Сост., предисл., примеч. В.И. Белова. — Искусство — — М. : Искусство, 1993. — 348 с.
87. Ильин, И.А. Путь духовного обновления // Путь к очевидности. М., 1993. С. 134-289.
88. Казаки. Иллюстрированная история отечества. / под ред. Б.А. Алмазова. - Спб, 1999. - С. 48-52.
89. Калинина, М.В. Лексико-семантическое поле "Одежда" в донском казачьем диалекте: этнолингвистический и лингвокультурологический аспекты языков: дис. ...канд.фил.наук: 10.02.01 / Калинина Маргарита Владимировна; [Место защиты: Волгогр. гос. пед. ун-т]. - Волгоград, 2008. - 268 с.
90. Каменская, О. Л. Текст и коммуникация: Учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков.- М.: Высшая школа, 1990. - 152 с.
91. Каменская, О.Л. Гендеретика – наука будущего // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002. С.13–19.
92. Камерон, Дебора. Теоретические дискуссии в феминистской лингвистике: вопросы пола и гендера: пер. с англ. / Дебора Камерон // Гендер и язык: [антология]: пер. с англ., нем. / Collectif ; науч. ред. А.В.

- Кирилина ; сост. А.В. Кирилина. – М.: Языки славянской культуры, 2005. - С. 539-562.
93. Кандауров, И.М. Донские казаки: литературно-историческая хроника их жизни, подвигов и трагедии [Текст] /И.М.Кандауров. – Волгоград: Станица-2, 2003. – 368 с.
94. Кандиоти, Д. Эволюция гендерных исследований. Обзор // Женщины и социальная политика (Гендерный аспект). М., 1992. С. 156-164.
95. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ. 2010. - 264 с.
96. Карасик, В.И. Оценочные доминанты в языковой картине мира // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. — Белгород, 1999. - С. 39-40.
97. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. - 476 с.
98. Кафедра теории языка и прикладной лингвистики: URL: <http://sarteorlingv.narod.ru/projects.html>
99. Кирилина, А.В. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филологические науки. 1998. № 2. - С. 51-58.
100. Кирилина, А.В. «Мужественность» и «женственность» с точки зрения лингвиста // Женщина в российском обществе. 1998. № 2. - С. 21-27.
101. Кирилина, А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Изд во "Институт социологии РАН", 1999. - 180 с.
102. Кирилина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации. дис. ...доктора филол. наук: 10.02.19 / Кирилина Алла Викторовна. - М., 2000. - 330 с.
103. Кирилина, А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: Учебное пособие для студентов высших учебных

- заведений. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. - 252 с.
104. Кирилина А., Томская М. Лингвистические гендерные исследования [Электронный ресурс] // Отечественные записки. – 2005. - № 2(23)
URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya> (дата обращения: 19.02.2014)
105. Кон, И.С. Пол и гендер. Заметки о терминах // Андрология и генитальная хирургия – 2004, № 1-2 - С.31-35.
106. Копыленко, М.М. Основы этнолингвистики. Алматы: Евразия, 1995.- 171 с.
107. Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. Волгоград: Перемена, 2001. - 495с.
108. Краснов, П. Н. Исторические очерки Дона. Казачья библиотека. Изд.: жур. на казачьем посту. №1. 1943. - С. 51.
109. Кронгауз, М. А. Sexus, или Проблема пола в русском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. М., 1996. С. 510-525.
110. Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988 — 142 с.
111. Кудряшова, Р.И. Донские казачьи говоры Волгоградской области: тексты и задания: учеб.- метод. пособие / Р.И. Кудряшова. - Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. - 120 с.
112. Кудряшова, Р.И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области): монография / Р.И. Кудряшова. – Волгоград: Перемена, 1998 - 32 с.
113. Кудряшова, Р.И. Названия женского фартука в переселенческих говорах Волгоградской области // Лексический атлас русских народных говоров: (Материалы и исследования), 1995. СПб., 1998. С. 176-181

114. Кудряшова, Р.И. Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем. Волгоград: Перемена, 1997. – 124 с.
115. Кудряшова, Р.И. Социально изолированные говоры на территории Волгоградской области Текст. / Р.И. Кудряшова // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. 2014. - №6 (60). - С. 22-26.
116. Кузнецов, П.С. Русская диалектология. Изд-е 3-е, М.: Учпедгиз, 1951. - 142 с.
117. Кузнецова, Е.В. Мотивационный потенциал диалектного слова (На материале метеорологической лексики донских говоров): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кузнецова Елена Валентиновна. - Волгоград, 2005. - 333 с.
118. Листопадов, А. М. Песни донских казаков. Под общ. ред. д.ф.н. проф. Сердюченко Г. - М., Музгиз., 1949 год, Т.1 – 478 с.
119. Листопадов, А. М. Песни донских казаков. Под общ. ред. д.ф.н. проф. Сердюченко Г. - М., Музгиз., 1950 год, Т.2 — 587с.
120. Листопадов, А. М. Песни донских казаков. Под общ. ред. д.ф.н. проф. Сердюченко Г. - М., Музгиз., 1951 год, Т.3 – 487с.
121. Листопадов, А. М. Песни донских казаков. Под общ. ред. д.ф.н. проф. Сердюченко Г. - М., Музгиз., 1953 год, Т.4. – 488 с.
122. Листопадов, А. М. Песни донских казаков. Под общ. ред. д.ф.н. проф. Сердюченко Г. - М., Музгиз., 1954 год, Т.5 – 360с.
123. Логинов, А. Н. Костюм донских казаков XVI–XVIII вв. / А. Н. Логинов // Вопр. гуманитарных наук. – 2004. – № 2. – С. 338–340.
124. Логинов, А. Н. Мужская одежда донских казаков XVI–XVIII вв. / А. Н. Логинов // Историческое и этнокультурное развитие Нижнего Поволжья: сб. науч. ст. по материалам науч. конф. 2002 г. – Волгоград, 2003. – С. 69–78.
125. Луночкин, М. Н. Земли заветный уголок / М. Н. Луночкин. – Волгоград: Издатель, 2006. - 352 с.

126. Малишевская, Д.Ч. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции Мужчина/Женщина) // Фразеология в контексте культуры / Под ред. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 180-186.
127. Мартынюк, А.П., Землянский, П.Н. Речевое поведение мужчин и женщин в малых группах // Язык. Сознание. Этнос. Культура. М., 1994. – С. 134-135.
128. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов вышш. Учеб. Заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2001. - 183 с.
129. Мининков, Н.А. Донское казачество на заре своей истории. Ростов н/Д., 1992. - 168 с.
130. Мокиенко, В.М. Идеография и историко-этимологический анализ фразеологии // Вопр. языкознания. 1995. №4. С. 3-13.
131. Немировский, М.Я. Способы обозначения пола в разных языках мира // Памяти академика Н.Я. Марра. - М.; Л., 1938. - 224 с.
132. Номикосов, С. Статистическое описание области войска донского, 1884. - 791 с.
133. Номикосов, С. Народный казачий быт / С. Номикосов // Дон. 1992. №1-2. – С. 140-160.
134. Орлов, Л.М., Кудряшова Р.И. Русская диалектология: современные процессы в говорах. Волгоград: Перемена, 1998. – 144 с.
135. Орлов, Л.М. Русские говоры Волгоградской области. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. пед. ин-та, 1984. – 96 с.
136. Пешковский, А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях / Под ред. В.А. Звегинцева. — М., 1960. — Ч. 2. - С. 231-242.

137. Плаксина, Л. А. Михайловская, В. П. Попов. История костюма. Стили и направления— Учебное пособие. – 2-е изд., стереотип. — М.: Академия, 2004. — 224 с.
138. Пол, гендер, культура. Немецкие и русские исследования. Выпуск 3. – М.: РГГУ, 2003. - 309 с.
139. Попова, Е. А. Об особенностях речи мужчин и женщин / Е. А. Попова // Русская речь. - 2007. - № 3. - С. 40-49.
140. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека [Текст] / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира; отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 8–86.
141. Пушкарева, Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. С. 15-34.
142. Радченко, О.А., Закуткина, Н.А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкознания. 2004. № 6. - С. 25-46.
143. Рассел, Б. Человеческое познание: его сферы и границы / Б.Рассел. М., 2001. - 383 с.
144. Репина, Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого: Очерки. Хрестоматия. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. — 352 с.
145. Ригельман, А. И. История или повествование о Донских казаках. М.: Университетская тип., 1846 г. - 165 с.
146. Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. – М.: Издат. центр «Академия», 2005. – 288 с.
147. Рябов, О.В. Русская философия женственности (XI-XX века). Иваново, 1997. - 137 с.

148. Рябов, О.В. Гендерные аспекты межкультурной коммуникации: социально-философский анализ // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации: Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002. - С. 37-46.
149. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; пер. с англ. под ред. и с предисл. А.Е. Кибрика. М.: Прогресс, 1993. - 656 с.
150. Серебренников, Б. А., Кубрякова, Е. С., Постовалова В. И. и др. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. - М.: Наука, 1988. - 212 с.
151. Серегина, М.А. Понятие языковой картины мира в когнитивной лингвистике: аспекты и виды / М.А. Серегина // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. - 2007-Т. 1. (№6.). - С. 55-65.
152. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов: Автореф. . дис. .канд. филол. наук. Волгоград, 1999. - 18 с.
153. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования./ Ю.С. Степанов. М.: Языки русской культуры, 1997. - 824 с.
154. Стернин, И.А. Проблема описания гендерного коммуникативного поведения // Гендер: язык, культура, коммуникация. Доклады Третьей междунар. конф. «Гендер: язык, культура, коммуникация». М. - 2003г. - 354 с.
155. Ступак, И. «Не боли болячка – я казачка!» / И. Ступак // Родина. – 2004. № 5. – С. 122–124.
156. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография / В.И. Супрун. — Волгоград: Перемена, 2000. - 172 с.

157. Сухарев, Ю.Ф. Лазоревый цвет. Страницы казачьей истории. Чапаевск, 2001. - 200 с.
158. Сухоруков, В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону, 2001 г. - С. 44-45.
159. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1996. - 286 с.
160. Толстая, С.М. Этнолингвистика // Институт славяноведения. 50 лет. М., 1996. - С. 235–248.
161. Толстой, Н.И. Язык и народная культура. очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. - 512 с.
162. Толстой, Н.И. Язык и культура (некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность: проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991. С. 5-22.
163. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследование в области мифопоэтического / В.Н. Топоров. – М.: Прогресс, 1995. – 624 с.
164. Трошев, Г. «Служить правдой. И никак иначе...» / Г. Трошев; беседовал Г. Алехин // Родина. – 2004. – № 5. – С. 25–26.
165. Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. - М., 1960. С. 135 — 198.
166. Уфимцева, Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания / Н.В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: ИЯ РАН, 1996. - С. 139-162.
167. Уфимцева, Н.В. Русский национальный характер: XX век — миф и реальность / Н.В. Уфимцева // Проблемы этносемантики. Сб. обзоров ИНИОН РАН. М.: ИНИОН РАН, 1998. - С. 86-119.
168. Ушакин, С.А. Поле пола // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. - С. 35-45.

169. Фомин, А. Г. Психолингвистическая концепция тендерной языковой личности Текст. : автореф. дис. .д-ра. филол. наук 10.02.19/ А. Г. Фомин. Барнаул, 2004. - 45 с.
170. Хайруллина, Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировосприятия к миропониманию. Уфа, 2001. - 285 с.
171. Халеева, И.И. Гендер как интрига познания // Гендер как интрига познания. М.: Рудомино, 2000. - С. 9-18.
172. Хидекель, С.С., Кошель, Г.Г. Оценочный компонент лексического значения слова // Иностранные языки в школе. - 1981, № 4. - С. 7-10.
173. Холод, А.М. Мужская и женская картина мира в русском языке // Вербальные и невербальные дейкисы маскулинности и фемининности. Кривой Рог, 1997. - С. 101-121.
174. Чурилина, Л.Н. Лексическая структура художественного текста: принципы антропоцентрического исследования. Спб., 2002. - С. 87.
175. Эйнштейн А. Собрание сочинений. Т. 4. – Москва, 1967. - 600 с.
176. Юрченко, С. А. Речь как базовая ценность в языковом сознании донского казачества: на материале донских казачьих говоров: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Юрченко Светлана Аркадьевна. - Волгоград, 2008. - 217 с.
177. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). — М., 1994. - 196 с.
178. Янко-Триницкая, Н.А. Наименования лиц женского пола существительными женского и мужского рода // Янко-Триницкая Н. А. Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966. - С. 153–167.
179. Яровая, Л. Расписной кубелек с серебристой пряжкой / Л. Яровая // Отчий край. – 2000. – № 4. – С. 195–196.
180. Cameron, D., *Feminism and Linguistic Theory* (2nd, ed.). - New York, 1992. - 247 p.

181. Gal S. and Irvine, Judith T. 1995. The boundaries of languages and disciplines: how ideologies construct difference. *Social Research*. 62(4), 966-1001.
182. Joan W. Scott. *Millennial Fantasies: The Future of "Gender" in the 21st Century*. Paper presented on May 6, 2000 at the seminar "Production of the Past", Columbia University, New York. P.3.
183. Mills S. *Third Wave Feminist Linguistics and the Analysis of Sexism*. *Discourse Analysis Online*, [<http://www.shu.ac.uk/daol/>]
184. Money J. Linguistic resources and psychodynamic theory // *British Journal of Medical Sexology*, 1955, vol.20, p.264-266
185. Lakoff R. *Language and Woman`s Place*, New York, Harper, 1975. - 328 p.
186. Lakoff R. *Language and Women`s Place // Language in Society*. Cambridge, 1973. N 2. P. 45-79.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18 000 слов и устойчив. словосочетаний / Ростов. гос. ун-т; Ф-т филологии и журналистики; Каф. общ. и сравнительн. языкознания. - М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. - 608 с.
2. Глухов, В.М. Словарь русской донской просторечно-диалектной фразеологии (рукопись, 200 с.).
3. Грамматика современного русского литературного языка. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., Наука, 1970. 754 с.
4. Миртов, А.В. *Донской словарь: материалы к изучению лексики донских казаков*. Ростов н/Д., 1929. 416 с.

5. Русский ассоциативный словарь / Ю.Н.Караулов, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов, Н.В.Уфимцева, Г.А.Черкасова. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Москва, 1994. 782 с.
6. Русская грамматика / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). — Том I - М.: Наука, 1980. — 789 с.
7. Словарь донских говоров Волгоградской области. Вып. 1-6. / Сост. Е.В. Брысина, Р.И. Кудряшова, В.И. Супрун; Под ред. Р.И. Кудряшовой. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2006-2009.
8. Словарь русских донских говоров: в 3 т. — Ростов н/Д.: Изд-во Рост, ун-та, 1975-1976.
9. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. — Т. 1 – 41. — СПб.: Наука, 1965 – 2007.
10. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. В. И. Чернышёва. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948—1965.
11. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981—1984.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Одежда казаков

Донской козак

Рис.1а) Верховой казак

Рис.1 б) Верховой казак

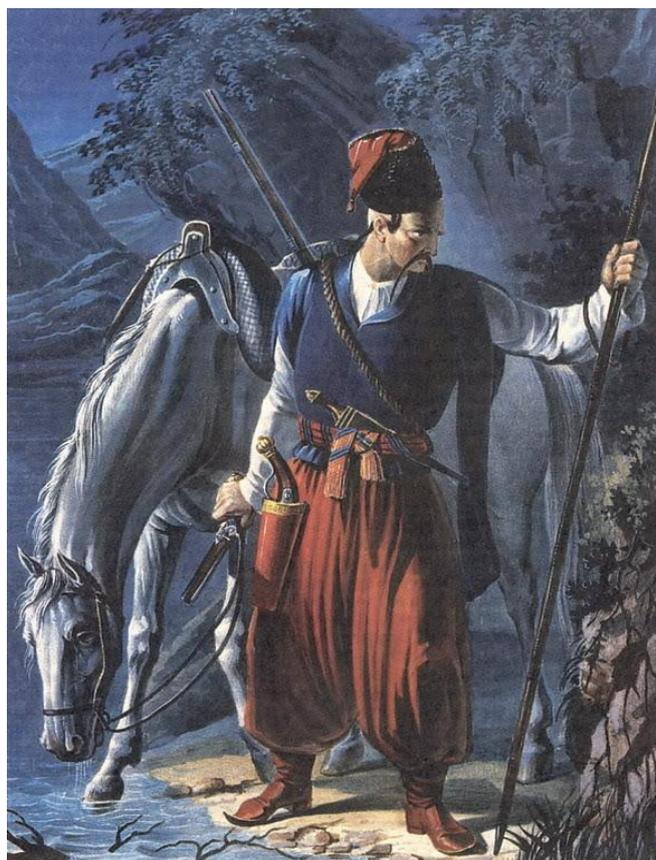
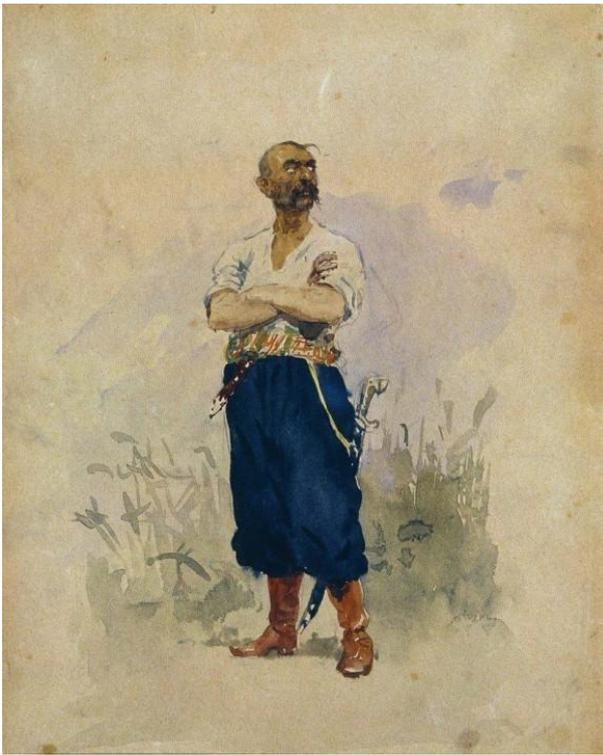

Рис.2 Низовой казак

ww2.ru

Рис.3 Шаровары

Рис. 4 Зипун

Рис. 5 Кафтан

Рис. 6 Военная форма

Головные уборы:

Рис. 7 Фуражка

Рис. 8 Папаха

Одежда казачек:

Рис.9 Комплекс понева и рогатая кичка

Рис. 10 Комплекс сарафан с кокошником

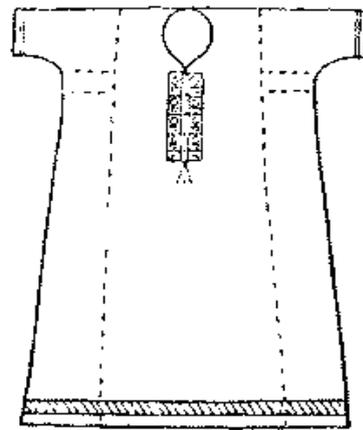
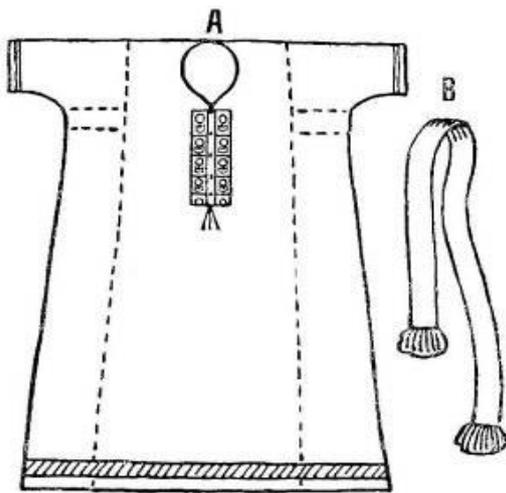
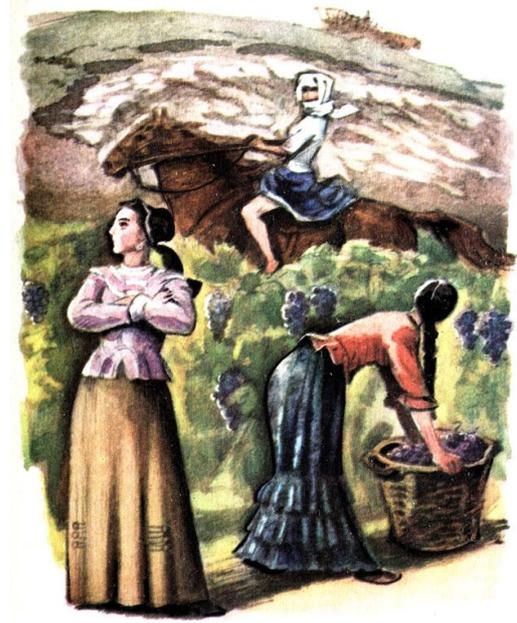

Рис. 11 Сукман

Рис. 12 Кубелёк

Рис. 13 Комплекс кофта с юбкой

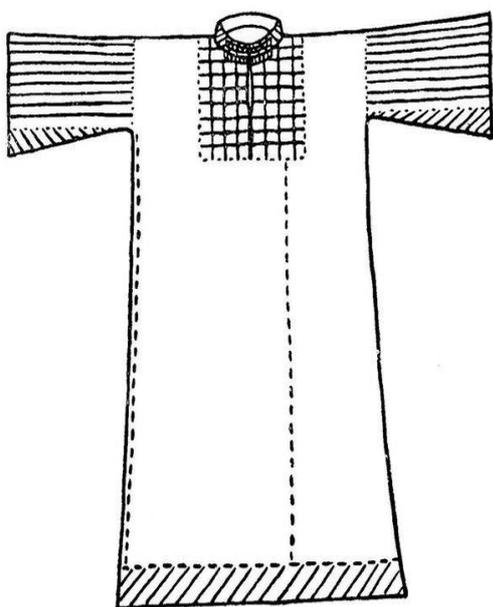

Рис. 14 Рубаха женская

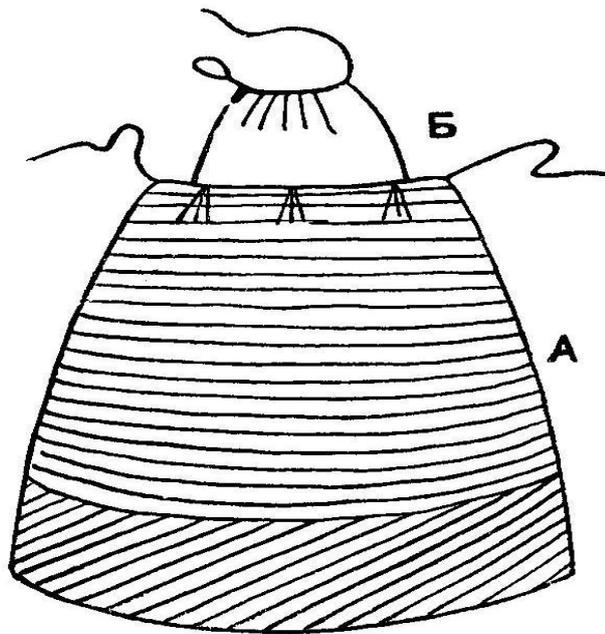
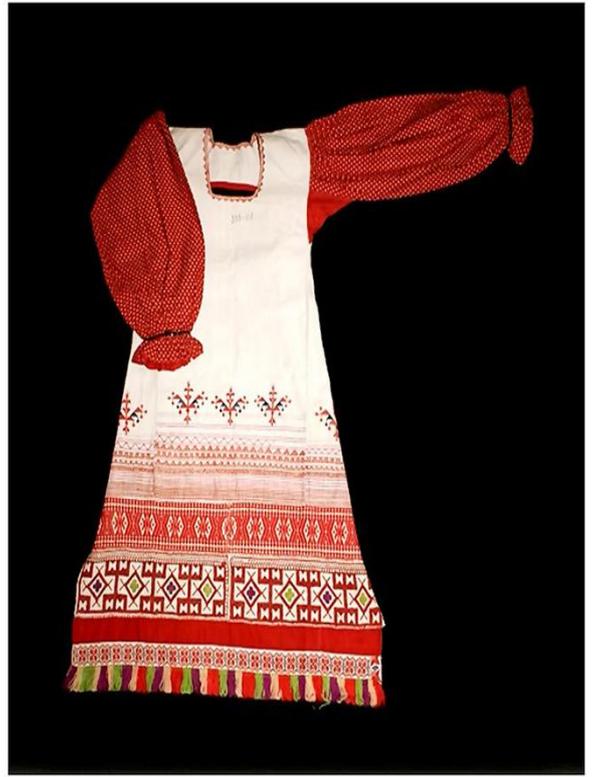

Рис. 15 Запон

Рис. 16 Кокешник

Рис. 17 Рогатая кичка

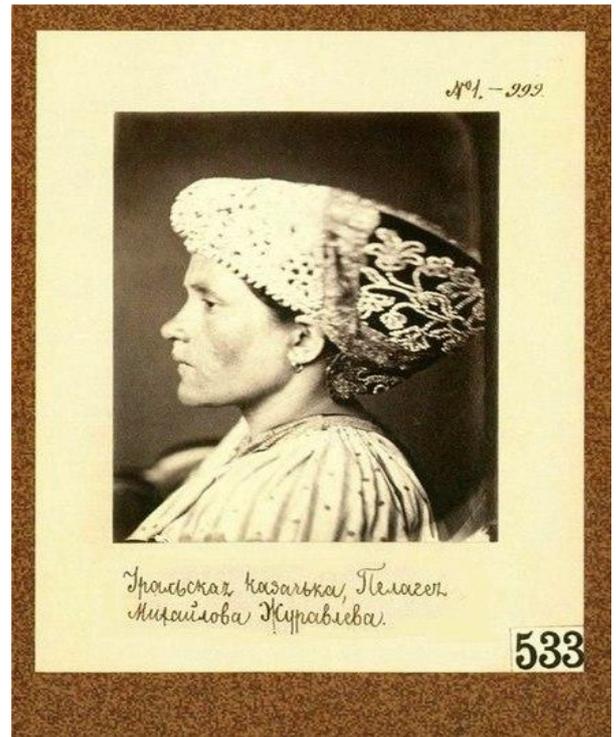

Рис. 18 Файшонка

Рис. 19 Колпак

Рис. 20 Понева

Рис. 21 Головные уборы